

Дарья Решетникова. Present invisible.

От автора.

Мне доводилось наблюдать множество литературных дискуссий, в ходе которых над автором нависали одни и те же вопросы – «Зачем ты это написал?», «О чём это?» или даже «Почему ты считаешь, что можешь писать об этом?». Любопытно то, что зачастую автор сразу же начинал подбирать «правильный» ответ, как будто он находится на скамье подсудимых, и от того, что он скажет, будет зависеть приговор. Также любопытно и то, что все эти ответы, какими бы они ни были, со временем растворяются в пространстве, и читатель с апломбом разглагольствует на тему «что хотел сказать автор», не делая скидку на то, что это его – читателя – представления о замысле автора.

Предвосхищая все эти дискуссии, позволю себе ответить на три поставленных вопроса авансом, ещё до того, как ты приступишь к чтению. Правильных ответов нет. Потому что любой ответ – правильный. Человек наделён даром речи – устной или письменной, это не так важно. Важно то, что любая книга имеет право на существование, независимо от её литературной ценности. К тому же, мне ещё ни разу не посчастливилось встретить универсальное жюри, которое могло бы безошибочно определить, стоит ли издать какое-то произведение или же место ему в столе автора до скончания веков.

Более шести лет в мою ментальную копилку со звоном, грохотом, хрустом и другими звуками приземлялись разнообразные фрагменты – жизни, портретов, описаний. Истории, подсмотренные случайно (если случайности существуют). Диалоги, записанные во время дружеских встреч. Сценки, украденные у прохожих в кафе, на многочисленных вокзалах, на улицах разных городов. Сначала они просто накапливались, не предвещая перспективы превратиться во что-то большее. Позднее мне стало казаться, что все они как-то связаны друг с другом. Что сейчас это разрозненные семена, каждое из которых станет растением, но вместе они превратятся в лес. Собственно, так оно и вышло – тропический лес текста внезапно возник перед моим озадаченным взором, ставя меня перед фактом: «я есть».

Зачем был создан этот текст? Затем, что любой текст имеет право на существование, и автор не обязан получать чьё бы то ни было разрешение на его написание.

О чём это? Обо мне. О тебе. О них. О нас. Обо всех, кто меня окружает. Обо всём, что происходило со мной и не со мной. Это было интересно, любопытно, и временами настолько неправдоподобно, что уже в чистом виде могло стать книгой.

Почему я считаю, что могу написать об этом? Потому что мне это удалось.

Итак, я – автор, обладающий неограниченной властью над пространством чистого листа, смешиваю людей, события и истории, как ингредиенты коктейля, как реквизит фокусника. Я заимствую у вас лица, жизни, диалоги, ваш платок, и ваше зеркальце, и вот ваши карманные часы, и ваше вот это вот – не знаю, что это; помещаю всё это в цилиндр, тщательно перемешиваю, произнося какие-то полу-латинские, полу-вымышленные заклинания... и вынимаю из цилиндра трепещущего зайца с прозрачными розовыми ушами! Зайца, не имеющего отношения ни к одному из вас, но состоящего из вас всех.

Посему, дорогой читатель, если ты узнаёшь себя или меня в каком-то эпизоде – знай: это не ты. И не я. Это заяц. Поэтому не рефлексируй и не спеши делать выводы. Просто смотри фокус, любуйся зайцем, потому что нет ничего более реального, чем эта иллюзия.

Если бы у Бога было хобби, то непременно макраме. Иначе как объяснить его пристрастие к завязыванию таких сложных сюжетных и кармических узлов?

Если верить в карму, то мы с Аароном неплохо попортили друг другу кровь в прошлой жизни, поэтому нас сделали близнецами. Однако вопреки расхожему мнению, мы были абсолютно разными. Нет, на лицо нас было весьма сложно различить, особенно в детстве (когда нас крестили, священник даже чуть не перепутал имена). Но во всём остальном мы ни на грамм не походили друг на друга. Более того, меня удивляет то обстоятельство, что мы не придушили друг друга ещё в утробе матери.

Так случилось, что я нашла на чердаке дневник Аарона. Конечно, мне было интересно, что в нём. И у меня были иные причины влезть в его личное пространство.

Аарон очень странно вёл записи – он как будто путешествовал во времени. Иногда это вообще были какие-то мысли и переживания, не привязанные ни к чему. Я читала долго и выборочно, пока не вспомнила о своём дневнике. Любой подросток когда-нибудь заводил себе красивый блокнотик, которому изливал свои страдания и радости. У меня тоже был такой, у меня их было много. Правда, мало что сохранилось – частенько, перечитывая прошлогодние вехи своей судьбы, я ощущала себя дурой редчайшей породы, и в гневе на себя самое уничтожала большую часть блокнота, оставляя только то, что ещё не раздражало глаз. Как правило, это была красивая обложка.

Я читала дневник Аарона на чердаке, время от времени вспоминая, что было со мной в тот или иной период. И идея сопоставить наши записи по датам пришла как-то сама собой. Говорят, близнецы проживают одну жизнь на двоих. Я читала о двух братьях, разлучённых в детстве; они получили одно и то же имя от разных родителей, женились на женщинах с одинаковыми именами и одинаково называли своих детей. Даже не подозревая о существовании друг друга.

Мы с Аароном были совершенно разными. Наверное, обычно Бог смешивает различные черты характера и моменты судьбы в одном шейкере, и из него, как по бокалам, эту смесь разливает поровну в близнецов. В нашем случае, судя по всему, он очень торопился – возможно, ждал гостей. Поэтому забыл перемешать ингредиенты, и нам с Аароном достались совершенно разные составляющие. Но временами я обнаруживала, что сейчас я как будто не я, а он. Например, посреди диалога, жестикуюлируя, я внезапно выключалась из процесса и смотрела на свои руки, и мне казалось, что у меня руки Аарона, что это не я стою тут, а он. Как будто он на мгновение телепортировался в мою оболочку.

Центр управления нашими телами иногда давал сбои. Сигнал терялся и приходил не на тот спутник. В период нашего отчуждения это происходило наиболее явно. Однажды я проснулась в воскресенье, нашла самый приличный наряд в шифоньере, в пустом автобусе приехала в костёл и добровольно отсидела мессу, ни минуты не понимая, что я тут делаю. Пастор говорил тихо, но из-за специфической акустики голос его был везде. Его руки описывали в

воздухе какие-то мягкие дуги. Мне показалось, что я его где-то видела. Впрочем, для такого маленького города это не странно – здесь все друг друга видели, просто объём человеческой памяти ограничен, поэтому лишняя информация удаляется. К тому же, мне довольно часто кажется, что я уже встречала это лицо где-то раньше. Возможно, это из-за привычки разглядывать людей. Я часто их рассматриваю, не могу объяснить, зачем.

Потом играл орган, и люди что-то пели, встав со скамеек. Они все знали слова. Все, кроме меня. Я тоже встала, уткнувшись в библию, чтобы спадающие волосы закрыли молчащее лицо (я так делала на уроках, когда списывала – за свисающей шевелюрой учителям не было видно ни движения глаз, ни посторонних испещрённых подсказками бумажек). Больше всего в жизни я хотела стать невидимой или внезапно оказаться в своей постели, на автобусной остановке, где угодно – только не здесь. Это походило на какой-то сюрреалистический сон в духе Кафки, в котором все знают, что происходит, а ты один как будто только что телепортировался сюда, но ни в коем случае не должен выдать себя растерянностью. Месса была на польском. Чёрт его знает, зачем ходил на них Аарон, понимающий по-польски полтора слова, но я сидела на деревянной скамье, абсолютно чётко осознавая, что это не я, это он влез в мою шкурку и пришёл сюда. Вероятно, его скафандр был чрезвычайно занят, и он решил воспользоваться моим. Во всяком случае, у меня нет другого объяснения тому, что я проснулась ранним воскресным утром и проехала через весь город, чтобы битый час выслушивать эту дурацкую мессу на незнакомом мне языке.

В тот период Аарон с трудом мог зафиксировать себя в реальном мире. Он путешествовал в прошлое и никак не хотел возвращаться. Я находила его в Катманду, пьяным и уставшим. Иногда мне звонили наши друзья и сообщали его геопозицию. Он не был враждебен. Он был отчуждён. Его глаза смотрели сквозь этот мир, он же находился в другом измерении и искренне не понимал, зачем его тревожат и требуют от него собранности.

Однажды мне удалось утащить его домой с очередной вечеринки. Родители уехали на выходные, и Аарон решил, что раз уж некому компостировать его несчастный проспиртованный мозг, можно ненадолго явиться в отчий дом. Надо сказать, Аарон никогда не считал его своим домом. Я вообще не уверена, что где-то был его дом. Не то чтобы он нас всех не любил – просто он нигде не чувствовал себя в своей тарелке, ему везде казалось, что вот-вот всё это закончится, и он пойдёт домой. Возможно, он вообще не нуждался в

наличии дома, дом был какой-то эфемерной, воображаемой координатой, как морковка перед ослом.

Так вот, мы сидели на ковре, точнее, я сидела – Аарон лежал, созерцая потолок, как это ни странно, осмысленным взглядом.

- Я наизусть знаю рельеф этого грёбаного потолка, - сообщил он мне важное известие, ткнув пальцем вверх, - я смотрел на него целыми днями, когда она ушла.

Меня изрядно достала эта история с разбитым сердцем и прошлыми жизнями, да и сам Аарон, разъедающий себя, как кислота, начал меня нервировать.

- Слава Богу, мы не сиамские – я бы тебя удавила или повесилась сама.

- Ты не могла бы убить себя или меня – ты могла бы убить только нас обоих.

- А если, к примеру, я прострелила бы кому-то из нас череп, общее тело перешло бы по наследству выжившему.

- И выживший, представь себе, до конца своих дней таскался бы, привязанный к трупу.

- Прекрасно это представляю; именно этим я и занимаюсь последние полтора года.

- Хорошо, что мы заслужили каждый свою упаковку. Пусть даже с не очень индивидуальным дизайном, - Аарон изобразил улыбку.

- Аарон, когда это кончится? Ты достал уже всех. Сколько можно?

- О, дааа; я – официальный представитель мирового зла в вашем подъезде! Миа, я не мозолю вам глаза, я ни к кому не лезу со своими переживаниями. Не оставить ли вам всем меня в покое? Может быть, проблема не во мне, а в том, что вам всем от меня что-то нужно? Не помню, чтобы я кого-то из вас обрабатывал напильником, чтобы вы вписались в мою картину мира. Может быть, пора ответить мне взаимностью?

- Может, тебе перейти с алкоголя на антидепрессанты?

- Они невкусные, и это меня расстраивает.

- Надо полагать, это была твоя очередная искромётная шутка?

- Ну раз ты её распознала, то надо полагать, да. Это была она. Миа, у нас есть ещё один брат, и он, надо сказать, тоже сейчас живёт чёрт знает где. Почему бы тебе не начать заботиться о нём? Тебе не кажется, что мы вообще как-то мало времени ему уделяем?

Под «ещё одним нашим братом» подразумевался Бакс. На момент диалога его орбита сместилась и мало пересекалась с нашими. Мы вообще как-то разлетелись в разные стороны после школьного периода. В детстве нас что-то держало всех вместе – весь наш братско-сестринский клан. Мы десантировались где-нибудь у бабушки неуправляемым племенем и придумывали себе миллион важных дел на ближайшее тысячелетие.

В подростковые годы нас постигла идея-фикс, через которую проходили, наверное, все подростки: мы мечтали стать рок-группой. Алекс клепал песни из четырёх аккордов и пятидесяти слов. Он покупал гитары, собирал микрофоны из наушников и часами мог упоённо вещать о транзисторах. Диджик мечтал построить первый в городе небоскрёб. Бакс был самым младшим, поэтому активнее всех фотографировался с ирокезом и прочей брутальной атрибутикой. А я носила сотню булавок, цепочек, старательно разодранные джинсы, и грезил о мотоцикле. В общем, мы были бандой. Всю неделю мы записывали понравившиеся песни на аудиокассеты. А поскольку диджеи любили вклиниваться в композицию, не дожидаясь её финала, часто получалось так, что у одного из нас обнаруживалась какая-то песня с начала, но не до конца, у другого – наоборот. После недели рыбалки на радиоволнах мы сверяли улов и на двухкассетнике Алекса "склеивали" из фрагментов целые песни. Раз в пару месяцев мы совершали паломничество в скромный магазинчик за вокзалом, в грязную подворотню, в обшарпанную дверь с облезлой табличкой «Пилот». В этой чудесной лавке сокровищ можно было заказать, чтобы тебе записали на кассету всё, что угодно. Мы составляли списки и копили карманные деньги на чистые кассеты.

Мы с Баксом перетряхивали старый потёртый чемодан с палёными Led zeppelin, Deep Purple, Pink Floyd, припасёнными папой со студенческой юности (и как они ещё сохранились!) - и из всего этого фабриковали сборники для своих плееров. Чемодан этот, надо сказать, сыграл важную роль в нашем музыкальном воспитании. Ещё в детсадовском возрасте мы завязывали на лбу тряпки на манер банданы Марка Нопфлера и, коверкая слова, мяукали «water of love». В младших классах – завешивали стол покрывалами, утаскивали туда магнитофон, наушники, какие-то провода и коробочки и, конечно же,

чемодан, и играли в радиостанцию. В 90-м году «House of the rising sun» держалась на вершине хит-парада около полугода. Несколько дней назад я ехала в машине с уже взрослым Баксом, и мы об этом вспомнили. Бакс сказал: «это было лучшее радио из всех, что я слышал!»

- А помнишь, мы ещё играли в татарскую рок-группу у мамы на работе?

- О Боже, не вспоминай! – Бакс закрыл уши, чтобы оградить себя от этого позорного эпизода нашей биографии. Не знаю, почему группа была именно татарской – причин такой экзотической национальной принадлежности мы вспомнить не смогли. По нашим представлениям, рецепт татарского языка был прост: нужно как можно больше гласных в слове заменить на «э» или «ы», а согласных – на «х». Я не помню, как это происходило, но мы знали наизусть свой репертуар на этом псевдотатарском языке (да, у нас был репертуар) и даже давали концерты под лестницей несколько раз. На концерты приходили умирающие от тоски дети других сотрудников, примерно наших лет. В общем, у нас даже были зрители. Вероятно, потому, что кроме наших концертов, развлекать себя там было нечем. Некоторые из них даже подпевали. За свою непродолжительную карьеру группа выпустила пару альбомов, потом начала писать матерные песни, огребла от мамы и прекратила своё существование.

В общем, мы были дружным выводком вплоть до старших классов. А потом наша Вселенная стала расширяться, и нас уносило всё дальше друг от друга.

Баксу удалось вписаться в этот мир быстрее всех. Я выросла хамелеоном, умеющим принимать правила игры и вежливо улыбаться. Аарон, наверное, так и не вписался в пространство вокруг себя. Он никогда не страдал от одиночества. Одиночество было его естественной средой обитания. Он не испытывал необходимости в людях. Я – наоборот. Я не могла долго находиться в вакууме. У меня была целая толпа друзей, знакомых и приятелей. Аарон фильтровал эту массу и выбирал себе только считанные самородки. Как это ни странно, выбранные самородки сами тянулись к Аарону. И в какой-то момент мне даже казалось, что они скорее его друзья, чем мои или наши общие. Он извлекал из мира только то, что ему было действительно нужно. Аарон всегда считался социопатом и меланхоликом. Он называл это «самодостаточность», но на мой взгляд, его терминология была не совсем точна.

Так вот, вспоминая все эти эпизоды, я не поленилась перепечатать наши с Аароном дневники, каждый день на отдельном листе, и рассортировать все

записи в хронологическом порядке. Иногда случалось чудо – в дневниках описывались одни и те же события, и я убеждалась, что мы точно не сиамские, потому что нельзя так вывернуть голову, чтобы увидеть всё то же самое с совершенно другого ракурса.

Мои записи начинались годами раньше, чем записи Арона: уцелевшему упитанному блокноту предшествовал ещё десяток таких же (все они в разное время подверглись инквизиции, но и из сохранившихся фрагментов можно было сделать выводы об уровне моего интеллекта). Кстати, это любопытный факт: писательством в нашем семействе увлекался всегда именно Аарон (хотя, филологическое образование по загадочным обстоятельствам выпало на мою долю), но писал он очень мало, и почти ничего не доводил до конца – рано или поздно его сочинение начинало его нервировать, и в итоге отправлялось в стол отбывать пожизненное наказание. Я же очень часто испытывала приступы графомании, моим записям не было конца и края, но я никогда не относилась к ним как к литературе или публицистике. Это был просто мой монолог в бумажном пространстве, скорее для себя самой в настоящем моменте, чем для каких-то выдуманных потомков, упаси Боже!

Дневник Арона начинался внезапно и носил, судя по всему, терапевтический характер. Получив по ментальному хребту, Аарон уткнулся в линованную жилетку ежедневника и изливал ему все свои печали крокодильими слезами чернил.

Аарон:

28 марта 2003 года.

Ощущение приближающегося конца всему. Вот мы встретились и не можем оторвать глаз друг от друга – и уже вот гуляем, держась за руки почти официально.

Незримое замирание падающей звезды за секунду до самоуничтожения. Как будто внутри что-то взорвалось, но взрыв был без грохота и дыма, без ошмётков и осколков – как будто взорвалось кукурузное зерно, и вместо ядерного гриба получился поп-корн, ватный, жирный. Я вернулся с прогулки, вошёл в прихожую и стал стягивать шарф. На мне повисла какая-то траурная, неприятная усталость. И тут мне на глаза попала «Игра в классики», ещё не дочитанная и до середины (я часто забрасываю книги, иногда это может

длиться годами, но я никогда не забываю, на чём остановился, даже если возвращаюсь к тексту через несколько месяцев). Я замер в прихожей с полуснятым шарфом в руках, потому что в этот момент ясно увидел, что произойдёт на следующей странице...

Миа:

29 марта 2003 года.

Факультет культуры и искусств сорвал джек-пот. Ему выделяют новый корпус. Майка сказала по этому поводу: «да, я видела его на карте, за ним только Карьер и кладбище. Хотя, ходят слухи, что это вполне комфортабельный шалашик, в нём даже потолок не обваливается, когда хореографы пляшут».

Вообще, надо сказать, это весьма аутентичное местечко. Однажды мне посчастливилось наблюдать занятия академического хора, которому не хватило аудитории. Дирижёр стоял на лестнице, а сам хор выстроился в пролёте, и мне казалось, что от фантастической акустики стены рухнут прежде, чем они закончат петь.

Аарон:

29 марта 2003 года.

Ты написала мне, что уходишь. Что-то щёлкнуло у меня внутри, и я ничего не чувствую. Совсем ничего.

Аарон:

1 апреля 2003 года.

Я проснулся и подумал: «ну вот, всё налаживается, я уже так долго живу без тебя, и ещё не сошёл с ума». А потом посмотрел на календарь, и увидел дату. Прошло всего два дня. Нет, я всё-таки сдохну.

Миа:

2 апреля 2003 года.

/Здесь к странице дневника был прикреплѐн степлером клочок мятой бумаги, содержащий нашу с девочками болтовню в письменном виде/

Санча: листик заканчивается.

Майка: давайте у Е.И.П. попросим.

Я: угу. «Дайте, пжалста, листочек, а то из тетрадок по вашему предмету мы уже все выдрали».

Майка: боже, как она может говорить этим голосом?

Интересно, если её заставить слушать собственные лекции в субботу в 8 утра – она тоже уснѐт?

Я: я думаю, это – увлекательнейшее время в её жизни. Она бы с радостью проводила так КАЖДОЕ утро!

Санча: и ведь ни разу не опоздала...

Майка: я бы даже приметку такую ввела – Е.И.П. не пришла на свою пару – к концу света.

Санча: Е.М. Допустила речевую ошибку – к реформам в области языкознания.

Я: Три декана входят в аудиторию, раздают всем по куску пенопласта и сообщают, что стипендию повысили в восемнадцать с половиной раз – к тому, что пора завязывать с тяжѐлыми наркотиками.

Майка: Тыква пришла на пару в субботу в 8 утра... к чему бы это?

Санча: к тому, что пары не будет.

Аарон:

3 апреля 2003 года.

Миа заставляет меня пить воду. Я ничего не ел уже почти пять дней. Пища стала для меня как кусок пластмассы – я не могу заставить себя что-то проглотить. Странно, но мне совсем не плохо. Я не теряю сознание, не мучаюсь от голода или головокружения. Мне никак. Я механизм, мне больше не нужно есть. Я почти не сплю. А когда сплю – мне снится, что ты пришла и

сказала, что пошутила. Или что ты бросаешь меня. Но даже во сне не объясняешь мне, почему.

Миа:

5 апреля 203 года.

/Ещё одна страничка с диалогами, прикреплённая скрепкой, датированная и без комментариев – видимо, мне в очередной раз было лень описывать события минувшего дня, и я ограничилась документальным свидетельством/

Майка: спяят устааалые студенты, Майка спиит...

Санча: я буду тебя толкать, и ты проснёшься. Ну, или, во всяком случае, такой сон перестанет тебе приносить удовольствие.

Майка: Физ-ра пятой парой – это верх садизма, товарищи.

Санча: а ты представь, что физрука сегодня замещает твой ненаглядный Бандерас.

Майка: ты переоцениваешь моё воображение. Знаешь, какой была самая длинная и содержательная фраза физрука за этот семестр? “Не рекомендую злоупотреблять”. А ещё он на прошлой паре разгадывал кроссворд около часа (мы всё это время бегали по стадиону, там ещё была огромная стопка матов, и мы с Мией периодически прыгали за неё, чтобы пропустить пару кружков). Потом к нам стали присоединяться ещё человек пятнадцать, поэтому за матами прятаться стало проблематично, и он что-то заподозрил. Так вот, когда его вызвали на кафедру, мы подошли посмотреть, что он там наугадывал. Санча, там было ДВА СЛОВА! Два слова за час разгадывания кроссворда! Причём, одно из них – “рыба”, а второе зачёркнуто! П.С.: А вот от домашнего Бандераса я бы не отказалась...

Санча: попроси своего парня, он наверняка не станет возражать.

Майка: а я что, я ничего. Это мне, так сказать, для помощи по хозяйству – мусор там вынести, например...

Санча: фи. И для этого тебе Бандерас? Уж лучше пусть стоит в каком-нибудь обзореваемом углу, на видном месте... с обнажённым торсом...

Майка: что за мысли? И не краснеешь?

Я: Майка, это ты должна краснеть – у тебя в комнате полуголый мужик непонятной национальности, на все вопросы отвечающий что-то невнятное про мусор.

Санча: ладно, а теперь о высоком. Майка, твой первый урок вальса будет завтра вечером у Мии.

Майка: у тебя духовка работает?

Я: ага

Майка: ураааа, пирожкиии!

Санча: красивый лифчик.

Майка: ?!

Санча: это я тонко намекаю, что в декольте видно. Не наклоняйся так над конспектами.

Я: может, это так задумано. Может, она экономиста совращает.

Майка: фу, я не совращаю экономиста.

Я: совращаешь-совращаешь!

Майка: ты не доживёшь до физ-ры.

Санча: Тыква ожидается кстати? У неё четвёртый прогул, она кроссы будет бегать каждый день с такой посещаемостью.

Я: не знаю, не знаю. Она вчера ночевала у меня, стрельнула 48-листовую тетрадь, строила глазки Баксу, клятвенно обещала сегодня быть, но судя по тому, что я её не наблюдаю, слова её – пустые обещанья. Кстати, а Бакс жарил нам котлетки в ночи. Вкусные весьма. А Аарон опять сидел в

своей комнате, зарывшись в книжки. По-моему, он там втихушку что-то употребляет – во всяком случае, там периодически явственно ощущается запах спирта.

Майка: и без нас? Вот мерзавец!

Аарон:

5 апреля 2003 года.

Мага ушла из жизни Орасио, забрав с собой все пластинки. Она унесла музыку из его жизни. И больше на протяжении повествования ни её имя, ни она сама, не появляются. За исключением одного упоминания – неизвестно, где она; возможно, рассылает открытки подругам с какими-то скандинавскими именами.

Ты ушла от меня не тогда, когда перестала отвечать на звонки. И не тогда, когда глядя на меня с какой-то неприязнью, объявила о своём уходе. Ты ушла от меня в тот момент, когда я стоял в прихожей с мёртвым шарфом в руках и читал книгу, лежащую в углу комнаты, сквозь обложку.

Аарон:

8 апреля 2003 года.

Майка, Санча и Тыква поочерёдно меня выгуливают. Это Миа им поручила, наверное. По крайней мере, иначе я не могу объяснить, чем так внезапно вызвал столько внимания с их стороны; в конце концов, это её друзья, а не мои. Думаю, они боятся меня оставлять одного. Но это зря. Я не стану себя убивать – я обещал тебе, что никогда этого не сделаю. Забавно: даже сейчас ты спасаешь меня.

Миа:

17 апреля 2003 года.

Сегодня смешной день)))

Можно сказать, официально зафиксированная дата моей первой любви. Я не удивлена, что помню её. Во-первых, об этом мне сообщил мой допотопный

дневник, в коем большая часть записей была сделана розовыми чернилами, местами вклеены вырезки про Modern Talking и какие-то картинки из журналов. Во-вторых, это был очень кинематографичный момент, моя память бережно хранит такие эпизоды, как фантик от жвачки, разглаженный ногтем, выдержанный в толстой книжке и всё ещё пахнущий синтетической дыней.

Мне было одиннадцать. После школы мы все втроём околачивались у мамы на работе. Временами там были и другие дети, но в основном мы варились в собственном соку. Поэтому периодически что-нибудь выкидывали. Например, однажды Аарон притащил откуда-то настоящий огнетушитель, и мы его опробовали в мамин кабинет. Чипсе повезло меньше всех: порошок попал в её голубой глаз, отчего глаз сменил цвет на ярко-красный и неслабо отёк. Она долго умывалась, причитая, что мы идиоты. Чипсина мама работала с нашей, и Чипсе тоже было смертельно скучно, поэтому мы объединились в наших бесстрашных поисках приключений. Потом мы собрали столько котов, сколько могли унести, и приволокли их в мамин шкаф. Коты не поделили территорию и чуть не разнесли всё помещение.

В этот день мы с Чипсой нашли плохо обозреваемый закуток, где росли черёмухи и яблони. Они как раз цвели, аромат стоял плотный и сладкий. Мы залезали по очереди на дерево и трясли его. Та, что оставалась внизу, кружилась под падающими лепестками. Чипса носила джинсовую жилетку, чему я безумно завидовала, правда, откровенно девчачья вышивка на спине отменяла всю брутальность Чипсиного одеяния. У меня была трёхслойная юбка с кружевной оборкой и надписью «lambada», розовая футболка с далматинцами и пышная грива, на которой якобы не удерживалась ни одна заколка, стоило мне покинуть мамин кабинет. По утрам грива на затылке превращалась в валенок, и мама расчёсывала меня долго и мучительно, пока я завтракала. Я периодически визжала, но красота упорно требовала жертв, и заколки продолжали «спадать».

Я кружилась под деревом, ещё не подозревая, с какими нервами мама будет вычёсывать все эти лепестки из моих волос, когда Чипса на ветке сначала замерла, уставившись в одну точку, потом побледнела, и в следующий миг её сдуло ветром в неизвестном направлении. Я обернулась и увидела охранника. Судя по всему, он уже давно созерцал этот зоопарк – стоял, прислонившись плечом к кирпичной стене, с закатанными рукавами, и смотрел на меня с каким-то умилением и примесью «сейчас я кого-то за шиворот отнесу к маме». И по диагонали всего этого шика летел черёмуховый снег. И пахло

невыносимо вкусно. И я влюбилась. Влюбилась даже, наверное, не в него, а в эту манеру смотреть, в эти точёные, взрослые линии рук, в это превосходство. Я стояла и не могла дышать. Мне казалось, что я вот-вот упаду в обморок.

Потом я пришла в мамин кабинет и стала смотреть в шифоньерное зеркало. Я смотрела так, как будто впервые видела себя. Как будто никогда раньше этого не делала. Хотя, по-моему, так оно и было. Я привыкла быть ответвлением Аарона. Мы старались быть максимально похожими, носили одинаковые рубашки и кеды. Поэтому до того момента, наверное, я даже не осознавала своей гендерной принадлежности. Не думала о себе как об отдельной единице. Так что, спасибо тебе, прекрасный страж скучнейшего заведения!

Я даже посвятила ему пару слюнявых стихов. Про то, как Амур пронзил моё сердце стрелами, и все мы когда-нибудь умрём. И исписала форзац дневника его именем – почему-то дети сублимируют свою любовь этим странным способом.

Через пару дней мы с Чипсой бесились в мамином кабинете, пока она ушла по делам. Мы скакали со шваброй и веником, наряжались в какие-то тряпки и красили губы помадой, которую купили по дешёвке на собственные сбережения. Но какой толк от макияжа, если его никто не видит? Каморка моей playground-love по счастливому стечению обстоятельств была дверью напротив маминого кабинета, и я прокралась на цыпочках, чтобы посмотреть, что он там делает. Он заметил меня, и я убежала обратно. И захлопнула дверь. Мы смеялись, как гиены. И тут в дверь постучали. Мы увидели его сквозь мутное стекло, и у меня задрожали коленки. Но я открыла. Он стоял на пороге, изо всех сил стараясь не смеяться. «Вы бы, - говорит, - полезным чем-нибудь занялись», - и улыбается. И не уходит. Стоит и смотрит, стараясь не смеяться. Я не могла пошевелиться, а Чипса за моей спиной начала рефлексорно мести пол веником, который был у неё в руках. Потом он сказал: «красивая помада» и ушёл. Я помню эту помаду, она была идиотского розового цвета и совершенно противная на вкус.

Судя по всему, он тоже умирал от скуки на своей работе. Потому что подыгрывал мне в моих бездарных попытках очаровывания. Помнится, с техническими науками у меня в школе сформировались не лучшие отношения. Не то чтобы я не любила алгебру, просто мы были недостаточно хорошо знакомы, чтобы я могла её полюбить. И мама наняла репетитора, который

приходил по мою душу прямо к ней на работу. Как-то вечером меня истязали квадратными уравнениями, а мама за столом заполняла документы. Объект моих мечтаний пришёл поболтать с мамой про какой-то кирпичный завод и какую-то глину в мешках. Он говорил, а мама слушала и отвечала, не отрываясь от документов. А репетитор безрезультатно старался реанимировать мой несчастный расплавленный мозг. А я косилась на своего героя, и квадратные уравнения становились круглыми, треугольными – какими угодно, я всё равно не понимала их. А он сверлил меня глазами, сдерживая издевательскую улыбку, и видимо, ставил эксперимент, в какой же ещё цвет может окраситься моя физиономия под этим взглядом. А я ставила эксперимент, умру я или нет, если не буду отворачиваться.

Моя любовь длилась целых два года, потом мне надоело ошиваться до ночи у мамы на работе, и я затребовала собственный ключ от квартиры, чтобы идти после уроков сразу туда. Хотя, позднее, помнится, я приходила выгуливать кота, как будто в нашем дворе он ну просто никак не погуляет. И ещё мы встретились случайно, на улице, когда мне было уже семнадцать. И долго улыбались друг другу.

Аарон:

17 апреля 2003 года.

Я приучил себя есть хоть понемногу. Мне пришлось прожечь в ремне ещё две дырки. Джинсы спадают. Санча и Тыква устали терпеть моё унылое общество. Майка ещё держится. Мы гуляем с друзьями и пьём. Точнее, я пью, а Майка делает вид, что пьёт. Она старается не выпускать меня из виду, но переживает напрасно. Со мной всё хорошо.

Аарон:

28 апреля 2003 года.

Я знаю, что мы встретимся. Я не знаю, как потерял тебя в прошлой жизни и потерял ли вообще. Но нам дали ещё один шанс. Да, тут мы тоже не отличились, но не в последний же раз живём. Ещё есть возможность всё исправить. Я уже нашёл тебя однажды, найду и ещё раз. Я [неразборчиво] часами лежал на полу, изучая потолок. Я не знал, что существует ТАКОЕ

безразличие. Но теперь всё хорошо. Мне осталось перекантоваться в этом мире несколько десятилетий – и я снова найду тебя, и на этот раз уже не потеряю.

Миа:

9 мая 2003года.

Мне приснился странный сон. Странный и пугающий. Я смотрела на небо, а небо наполнялось водой, как бассейн со стеклянным дном. Чёрной грозовой водой вперемешку с тучами и грохотом. Я стояла, и мои ноги как будто вращались в землю, это крайняя степень оцепенения – когда ты настолько хочешь бежать, что не можешь пошевелиться.

Во сне меня часто охватывает гидрофобия. Я не помню, когда начала видеть эти сны, но какой-то первобытный страх воды жил во мне всегда. В детском саду, слыша «дети, строимся в бассейн», я превращалась в невидимку. Надо сказать, весьма успешно – меня регулярно забывали взять с собой, и я отсиживалась в каком-нибудь углу, пока все дети не вернутся. Но вот что любопытно – я не помню, почему боялась бассейна. Я никогда его не видела на тот момент, но что-то заставляло меня растворяться в воздухе при упоминании этого жуткого места.

Больше, чем бассейн, меня пугала только дверь с надписью «Театральный кружок» - тоже, надо сказать, какой-то странный, совершенно выдуманный и необъяснимый страх, заставлявший меня пробегать мимо этой двери со скоростью света.

Достигнув возраста, щедрого на подвиги и провокации, я с чего-то взяла, что мой страх покинул меня вместе с детсадовским периодом. Нас, школьников-подростков, построили в пёструю шеренгу и повели в настоящий взрослый бассейн.

Я думаю, любой подросток подпишется под фразой «у этого мира кишка тонка заставить меня чего-то бояться». Я готова была выгравировать этот лозунг на фасаде дома или написать его у себя на лбу. Поэтому в числе первых героев прыгнула с вышки.

Последнее, что я помню – это переливающаяся поверхность воды, сквозь которую непрерывно искажалось всё помещение. Она была бело-серебристая,

как расплавленное зеркало, как жидкое серебро, как космическая материя. Удивительная чёткость линий и пятен, и в то же время – совершенная невозможность разделить эти узоры на узнаваемые объекты. И мне казалось, что нужно сделать один рывок – и плёнка воды лопнет, выпустив меня на поверхность. Но с каждым движением моё тяжёлое тело опускалось всё ниже и ниже. А потом я почувствовала, как мои лопатки коснулись скользкого, прохладного кафельного дна. И от возможности дышать меня отделяли тонны воды и глухого шума. Сначала это было жутко. А потом страх растворился. И осталось только прозрачное осознание: это происходит со мной сейчас. Я повторила это, как мантру, два или три раза. Это происходит. Со мной. Сейчас.

А в следующий миг я сидела на борту бассейна, и меня колотило от холода. И до сих пор я не могу вспомнить, как там оказалась.

Я рассказывала об этом только братьям – у нас был такой негласный закон; мы делились чем-то страшным или тревожным только друг с другом, а не бежали жаловаться родителям.

Это любопытный факт, но моя выдуманная гидрофобия действительно покинула меня. Вода подарила мне полезную мантру и эффективный способ борьбы со страхами. Надо сказать, способ действовал многократно и безотказно. Весь фокус в том, что если ты чего-то боишься – ныряй в это. А потом замри и не шевелись. Почувствуй себя в настоящем моменте – и ты обнаружишь, что ничего страшного с тобой не произошло. Ты жив. Вот твоё тело, вот твои мысли, вот твой мир. Всё по-прежнему стоит на своих местах.

Аарон:

9 мая 2003 года.

Я вспомнил, как около месяца назад ждал тебя. Мне показалось, что в квартиру кто-то пробрался, я стоял посреди кухни с пневматическим пистолетом и прислушивался к звукам. И вдруг тишина лопнула: в соседской квартире об пол с резиновым отзвуком стукнулся мяч, и мальчик крикнул: «маам, я пошёл». И я чуть не нажал на курок от неожиданности. И перед моими глазами всплыла картинка – вид из окна, когда ты уходила в магазин. Я смотрел тебе в спину и понимал, что скоро всё закончится: ты уйдёшь СОВСЕМ. Я не знаю, откуда взялась эта мысль – ничто не предвещало

расставания. Но я увидел твою удаляющуюся спину и понял, что ты уходишь от меня.

Аарон:

10 мая 2003 года.

Мы пробуем быть друзьями. Это очень плохая идея. Это лучше, чем совсем не видеть тебя, но так странно – теперь мне нельзя взять тебя за руку, например. И мы больше не разговариваем, как раньше. Ты в основном молчишь. И, кажется, ждёшь, когда же я уйду.

Я пришёл в гости, и ты включила какой-то студенческий фильм. Я смотрел сквозь сюжет, не особо вдумываясь. Какой-то мальчик встречается с какой-то девочкой, она встречается с кем-то ещё, вот он узнаёт об этом и страдает, а потом встречает другую девочку. В общем, мутная, неинтересная, совершенно бессмысленная короткометражка. Единственный ценный эпизод – когда в отчаянии мальчик выбегает на улицу, оглядывается по сторонам и видит газонокосильщика. И цвет в кадре инвертируется: крупным планом винты перемалывают в клочья красную траву, и из-под лезвий брызжет алый сок. Пожалуй, фильм имеет право на существование из-за одного этого кадра.

Полдня шаркался по городу в поисках ЧЕГО-ТО. Это у меня бывает, накатывает: хожу, ищу непонятно что... заглядываю в лица прохожих, вывески читаю, световые пятна рассматриваю... как будто меня зовёт кто-то, а я дорогу не помню. Останавливаюсь посреди улицы, как будто тут что-то должно быть, прямо ощущаю это... и ничего не происходит. В каком-то фильме была фраза: «я как будто всё время пытаюсь что-то ухватить, но оно постоянно ускользает»... Оно вот совсем рядом, вот как будто тут же, но в другом времени, что ли... это всё равно что через сотню лет стоять на месте, где был дом. Как будто он остался, невидимым, слабо осязаемым призраком.

Дождь, грязь, народ разноцветный суетится, становится компактным, помещается под крошечными навесами. «Всё те же и всё в том же». Как-то в такие времена я особо остро ощущаю свою непричастность ко всему этому... как будто я тут временно, как в прихожей стою в ожидании дворецкого с его суховато-учтивым «проходите».

Сквозь сумку что-то упирается углом в бок. Это «Парижский сплин». Я прихожу в библиотеку, достаю один за другим ящики и читаю все картонки подряд, интуитивно выписывая книги. Как будто ищу какую-то определённую, но не помню ни автора, ни названия... Я какой-то сыщик-маразматик: тщательно и скрупулёзно распутываю сложное преступление, но его суть и событийная канва уже давно покинули мою память, и осталась лишь преданность своему делу.

Миа:

10 мая 2003 года.

После зачёта потащились с Тыквой на вокзал. Поездами и вокзалами болеем обе, поэтому и пошли успокаивать свои тоскующие по дороге души. «На сумрачном вокзале по ночам торжественно и пусто, как в соборе»... Идём по путям, я – по рельсе, Тыква – по шпалам. Поедаем кукурузные палочки. В сооружение, именуемое в народе матюгальником, нас просят немедленно покинуть рельсы, и впредь читать таблички, запрещающие подобные прогулки. Интересы ради отправились на поиски оных. Одну даже обнаружили. В кустах за вагонами, заселяющими запасные пути. Невольно пришёл на память допотопный ужастик из серии «кто кого, а главное – КАК – съел». Ну, знаете, такой, где компашка молодёжи, включающая в себя весь спектр архетипов, отправляется куда-нибудь в тёмный лес на уик-энд, и там их по очереди кушает какая-нибудь тварь. Комплект персонажей, как правило, стандартен: Герой (эдакий лидер с красочной физиономией); если же Герой по натуре своей ещё юн и пылок, то уравновесить его нужно присутствием Мудрого Дядьки, который периодически будет наставлять его на путь истинный. Есть и Героиня, вся такая положительная, милая и образцовая. Вероятнее всего, она тоже выживет, поскольку они с Героем втрескаются друг в друга по ходу событий, а классика жанра предполагает хэппи-энд. В финале обязательно покажут, как они поженились и живут долго и счастливо, храни их Спилберг. Далее: есть какой-нибудь трусливый тип, он у нас типа антигероя, всем постоянно делает пакости, со всеми спорит и, конечно же, принимает кучу неверных решений. А потом оказывается, что у него было тяжёлое детство, деревянный «Макдональдс», прибитый к полу, и вообще, он не хотел быть плохим, и обязательно исправится, но смерти ему всё равно не миновать. Так вот, в том фильме было нечто подобное, и какая-то мерзость, периодически выскакивавшая из воды, как бы сообщая зрителям: «глядите, как круто меня сделал мастер спецэффектов», скушала всех. Герой, чудом уцелевший, выполз на песок и упал в изнеможении, полагая, что сейчас пойдут титры. Вот тут-то им и закусило чудище морское. Фильм увенчался

ржавой табличкой «купаться запрещено», установленной почти что в соседнем штате и заросшей мхами и плющами едва ли не эпохи прабабки морской твари.

Миа:

11 мая 2003 года.

Мне подарили флейту. На случай если захочу стать бродячим флейтистом.

Майка, прослушав историю появления подарка, испустила тоскливый вздох: «Вот смотрю я на тебя и понимаю, что вся жизнь мимо меня идёт».

Любопытно, что меня такая мысль иногда посещает, когда я смотрю на Майку. Мне с моего ракурса кажется, что вот у неё-то всё намного интереснее, чем у меня. Наверное, любой предмет зависти мнится таким необходимым только потому, что его у тебя нет. В противном случае ты его воспринимаешь как должное.

Миа:

15 мая 2003 года.

/Здесь к странице дневника был приколот степлером двойной клетчатый лист с перепиской/

Майка: сегодня погода классная. Может, вечером у реки погуляем?

Санча: я не могу, у меня гости.

Майка: ну давайте хоть в воскресенье что-нибудь замутим?

Я: в воскресенье мы снимаем Тыквины глюки.

Майка: я помню, но не целый же день!

Санча: очень надеюсь.

Я: кстати, а сама Тыква где?

Майка: в «Сиднее», видимо, опять пирожки по 3,50.

Санча: я предлагаю быстро всё снять и пойти погулять.

Я: ага, с Тыквиным французом.

Санча: можно и с ним.

Я: а мне придётся таскаться со штативом, камерой и гитарой.

Майка: почему с гитарой?

Я: Тыква сказала, надо гитару. «Девочки, завтра снимаем клип. Принесите, пжалста, симфонический оркестр».

Майка: вопрос от тормоза. Что за француз?

Санча: она нашла какого-то студента по обмену, мальчик из французской провинции.

Я: я думала, мы снимаем сонет Лорки...

Майка: что-то я вообще ни хрена не понимаю...

Я: все оценили, как аспирант презрительно посмотрел на Тыкву, когда дверь раскрылась с деликатного пинка, и она нырнула за нашу парту?

Тыква: придумали сценарий для Лорки?

Майка: щас, шнурки погладим...

Санча: философу...

Майка: сегодня у него зелёные.

Санча: вчера был жёлтый галстук. До этого – бордовая рубашка и эти же идиотские брюки с ботинками под крокодила.

Я: Тыква, мы безнадёжно отстали от моды.

Санча: на парах чаще бывать надо.

Майка: не знаю – не знаю... Тыква вот рукава на ногах носит.

Тыква: очень, знаете ли, удобно. Так, что там со сценарием?

Я: как тебе такой вариант? Ночь. Улица. Фонарь. Аптека. Муравьед крадётся за аспирином. Из окна слышится Марсельеза. По карнизу ползёт паровоз, запряжённый в

кошку. Сверху выбрасывают ящик с апельсинами. Муравьед останавливается, проникновенно смотрит в камеру и читает сонет Лорки. Апельсины поют Марсельезу. Луна падает и катится по мокрому асфальту, как люк от колодца.

Тыква: мне нравится. Беру.

Миа:

28 мая 2003 года.

Во втором часу ночи в мою избу-читальню (для этих целей я оборудовала кухню) пришёл папа:

- Ну что, сколько разбитых сердец сегодня?
- Ни одного...
- Теряешь сноровку... А как там этот, как его зовут?
- Не знаю, «этого» недели три не наблюдала.
- Понятно, вычёркиваем.

Аарон:

7 июня 2003 года.

Мама повезла меня в новую квартиру. Мы переезжаем через пару месяцев. Точнее, это они переезжают. Я вошёл в квартиру и внезапно понял, что никогда не буду тут жить. Не знаю, как объяснить это, это не антипатия к помещению, это чёткая уверенность в том, что оно не станет моим домом.

Аарон:

13 июня 2003 года.

Мы с Джерри сидели под мостом. Он любит висеть на всяких мостах вниз башкой, и чтобы внизу была горная река с камнями или проплывала баржа, ну или чтобы мост держался на соплях. Иначе не интересно. Когда-то мы

виделись тут же, и Джерри тянул меня залезть под мост, туда, на самый верх, сквозь решётку с замком. Я сказал «ну тебя в баню, я туда полезу, только если мне жить надоест». И вот, сегодня мы залезли под мост, и сидели на деревянной площадке с прогнившими досками, а внизу хрипела река. Я смотрел вниз и старался почувствовать хоть что-нибудь, чтобы хоть инстинкт самосохранения проснулся. Но страха не было. А потом я услышал, как на берегу поют кришнаиты. Я слышал массу страшилок про то, как люди отдают своё имущество сектам, но никогда не понимал, что в этот момент ими движет. Как можно настолько потерять мозги, чтобы добровольно всё отдать явным мошенникам?

Сегодня на мосту мне стало ясно. Они понимают. Когда они это делают – они всё понимают. Просто есть такое состояние, когда ты готов отдать всё, только бы у тебя вырвали всю эту боль из сердца, и ты просто сидел, тихий и умиротворённый, в тени деревьев, и пел мантры, раздавая прохожим буклеты и улыбаясь.

И тут у меня зазвонил телефон. Это была мама. Я ответил. Мама поинтересовалась, всё ли у меня хорошо. Я ответил, что да, всё хорошо, я гуляю. И мама задала вопрос, на который я не сразу смог ответить. Она спросила: «Ну ты же просто гуляешь? Ты там не под мостом каким-нибудь?» Я заверил её, что не собираюсь прыгать с моста, топиться, вешаться или бросаться под поезд. И долго думал, откуда это предположение возникло у неё в голове.

Аарон:

18 июня 2003 года.

Я не знаю, [неразборчиво] твою мать, зачем это [неразборчиво] если всегда [зачёркнуто] и почему я не могу быть дебилом, которому всего хватает и вообще всё равно, [неразборчиво] к чёртовой матери.

Миа:

20 июня 2003 года.

Сказка о Василисе не очень премудрой. Ещё одна ночь без сна. Тыква снова живёт у нас на кухне. Дружно рыдаем над учебником по синтаксису, который накануне переименовали в апокалипсинтаксис. Заливаем свою печаль смесью сублимированного кофе и кока-колы. Я обычно не ложусь, если спать остаётся меньше трёх часов. Поэтому сегодня Тыквины очередь спать. Итак, мы снова вместе: Тыква, я, галлон кофе, тонна конспектов и сибирская белая лиса. Тыква умоляюще теребит Коржика:

- Кооот. Ну коооот. Сделай за меня синтаксис! Вот в сказках у всех были животные-помощники. «Утро вечера мудренее», - подумала Василиса и легла спать. Просыпается – а за неё кот весь синтаксис сдал.

Аарон:

25 июня 2003 года.

Однажды, ещё до расставания, мы свернули с центральной улицы чуть вглубь, во дворы, и шли среди совершенно невообразимых домов. Это были двухэтажные бараки из тёмных старых брёвен. У меня даже в груди защемило от желания попасть внутрь, посмотреть, как там. Ты сказала мне: «давай постучим в какую-нибудь дверь и попросимся в гости», но я побоялся.

Сегодня Джерри привёл меня в тот самый дом. Оказалось, у него там друзья. Меня представили. Это чудесное место, я был прав, когда мечтал сюда попасть. Архаические деревянные лестницы, древние двери и совершенно кинематографические персонажи.

Аарон:

26 июня 2003 года.

Приехал Бакс. Случилась странная штука. Когда я вчера уезжал из дома, краем глаза увидел на лестничной площадке тряпье и подумал сначала: ну вот, какой-то из местных наркоманов отдал концы от передозировки. Я решил, что если и так, то мне всё равно. Я не хочу в это вмешиваться, это не моё дело.

Бакс приехал днём позже и сказал, что утром на площадке умер наркоман. Я вспомнил про кучу тряпья, на долю секунды показавшуюся мне трупом. Выходит, что вчера наркоман ещё не умер, и даже ещё не вколол себе ту

самую дозу, а его фантом уже развалился поперёк лестничной клетки. Как будто это было неизбежно.

А ещё я вспомнил, как подростком спускался в подъезд и наткнулся на пьяную пару. Вернее, нет, всё было не так. Я вышел из квартиры, твёрдо вознамерившись явиться на уроки без опозданий. Но обстоятельства не предоставили мне такой возможности.

Я услышал громкий пьяный монолог, суть которого разобрать было сложно, но оратор был явно чем-то недоволен. Я даже увидел его фрагмент в тельняшке сквозь перилла и замер, принимая решение – проскользнуть мимо него на свой страх и риск или на цыпочках подняться на пролёт выше и вызвать лифт. И за второй вариант проголосовали 99% нейронов моего мозга, но в этот момент тельняшка отклонилась, и картина обрела совсем другой смысл. Пьяный сидел на ступеньках, а чуть ниже лежала девушка. Тоже на ступеньках. Её затылок не очень удобно устроился на колене юноши в тельняшке, а стеклянные глаза смотрели вверх, прямо на меня. Вернее, смотрели они вникуда – было ясно, что девушка не то мертва, не то не в сознании. Но это было настолько жутко – она смотрела прямо на меня, и я уже не мог уйти.

Я спустился и спросил, что произошло. Тельняшка запричитал, что они вышли покурить, а она упала, пару раз, задыхаясь, что-то пыталась сказать, и вот больше не шевелится.

- Сердечный приступ, скорее всего, - уныло и безучастно констатировал курящий в углу сосед, присутствия которого я сперва даже не заметил, - я вызвал врачей, должны приехать.

Девушка не дышала. Она была всего на пару лет старше меня. Я чётко помню чёрное «каре» и бледно-голубые глаза. Несколько раз, пока мы ждали врачей, она внезапно приходила в себя, но из-за жуткой аритмии никак не могла отдышаться. Я попросил её постараться успокоиться, пытался напоить водой из бутылки. Она отчаянно старалась что-то сказать, махала руками, затем снова замирала и в одно мгновение превращалась в обездвиженную куклу без признаков жизни.

Я спросил тельняшку, что она пила, или, может быть, не пила. Тельняшка заплетающимся языком выдавил сквозь слёзы:

- Это моя самая любимая женщина! – и, видимо, припомнив курс оказания первой помощи, стал давить ей на грудную клетку, прямо на ступеньках.

- Понятно, а пила она что? – я отстранил его, чтобы он не сломал ей позвоночник от усердия.

- Ничего не пила она, я пил, а она не пила, мы покурить вышли...

- Слушай, – я понял, что он врёт, – сейчас сюда приедут врачи, и они могут ей помочь. Ты видишь, что ей совсем плохо, вполне возможно, что сердце откажет раньше, чем её довезут до больницы. Если ты не скажешь им, из-за чего это – они не смогут ей помочь.

Девушка снова пришла в себя на несколько секунд, и тельняшка начал объясняться ей в любви. Она всё ещё о чём-то просила жестами, и на этот раз ей удалось сказать одно слово – «курить».

- Куда тебе курить ещё, – уныло подал голос сосед из угла.

Она запротестовала и стала дышать ещё чаще, и я подумал, чем чёрт не шутит, может, ей станет лучше. Я сказал тельняшке, чтобы он дал даме закурить. Тельняшка порылся в её кармане, извлёк пачку тонких сигарет, прикурил одну и несколько раз пронёс её мимо губ девушки, потому что, судя по всему, в его глазах девушек было несколько. Я отобрал сигарету, пока он не прожёт любимой глаз, и протянул девушке сам. Она затянулась, и это произвело должный эффект. Либо никотин восстановил привычное состояние её организма, либо она немного успокоилась, но факт остаётся фактом: я услышал, что её дыхание зазвучало ровнее, и она стала чаще приходить в себя.

Прошло ещё около пятнадцати минут. Потом приехали доблестные доктора, тоскливо огляделись и поинтересовались, кто девушку спустит к машине. Я был ужасно зол. Не на кретина в тельняшке, который чуть не убил человека своим тупым ожиданием чуда. Не на соседа, который молча курил в углу всё это время и принёс воды только по моей просьбе. А на двух быков в белых халатах, каждый из которых мог с лёгкостью её поднять. Видите ли, это не входило в их обязанности.

Я сказал:

- Не знаю, вот в этой квартире бабка живёт полупарализованная – может, она спустит, раз больше никому.

Один из быков уставился на меня, переваривая эту мысль, потом недовольно смерил меня взглядом и сказал напарнику: «ну чо стоишь, неси носилки».

Девушка пришла в себя и снова впала в панику. Я протянул ей сигарету (это была уже пятая, они все успевали дотлеть прежде чем она затягивалась). Девушка выпустила дым губами и указала мне на свою поясную сумку. Я только сейчас заметил её и подумал, что возможно, там лежат какие-то лекарства, и это хоть немного прояснит ситуацию. Я подал сумку ей, и она достала... шокаладку. Я машинально помог ей справиться с обёрткой, полагая, что фокус с сигаретой прошёл на «ура» - возможно, и шоколад возымеет должный эффект. Я отломил две плитки, держа их кусочком фольги – чтобы не прикасаться грязными пальцами, и подал ей.

Она сказала: «это тебе». Это всё, что она смогла сказать перед тем, как снова отключиться.

Потом вернулись медики с носилками, погрузили её, как мешок, и скрылись в лифте. Сосед уполз в своё логово, тельняшка остался на ступеньках, причитая что-то про самую любимую женщину.

А я шёл мимо школы – к песчаным каньонам, с обломком молочного шоколада в обрывке фольги.

Мне очень хотелось, чтобы её спасли.

Аарон:

27 июня 2003 года.

Мы придумали название этому чудесному месту. Бакс звонил друзьям, объясняя дорогу. Но путь сюда сложен и тернист. И удивительно красив. Сначала ты сворачиваешь в подворотню и оказываешься в каком-то параллельном измерении, потому что тут стоят ветхие домики и ходят трамваи. Потом бежишь через рельсы в неположенном месте, оглядываясь на пустой ДПСный «стакан» и готовясь прибавить скорость, если он не пустой. Потом идёшь вдоль забора с Джоном Ленноном и ещё какими-то картинками, мимо танцевальной школы с большими окнами и замедляешь шаг, чтобы послушать Шопена и поглазеть на прыгающие облачка юных балерин. И, наконец, выходишь на финишную прямую – переулок между бараками и кружком авиамоделлистов, где во дворе – дореволюционная плитка с

клеймами, а по утрам жужжат самолётики, что особенно нервирует с похмелья. В общем, Бакс ещё плохо ориентировался во всех этих достопримечательностях, а я уже утратил дар красноречия, поэтому друзья не понимали, где мы находимся и переспрашивали раз за разом. Бакс долго говорил, жестикулируя, потом замер и спросил: «где Катманду знаешь? Ну так вот, это где-то рядом». Так дом в глубине города был наречён гордым именем Катманду.

Аарон:

30 июня 2003 года.

Миа оторвалась от своих драгоценных книжек и приехала. По нашей просьбе, привезла всякой смешной одежды. Яник накрашила Миккину рожу с трёхдневной щетиной, после чего он влез в платье Мии (которое на нём не сошло на спине, и по этому случаю кто-то даже отвесил Микки комплимент, что у него грудь больше), Миа нарядилась в чёрное бархатное платье до пола, Яник – в шубу с нарисованными языками пламени и надписью «from hell», и мы пошли по ночным фавеллам штурмовать ларёк. Удивительно, что нам не набили морды местные гопники.

Потом Миа сказала, что если мы посмеем уснуть, она возьмёт маркер и изрисует нас. Утром оказалось, что маркер перманентный. Её счастье, что надписи в основном скрывались под рукавами. И что она уехала на пары рано утром.

Миа:

30 июня 2003 года.

Гранит науки в древесном эквиваленте.

Стою на крыльце корпуса, опять приехала за три часа до пар. Ну не спится мне. Рядом возникает не особо знакомый голос:

- Здравствуй, девушка с флейтой.

Один из эпизодических знакомых. Ну знаете, из тех, с которыми обмениваешься номерами, но вряд ли будешь перезваниваться; и при

случайной встрече состроишь радостную мину: «привееет!», и чем дольше это «привееет», тем больше у тебя в запасе времени, чтобы вспомнить, как же его зовут и где вы пересекались. На днях стояла возле универа, чистила флэшку на цифровике. Мимо скользил человек со знакомым лицом. Мы долго рассматривали друг друга, вспоминая: кто и где. Оказалось, нас когда-то познакомил Ботаник, в курилке под библиотекой.

- Что делаете сейчас?

- Защищаю диплом.

- И как защищаете, успешно?

- Так... ничего особенного. Год работы... пара спиленных деревьев...

- ???

- Бумагу делают из дерева. Диплом, плюс черновики и переработки – как раз выходит около двух штук.

Миа:

1 июля 2003 года.

Северный зверь доедает мои извилины. Ночью отчаянно старалась вникнуть в конспекты. Без Тыквы получается с трудом... Наткнулась на фиолетовый конверт. Я складывала туда жуткие, некрасивые, отвратительные, бракованные фотографии. Медленно, с расстановкой, разорвала каждую на мелкие кусочки, подготавливая к путешествию по мусоропроводу.

...Жёлтые обои... мех голубоватой шубки... наручные часы... стеклянный браслет... фрагмент улыбки... велюровая перчатка сжимает фантик... узор свитера... каким завораживающим оказался этот мусор, стоило только порвать его на кусочки... Сложила всё обратно в конверт и не стала выбрасывать.

Миа:

5 июля 2003 года.

Сказка о Василисе не очень премудрой и Василисе совсем тупой.

Ещё одна ночь на кока-коле с кофе – и у меня откроется третий глаз. Тыква самозабвенно поглощает бутерброд, я конспектирую «Лесного царя». В голове возникает мультфильм, сам собой, никак не выключишь. Со спецэффектами такой, на немецком языке и с гундосым переводчиком. Романы по программе читаем вслух и по очереди – так удобнее вести читательский дневник. Тыква пользуется беспомощностью моего мозга и диктует всякую ересь. Я на автомате конспектирую.

Домой приползла, завалив-таки зачёт. Залезла в кресло, стараясь не обращать внимания на эхо в затылке и тени, мелькающие по квартире. Включила «Алису в стране чудес». По ходу мультлика стала выписывать цитаты:

«Вспоминая об этом впоследствии, Алиса подумала, что ей следовало бы удивиться. В тот миг, однако, всё казалось ей вполне естественным».

«Подумать только! Какой странный сегодня день! Я это или не я? Кажется, уже не совсем я».

«Всё куда-то движется и во что-то превращается».

Нашла на столе какие-то рекламные листовки и повырезала из них все двери... зачем-то...

Миа:

8 июля 2003 года.

Майка долго канючила, что ей скучно, что её творческая душа требует духовной пищи и что мы чересчур расточительно расходует лучшие годы своей жизни на сон и универ. В итоге мы отправились на какой-то концерт (я не разбираюсь в группах местного разлива, поэтому выступала в роли Майкиного аксессуара – ну просто чтобы ей одной там скучно не было). А Майка по дороге рассказывала, как провела выходные:

- Вчера ко мне явилась твоя ксерокопия.
- Мне уже страшно... чего хотел?
- Он был уже нетрезв; не то весел, не то полон сарказма на фоне окончательно съехавшей крыши, матерился гекзамером. Сказал, что он умер, и мы должны его похоронить. Я хотела позвонить в дурку, но для

начала позвонила Санче и Тыкве. Он принёс, кстати, распечатанную надгробную речь, и надо сказать, там было много пафоса и ненормативной лексики. Он сказал, что я должна прочитать это над его холодным телом на правах его лучшего друга. Сам написал, говорит. С гордостью так, как будто ему медаль за это должны дать.

- А вы теперь лучшие друзья? Что-то новенькое...
- Ну, я цитирую, это его реплика. Короче, мы устроили пикник на ковре, он лежал на полу, среди тарелок со всякой хернёй и стаканов. Санча, кстати, делала «кровавую Мери»!
- Да ладно!
- Да, я тоже отметила профессионализм, с которым она это делала, мы кажется чего-то не знаем о Санче.
- И при этом человеке мы стеснялись материться!
- Ну, «кровавую Мери» она делала с очень интеллигентным видом, так что наши стеснения пока можно не отменять.
- И чем закончилось пиршество?
- Пока я читала речь, изо всех сил стараясь прослезиться или хотя бы не ржать, Тыква кормила труп Аарона маринованным корнишоном. Поэтому наш дорогой усопший периодически давился, теряя безучастный вид. И очень переживал за сохранность своей рубашечки. Кстати, он явился в белоснежной рубашке и своём любимом чернильном галстучке с какими-то узорчиками. Принарядился к мероприятию.
- Молодец какой!
- Да уж, так заботиться о рубашечке на собственных похоронах – это прямо картина маслом и сыром!
- Когда он упал с крыши школы и вырубился минуты на три, знаешь, какой была его первая фраза по возвращении в сознание?
- Какой?
- «Дайте расчёску».

- Супер. В общем, после похорон мы с ним пошли на какие-то рельсы, потом подошли какие-то ещё его друзья. Он что-то им пытался объяснить про то, что он умер и теперь может родиться заново, и что смерть – это начало новой жизни с чистого листа. И что он не может дальше жить, поэтому должен умереть, чтобы не повеситься. Какая-то не очень убедительная философия, в общем. А потом мы поехали куда-то гулять, там он запивал по чьему-то заботливому совету какие-то таблетки коктейлем, чтобы ничего не чувствовать. Кто-то дал ему волшебный рецепт какого-то пофигина. А потом я его тащила к вам домой в полувменяемом состоянии и сдала в руки Баксу уже в фазе багажа. Судя по всему, пофигин действительно действует. В общем, на случай, если он ничего не помнит, передай ему, что гопников мы не били, банк не грабили, и что свою надгробную речь он не потерял, а скурил.

Аарон:

6 августа 2003 года.

Я даже в детстве был маргиналом. Я ощущал себя ребёнком, отвернувшимся к стене, чтобы досчитать до десяти, и в этот момент всех позвали кушать. И после реплики «я иду искать» оказалось, что в эту игру играю я один. Я так никого и не нашёл.

Это как будто меня свозили на летние каникулы на Марс, и по возвращении оказалось, что мне не о чем разговаривать с другими детьми. Не потому, что они дураки или я в чём-то их лучше. Потому, что они не понимают шуток про космический паштет, а мне неизвестно, чем им нравятся комиксы про супергероев. Экипаж звездолёта высадил меня, оставив совершенно одного в центре самой густонаселённой и самой необитаемой планеты.

Миа:

7 августа 2003 года.

Вечером приехал Алекс. Мы оказались в каньонах. Здесь был лес, теперь его выкорчевали, что-то намереваются строить. Говорят, что новый

спорткомплекс. Опуская подробности, перейдём сразу к итогам прогулки: Алекс сломал обе ноги, приземлившись на утробованное дно карьера.

Было уже почти темно. Алекс сидел на пятой точке, рефлексирова и, надеюсь, делая выводы на будущее. Бакс с видом терапевта ходил кругами и задавал всевозможные вопросы, от «что болит?» до «а не дебил ли ты?». Из курса по безопасности жизнедеятельности удалось вспомнить только правила пользования противоголозом, но в нашем случае эти навыки оказались бесполезными. По всем известным номерам служб спасения наши сигналы игнорировали. Автоответчики ласково просили подождать 40 секунд, и последующие 6-7 минут мы наслаждались неторопливым техно. Алекс нервно закурил:

- Пока они возьмут трубку, я умру от старости.

- Радуйся, что не на вот это приземлился, - Бакс достал из песка ржавые лохмотья металла в метре от места приземления Алекса, - надо тебя вынести на дорогу, медсанчасть недалеко. А то тут тебя до утра не найдут. И добавил, любуясь своим сценарием: «Тебя сожрут койоты».

- Бакс, там бетонный забор. Слева в песке завязнем, и нас найдут археологи в следующем веке. Справа три километра крюк. Я пошла ловить попутку.

Водители на трассе не особо дружелюбно реагировали на девушку с ободранными коленями, голосующую в ночи на почтительном расстоянии от населённого пункта. Из будки выполз охранник стройплощадки:

- Ну что? Шасси заклинило? Но вы, блин, красиво летели!!! Что, «скорую» вызываем?

Я кивнула. Охранник помог Баксу донести Алекса до будки, вызвал врачей, дал всем постам команду пропустить машину. Потом заговорщицки наемкнул:

- Вы же просто шли с пляжа, а песок обвалился?

Мы послушно закивали головами. Чистосердечное признание в том, что эти двое с разбегу прыгнули в карьер, никому из нас не прибавило бы счастья.

Бакс посылал Алекса за сигаретами. Алекс делал вид, что намеревается сбегать. «Скорая» забрала их обоих.

Вечером позвонил В.:

- Что с тобой происходит?
- Да вроде ничего сверхъестественного.
- Ты пропадаешь на месяц, ничего не объяснив. И уже не первый раз.
- Ну так пора привыкнуть.
- Ты считаешь, это нормально?
- А ты считаешь, нормально – когда за целый месяц нам нечего друг другу сказать, кроме «привет»? Какой смысл в этом общении?
- Ну хорошо, что мне нужно изменить?
- Я не собираюсь из тебя что-то лепить.
- А почему бы и нет? Представь, что я пластилин.
- У меня уже есть пластилин. Две коробки. Мне нужен человек. Я целыми днями торчала у тебя, я перечитала весь твой книжный шкаф, и всё это время мы существовали по отдельности. «Будешь чай?» «Нет, спасибо». «Когда придёшь?» - «А когда надо?»... Мы ничего не потеряли, когда я исчезла. На днях заеду забрать тетрадки.

Когда-то я смотрела на одноклассниц, самозабвенно заливающихся слезами из-за ссор с бойфрендами, и думала: «почему меня так не волнуют все эти приключения? Ну, встречаюсь я человеком. Ну, расстались. И что? Почему от этого нужно так страдать?» Я даже мечтала о том, чтобы меня кто-нибудь бросил, и я бы заперлась в комнате и рыдала в подушку. Но судьба не радовала меня подобными эксцессами. И мне казалось, какая-то важная часть жизни проходит мимо меня, медленно так проезжает в запечатанной коробке с бантиком, как багаж в аэропорту, и я никогда не открою этот сияющий ящик Пандоры в подарочной упаковке, и никогда не узнаю, что в нём.

Когда мне было пятнадцать, один умный человек сказал: «Никогда не плачь из-за мальчиков. Оно того не стоит». Шаман, однако: ни разу в жизни не плакала из-за мальчиков.

Я положила трубку и прислушалась: я только что рассталась с человеком. Что я чувствую? Ничего. Как будто ничего не произошло. Это странно. Наверное, поэтому я не понимаю Аарона со всеми его переживаниями. Возможно, мы

наделены разной степенью чувствительности. Или у него отсутствует какой-то защитный механизм.

Миа:

13 августа 2003 года.

Заехала к Алексу. Парень времени не теряет: пишет стихи на загипсованной ноге. Взялась за гитару. Выучила 4 аккорда. Ещё парочку – и буду так же крута, как Алекс. Хотя, нет. Таких песен, как у него, мне ни в жизни не написать. Он даже записывает сольные альбомы (с тех пор как наш квартет распался, пожалуй, только Алекс продолжил музыкальную карьеру), рисует авторучками обложки с гитарой в огне и бейджами «хиты». Один из последних его хитов стал очень популярен среди Бакса. В песне поётся о том, что я ради тебя на всё готов, и в рай и в ад, и с небес на землю и назад, потом опять вверх и что-то ещё. Бакс выучил её и сказал, что это песня про сломанный лифт.

Тема сломанного лифта тронула Бакса за живое. У него это наболевшее. Не так давно я прогуливалась с одной из своих приятельниц, когда у меня зазвонил телефон, и Бакс грустным голосом сообщил, что они всей толпой застряли в лифте, потому что какая-то девочка боялась застрять, а они сказали ей «не бойся; вот смотри, если только вот так прыгнуть...» - и показали, КАК нужно прыгнуть, чтобы лифт застрял.

Когда мы добрались до последнего этажа, там уже стояла старшая по подъезду и моя математичка (потому как среди гениев из лифта числилось её чадо), они крепкими руками крутили массивный рычаг, поднимая консерву с идиотами наверх вручную. Я спустилась на седьмой этаж, где предположительно висел злосчастный механизм – узнать, не надо ли им чего. Ну, воды, например, или еды, или тёплых одеял, или «отче наш» прочитать... и оказалось, что нет, ничего не надо, они там уже полчаса орут что-то под гитару, допивая запасы провизии.

Когда мы ходили в детский сад, накануне Баксова дня рождения, мне хватило ума напугать его выдуманной историей про то, как один мальчик зашёл в лифт, когда ему было четыре года, а вышел, когда было уже пять. Вероятно, это была тонкая арифметическая шутка про день рождения (хотя, учитывая мои математические способности, навряд ли), но Бакс пораскинул мозгами,

сопоставил себя с лирическим героем этой драмы и обнаружил, что у них много общего – им обоим по четыре года. Встречать свой день рождения в лифте Баксу не хотелось, поэтому он ещё несколько дней мужественно ходил по лестнице. Интересно, вспомнил ли об этом уже взрослый Бакс, допевая любимый припев с особым эмоциональным нажимом в болтающейся между этажами коробке?

Аарон:

13 августа 2003 года.

Я бросил якорь в Катманду. Мне подарили тапки и зубную щётку и сказали, что я могу оставаться, когда захочу.

Яник сделала себя очередной пирсинг, едва ли не двадцать пятый. Пару раз мне в голову приходила мысль организовать авангардно-сюрреалистический мюзикл с её участием. При этом Яник должна была только присутствовать, облачившись во все свои килограммы пирсинга, а симфонию исполняли бы металлоискатели.

Мне за компанию Котэ проколола ухо. Теперь у меня в ухе птица.

К слову о Котэ, она, наконец, встретила (как это называют?) свою вторую половину... хотя, судя по росту Котэ, скорее, свою 2/3. И её совершенно неожиданно накрыла весна, и Котэ окончательно мутировала в мурлыкающего зверька, левитирующего над этим бранным миром. И начались шарики, сердечки, сюрпризики, и вся эта прочая тошнотворная романтическая атрибутика, которой парочка осыпала друг друга днём и ночью. Теперь нельзя было просто пообедать; пельмешки отныне ритуально скармливались друг другу с вилочки, предварительно зацелованные и замурлыканные. Яник созерцала всё это с колокольни своей брутальности, исподлобья и, кажется, из последних сил сдерживая ненормативную лексику.

Временами приезжал Джерри. Задумчиво курил, наблюдая всю эту порнографию и тактично интересовался, зачем его пригласили. И мы шли на балкон – слушать отголоски трамваев из-за дома, курить ментоловые сигареты и обсуждать свои дела. А затем и Яник выползала к нам с чугунным вздохом «там ОПЯТЬ». «Опять» означало, что на кухне – очередной сеанс лобызания пельменей.

Я влюбился в Катманду. Здесь мне спокойно. Это – мой батискаф, в котором я спустился на самое дно тяжёлого, тёмно-зелёного океана. Туда, где уже нет ни шторма, ни других водолазов, ни рыб – только скользкие водоросли, молчаливые кораллы и тонны морского песка, придавленные холодной водой. И мне вполне уютно в этом логове безумия, где каждый день можно упаковать в переплёт и поставить на полку, для потомков с их никчёмной скучной жизнью.

Я не удивлюсь, если окажется, что под Катманду кроется какой-нибудь разлом земной коры или кусок метеорита; это место просто притягивает к себе странные истории и удивительных людей. Более-менее адекватные долго не задерживаются; однажды Котэ приволокла из бара пианиста, и тот испуганно повторял: «я очень рискую, придя сюда – никто не знает, где я, и я впервые вас всех вижу». Пришлось успокоить беднягу известием о том, что наша секта не разделяет традиций жертвоприношения, а Яник расчленяет пианистов только по четвергам.

Аарон:

21 августа 2003 года.

Вчера я купил тучного карася. Наверняка при жизни он страдал одышкой. Он так паялся на меня с прилавка, как будто что-то хотел сказать. Я шлёпнул его на стол с торжествующим видом. Я был уверен, что если вспорю ему брюхо, найду свою связку ключей.

Я выбросил ключи от нашей квартиры в реку, когда понял, что больше не увижу тебя. Когда осознал, что больше никогда не попаду домой. И с тех пор у меня не было дома. Я жил то у одних друзей, то у других. Всё необходимое помещалось у меня в рюкзаке.

Вторую связку ключей поглотила земля. Когда мы в очередной раз решили больше не видеться, закопали её как символ невозвращения. Это было на рельсах, где раз в месяц ходил небольшой паровозик, и вокруг росли камыши в человеческий рост. Была поздняя осень, земля уже промёрзла, лежал снег. Мы долго говорили, потом я вырыл яму какой-то подручной железкой. Рядом всё это время лежала огромная белая псына, которая увязалась на нами и всю дорогу толкала нас в снег то мощным боком, то лапами, напрыгивая и играя. Мы смеялись над ней. Она была огромная, но совсем не агрессивная. Она

сопроводила нас до места захоронения и лежала, высунув язык и созерцая процесс. Мы завернули ключи в тетрадный лист и положили на дно неглубокой ямы. Потом засыпали землёй и хорошенько примяли ботинками. Ты пошутила, что осталось ещё одну связку сжечь, а четвёртую развеять по ветру, чтобы уже все четыре стихии сожрали ключи от нашего дома, и из нашей памяти выветрились все воспоминания.

Когда мы пошли обратно по узкой протоптанной тропинке, собака обогнала нас и стала толкать обратно. Она уже не играла с нами, она целенаправленно толкала нас обратно, вероятно, полагая, что мы что-то забыли забрать. Удивительно, что она совсем не вызывала страха. Когда незнакомая псина огромных размеров бросается на тебя – хотя бы здравый смысл заставляет проявить осторожность. Эта же была как будто нашей. От неё не исходило никакой угрозы, хотя она и вела себя настойчиво. Мы с трудом выбрались и дошли до магазина, чтобы купить ей какой-нибудь еды: она честно сторожила нас и заслужила угощение. Я купил мясной пирожок, пока ты гладила её на улице. Собака стала есть. Мы пошли в сторону экватора, и тут она оставила пирог, прямо со всем этим чудесным мясом, и пошла за нами, вопросительно глядя на нас. Мы остановились и стали гнать её к импровизированной кормушке, но она продолжала смотреть, забыв о пироге.

Каким-то чудом нам удалось усыпить её бдительность и в последний момент перебежать дорогу, чтобы она не смогла увязаться. Собака смотрела нам вслед, и я чувствовал себя предателем. Мне хотелось плакать. Я понимал, что сейчас мы расстанемся, уже насовсем, потому что друзья из нас не получились, потому что каждый должен начать жить в своём направлении, потому что теперь нужно учиться быть отдельно друг от друга, не начинать день с сообщения «доброе утро» и говорить «я», а не «мы». Я понимал всё это – то, что близятся титры, и назавтра я проснусь в этот пустой мир бесполезным осколком человека, расколотым панцирем с мёртвой черепахой внутри. Но мне хотелось плакать не поэтому. А потому, что из-за потока машин мне в спину смотрели изумлённые глаза собаки, не понимающей, почему её оставили. И я сочувствовал ей, потому что мы были одинаковыми в своей тоске.

Аарон:

30 августа 2003 года.

Я сшил игрушку, которая мне снится уже много лет. Набил её своими черновиками, и теперь мне кажется, она всё про меня знает.

Аарон:

2 сентября 2003 года.

Я ехал в автобусе и увидел в горящем окне застывший силуэт. Человек как будто дирижировал. Так интересно подсматривать подобные вещи... я вспомнил про игру, которую мы придумали с Мией в детстве – про телепортацию в горящие окна. И ещё я думал о том, почему так завораживают эти обрывки чужой жизни – когда ты всего лишь на секунду заглянул в чужой быт, и внезапно стало как-то тоскливо – непонятно, почему. Это ведь не зависть, не желание быть кем-то другим. Что-то совершенно необъяснимое. Может, какой-то побочный эффект от телепортации – как похмелье после опьянения...

Миа:

8 октября 2003 года.

Гуляли с братьями в каньонах. Здесь мы провели много времени в детстве, все втроем. Это была наша планета. Мы убегали со двора и неслись сюда. Заросли ивняка казались джунглями, мы искренне верили, что здесь, в каньонах, добывают золото. Мы даже собирали песок с блестящими частичками в мешочки, но родители сказали, что это была слюда. Позже, когда мне было 14, мы приходили сюда с друзьями. Весной река чуть поднималась и заливала цветы. Мы сидели на брёвнах, наблюдая гольянов, курсирующих меж цветов, и мечтали проплыть по всей этой красоте на лодке. Но ни у кого из нас не было лодки.

Здесь же, в том же году, на этом же берегу, мне впервые сделали предложение руки и сердца. Неформал, как срисованный с фотографий Курта Кобейна, стоя на одном колене (всё как полагается), протягивал мне кольцо, а мне было смешно. Я училась в девятом классе, ходила в детско-юношескую библиотеку по субботам и отпрашивалась у родителей погулять. А у него была борода, сотрясение мозга и смешная фамилия. Я даже не знаю, что из этого набора смущало меня больше всего. Мне казалось, это какая-то игра, это всё не по-

настоящему. Как в детстве – «а давайте я был пожарником» или «а давайте в дочки-матери».

Я сказала:

- А я в пятом классе прогуливала уроки здесь несколько раз. Мне нравилось, что я тут одна посреди пустыря, и никого нет на километры вокруг. Весной как-то даже перешла реку по льду, он так хрустел под ногами, и снег намокал.

- Ты дура, - Аарон опять включил роль наседки, - тебя могло запечатать подо льдом!

Терпеть не могу, когда он начинает задавливать всех своими нравоучениями. Да, я не спору – переходить реку по хрустящему льду – не лучшая идея. Но ведь это было много лет назад, мне было просто интересно. И я никогда не была на том берегу. Я просто обязана была туда попасть.

Аарон:

3 ноября 2003 года.

я как будто страдаю от дальнорзости; стоит тебе отдалиться – и я могу говорить с тобой, потому что внезапно фокусируюсь на тебе. Когда же ты рядом – ты как будто размыта. Как будто я постоянно смотрю вдаль.

Миа:

3 декабря 2003 года.

Тыква отожгла, заслужив тем самым наши с Санчей аплодисменты и гнев Майки. На паре Майка решила спровоцировать Тыкву на какую-нибудь тупость, потому что мы всю неделю честно ходили на все эти идиотские пары, добросовестно играя святых мучеников ордена Гранита Науки, в то время как Тыква появлялась в скромных эпизодических ролях. Майка долго изощрялась, придумывая штрафные санкции, и наконец просияла: «а спорим, тебе слабо попросить личный номер экономиста?» Тыква сказала «пффф!» и заверила нашу святую троицу, что пятиминутной перемены вполне достаточно для столь пустякового спецзадания. Со звонком аудитория почти полностью опустела, и Тыква, ни секунды не думая, двинулась к экономисту. Мы пару

раз косили глазом в их сторону, но не очень очевидно – чтобы он не догадался о заговоре и принял её подкат за чистую монету. Майка шёпотом объявила об открытии чемпионата по максимально медленному и непринуждённому складыванию тетрадок в сумки.

Когда экономист озадаченно удалился, Тыква вернулась за своим рюкзаком:

- Не дал.
- Почему?
- Сказал, личный номер телефона не даёт студентам.
- А как ты попросила? – поинтересовалась Майка.
- Я сказала: «дайте мне ваш номер телефона», он спросил: «зачем?», я показала в вашу сторону и сказала: «видите ту девочку в белой рубашке? Вот ей надо, но она стесняется спросить».
- Ты же пошутила, да? – глаза Майки наполнились ужасом.
- Нет.

Чувствую, зачёт Майка будет сдавать весело.

Аарон:

11 декабря 2003 года.

Я хотел бы построить дом у изголовья мира, встречать рассвет с чашкой самого вкусного на свете чая, потому что он заварен твоими руками для нас. Гладить по холке огромную косматую псину с розовым языком и умными глазами. Сметать листья с крыльца по осени, замирая от разнообразия их форм и цветов. Затапливать камин и потирать руки, потому что опять как-то зябко под Новый Год. Не упускать момент, когда распускаются почки. Приносить тебе полевые цветы.

Тысячу лет я был пьян; я полуспал и видел этот чудесный сон, не отдавая себе отчёта в том, что это плод моего воображения. Это красивая открытка, она застыла в моей сетчатке и длилась до самого утра. До самого холодного, неотвратимого, отвратительного утра.

Я проснулся в вакууме, как в холодной подворотне. И солнце, светившее мне из волшебного мира грёз, оказалось залипшим покосившимся фонарём. Я устал. Я так устал, что не могу тащить себя дальше.

Аарон:

1 января 2004 года.

Так уж устроено: берегу без причала в тысячу раз проще не ждать корабля. Ты никогда не услышишь меня, как бы я ни молчал. Я прибавляю себя к тебе; занимательная арифметика. В сумме выходит ноль. На улице ниже нуля. Послепраздничный ледяной тротуар с прожилками раздавленного серпантина. Деревянные куклы людей разложены по коробкам квартир. Праздник окончен – и занавес опускается, как гильотина. И с механическим треском на опустевшую сцену выкатывается пыльный, но несомненно дивный и новый мир.

Миа:

5 января 2004 года.

Если мне приспичит что-то сделать – меня не остановит ни здравый смысл, ни дробовик. Во втором часу ночи мне безумно захотелось пойти завтра на учёбу с завитыми волосами. Жажда локонов затмила собой всё. Как назло, бигуди куда-то подевались, а плойка перегорела ещё года полтора назад. Так вот, я соорудила бигуди из картона, скотча и обычной швейной резинки. И после этого папа утверждает, что мне не хватает целеустремлённости? Как говорит великий классик Тыква, “пффф!”

Аарон:

27 февраля 2004 года.

Снег: прикосновение взгляда к зрачкам, сужающимся от избытка белого цвета.

Аарон:

1 марта 2004 года.

Что с нами станет через пять, семь, десять лет? Кем мы станем? И ещё важнее – кем мы станем друг для друга?

Мне кажется, я прижился не в своём лесу, и пора домой, но я не знаю, где это. Я ищу несуществующий дом на несуществующем холме.

Я за километр обхожу места, где мы бывали с тобой. Но мест, где мы не бывали, почти не осталось. Я понимаю, что мне нужно уехать, чтобы спасти свою жизнь. Здесь я только и делаю, что вспоминаю о тебе.

Я долго просыпался по утрам и не понимал, зачем начался новый день. Зачем всё вокруг, если тебя нет. Все предметы были бессмысленными, люди – отвратительными, пейзаж за окном – пустым и бесцветным. Я видел, как люди с ампутированными ногами по утрам падают с кровати, потому что по привычке пытаются встать, как делали это всю жизнь. Но вставать больше не на что. Под тобой воздух. Я был таким же. Даже сейчас я иногда, задумавшись, наливаю две чашки чая. Одну с сахаром. Одну – без.

Я бродил по улицам и смотрел на прохожих. И понимал, что как бы я ни хотел умереть сейчас, я намного счастливее, чем они. Потому что у них никогда не было такой любви. Большинство из них создают семьи, потому что так надо, потому что приходит время. Я хотел жить с тобой, потому что ты была предназначена мне. Я мало кому говорил всю правду. А если говорил – мне не верили. Мы родились на разных континентах. У нас не было ни одного шанса встретиться. Но я всегда знал, что должен найти тебя. И я нашёл.

Когда мне было 11, я написал рассказ, в первый день весны. О тебе. И с тех пор каждый новый год сжигал бумажку с одним и тем же желанием. Я обещал Богу, что буду хорошим. Я просил его привести меня к тебе. Я жадно выискивал знаки, которые подтверждали бы верное направление. Я вёл дневник о событиях своей будущей жизни, ставя даты, до которых оставались месяцы и годы. И даже не подозревал, что моё желание всё-таки достигло цели, и механизм уже был запущен.

Однажды я пришёл к тебе и увидел, что ты выбрасываешь старые снимки. Я попросил один на память. Ты разрешила выбрать любой. И я выбрал не глядя. Потому что мне нравились все твои фотографии. На обратной стороне снимка стояла дата – день моего рождения. В том году, когда мы оказались в одном городе. У меня закружилась голова, потому что в этот момент я увидел всю ретроспективу нашего сосуществования. Я смотрел на твоё смеющееся монохромное лицо и думал, что совсем рядом я отмечал свой одиннадцатый день рождения. Возможно, в этот самый момент я задувал свечи на пироге и загадывал желание встретить тебя. Это была единственная твоя фотография в том году, и я не глядя вытянул именно её, как счастливый билет в лучший из миров.

Твоя семья перебралась в наш город, и мы целый год жили в одном доме. Только мой подъезд выходил на запад, а твой – на восток. Любопытно, что это отражало наши пристрастия: ты говорила, что я европеец по натуре, а сама отдавала предпочтение востоку. Но мы ни разу не встретились. Я ходил в школу через двор, ты – через аллею. Потом я пел в церковном хоре. Ты с родителями приходила по воскресеньям, но хор стоял так, что его практически нельзя было разглядеть, и там мы тоже не встретились. Прошло ещё два года. Ты занималась пением трижды в неделю – по понедельникам, средам и пятницам. В том же здании, но по вторникам и четвергам, я упражнялся в фотографии. Мы ни разу не виделись на протяжении трёх лет своих «профессиональных» начинаний. Пока на выпускной бал не объединили наши школы, поскольку в твоей прорвало трубы, а лишать выпускников праздника никто не желал. Это был первый раз, когда мы оказались в одном помещении, но и тогда не увидели друг друга. Спустя несколько лет ты позвонила мне и сказала: «срочно приходи». Я пришёл, и мы сели на пол смотреть видеокассету с твоего выпускного. С нашего выпускного. Ты забрала камеру у своего брата и снимала одноклассников, комментируя происходящее и смеясь. И тут мимо тебя прошёл я. В белой рубашке и чернильном галстуке. И даже не посмотрел в твою сторону. У меня забегали мурашки по коже, когда я это увидел.

Мы познакомились уже в университетский период, когда ты пришла в студенческую газету, где я волонтерствовал со своим первым фотоаппаратом. Ты вошла, и я узнал тебя. Сразу. Нет, это не было любовью с первого взгляда; то, что я люблю тебя, я понял лишь через полгода. Но я узнал тебя. Я чётко осознал, что мы были знакомы когда-то давно, ещё до нашего рождения. Я

понял, что ты – самое важное в моей жизни. Мы почти ни разу не разговаривали за весь семестр, но я смотрел на тебя и не понимал, что происходит.

И вот однажды Богу надоело смотреть, как мы не можем сойтись на двух квадратных метрах, и он развернул нас друг к другу.

Я волей случая попал на концерт – Тыква, обладающая волшебным журналистским пропуском, взяла меня с собой. Я никогда раньше не бывал на концертах, да и группы этой не слышал раньше. Но что-то со мной случилось там – я стоял среди ревущей толпы и думал о том, что тебе бы понравилось, и жаль, что тебя тут нет, да и телефона твоего у меня нет – я даже рассказать тебе об этом не смогу до следующего семестра. Я шёл с концерта и вспомнил, что хотел прочесть «Игру в классики», мне её настоятельно рекомендовали. Я свернул в библиотеку, выписал корешок, найдя нужную карточку в длинном неудобном ящике, и положил на стойку перед библиотекарем, не поднимая головы. Библиотекарь не шелохнулся. Я подождал несколько секунд, а затем вопросительно поднял глаза. И замер. Потому что передо мной стояла ты. Ты подрабатывала в отделе выдачи литературы на каникулах.

Я рассказал тебе про концерт и даже не удивился, узнав, что это – твоя любимая группа.

- У меня не было твоего номера, если бы я знал, я бы попросил Тыкву взять на концерт и тебя, - сказал я.

Ты ответила, что тоже пожалела об отсутствии моего номера неделю назад, когда в нашем корпусе организовали встречу с известным актёром, и тебе в зале показалось, что мне бы это понравилось. Я чуть не прослезился. Это был мой любимый актёр. Он приехал в нашу глубинку, прямо в наш университет, он стоял в маленькой аудитории и разговаривал со студентами, а меня там не было. А ты – была. И хотела позвонить мне.

Через полгода после знакомства я решил сказать тебе о том, что влюбился. Я решил, потому что мы пошли в кино, и перед фильмом я вручил тебе рукопись. Ту самую, которую написал в одиннадцать лет. Только отредактировал её и подправил места, которые мне уже казались наивными. И пока мы смотрели фильм, я понял, что УЖЕ всё сказал. Потому что сюжет фильма подтвердил все мои гипотезы относительно поисков тебя в этой жизни. И ты тоже поняла это, когда прочитала рукопись той ночью. Я сидел

на кухне, с телефоном в руках, и ждал. Ты написала: «что мы теперь будем делать?», и я предложил встретиться завтра. Телефон плавился у меня в руках, земля пульсировала, голова кружилась.

Мы встретились в кафе, где кроме нас, посетителей не было, и официанты с любопытством косились на нас – двух молчащих сконфуженных подростков, глядящих в свои чашки с нетронутым кофе. Вечером я стал записывать этот день в дневник. И замер с авторучкой над листом, отмечая дату.

Было первое марта двухтысячного года. Мы начали свою совместную историю в первый день весны миллениума (как было модно тогда говорить), день в день, ровно через шесть лет после того, как я написал свой рассказ о тебе.

Потом, со временем, узнавая друг друга, мы открывали новые и новые чудеса. У нас на руках были одинаковые рисунки из родинок – треугольники, созвездия. В одинаковом возрасте с нами случались одинаковые события. Дни рождения наших родственников совпадали по датам. У нас были шрамы на одних и тех же местах – у основания большого пальца, на коленке, на локте. Я взял твою руку и положил твои пальцы себе за левое ухо, там была странная штука. Она возникла внезапно, когда мне было около десяти, и мама водила меня к врачам, даже к онкологу, но ни один из них не смог определить, что это. Однако жить мне эта штука не мешала, злокачественную опухоль в ней не опознали, и со временем забыли об этом. Ты посмотрела на меня с каким-то испуганным удивлением и повторила всё то же самое с моей рукой. И тут не по себе стало уже мне. Потому что у тебя была точно такая же штука, только за правым ухом. Позже мы смеялись, что это – антенны, с помощью которых мы общаемся телепатически. Мы действительно читали мысли друг друга, не прибегая к словам. Это происходило естественным образом, само собой. Я задумывался о чём-то, и ты отвечала мне вслух. И наоборот. Если мне становилось грустно, я в тот же момент получал от тебя сообщение: «что случилось?», несколько раз мы прощались после прогулки и садились в разные автобусы, а потом, не сговариваясь, выскакивали на следующей остановке и бежали обратно – туда, где попрощались несколько минут назад. Однажды мы в одну секунду прислали друг другу сообщение одинакового содержания. Я сидел на лекции и услышал, что завтра будет солнечное затмение. И написал тебе: «завтра с 13:00 до 13:35 можно увидеть солнечное затмение», и в тот же миг получил от тебя: «завтра солнечное затмение, надо посмотреть!».

Мы стояли посреди обледеневшего тротуара и смотрели на затмение сквозь тёмную плёнку из дискеты. А потом грелись имбирным чаем у меня дома. Мы были как одно целое. И это странно, потому что у меня была сестра-близнец, но с ней мы никогда не читали мыслей друг друга, никогда не чувствовали такой необходимости чем-то поделиться. А с тобой я был совершенным, я был несокрушимым и непередаваемо счастливым. Я боялся умереть от счастья. Каждое утро, с первого дня, проведённого с тобой, я благодарил Бога за то, что он подарил мне тебя. И каждый вечер, перед сном, я повторял свою благодарность – за тебя и за этот прожитый день. Каждый день. Каждый. Все эти годы, даже когда тебя уже не было рядом, я благодарил Его за то, что ты была в моей жизни.

Мы гуляли с утра до ночи. В дождь, в жару, в тридцатипятиградусный мороз. Ты переехала. Наши дома теперь находились на одной прямой. Мы доходили до места, которое называли экватором – это была середина между нашими домами. И прощались. А на следующий день встречались там же, на экваторе.

В день, когда мы расстались, наш путь лежал через это место. Снег таял, и воды было много. Мы обходили лужи с одной стороны, с другой, и всё никак не могли миновать этот участок. И я подумал: как будто нас не пускают туда...

Аарон:

30 апреля 2004 года.

В этом году у меня не было ни корней, ни крыльев. Я был уверен, что не доживу до своего очередного дня рождения. Я вспоминал сестру – то, с каким равнодушием она забывала очередную «эпическую любовь», третью в восьмом ряду. И, встречая его случайно на улице, радостно-удивлённо восклицала «О! Привет!» - и поднимала брови, словно только случайная встреча напомнила ей об этом человеке. В её приветствии звучало даже не «ух ты, какие люди», а «ого, ты ещё существуешь?!». Мне всегда было интересно, есть ли у Мии сердце, или же оно входило только в мою комплектацию.

Миа:

15 мая 2004 года.

Господи, неужели наконец-то грядёт великая и ужасная защита диплома! Дамы и господа, это финишная прямая; кажется, пришло время сосредоточиться, собрать все свои силы и совершить этот подвиг!

Аарон:

7 июня 2004 года.

Я стоял под окном, но запустить в него свой фантом, как мы это делали в детстве, в поездах, не мог. С твоим уходом я утратил свою суперсилу, я стал чувствовать гравитацию втрое сильнее, я стал видеть ясно и чётко, я жил как будто без кожи, чувствуя невыносимую боль в каждый момент своего существования. Я стоял перед домом, в котором мы жили. Это был наш дом, настоящий дом во времени и пространстве. Дом, где были матрас, кипятильник и две чашки – всё, что необходимо для счастливого существования двум людям посреди прекрасной Вселенной. Дом с видом на светлое будущее (теперь – на гаражи, куст сирени и идиота, питающегося светом из этого окна). Я встал на носочки, как будто это могло помочь, но содержимое окна осталось прежним: я не мог увидеть тебя. Мне даже показалось, что тебя нет, и никогда не было в этом мире – ты была только у меня внутри. Что я придумал тебя. Потому что таких историй не бывает. Они слишком неправдоподобны. Когда я пересказывал кому-то историю нашей встречи, мне говорили: «ну ты, брат, заливаешь!» - и хлопали по плечу.

Я стоял на носочках, вытянув шею, когда из-за моей спины слышался спокойный, почти усталый голос с лёгким акцентом:

- Наверное, первым делом, когда мы умираем, мы поднимаемся выше и заглядываем туда, куда раньше заглянуть рост не позволял.

В тени сиреневого куста стоял человек, примерно с меня ростом, лет на двадцать постарше, просто и безлико одетый. Я почему-то подумал, что в свете фонаря он походил на гипсового Вергилия. У человека было такое выражение лица, как будто у него внутри постоянно шёл дождь.

- Вы думаете? – переспросил я, чтобы сгладить своё идиотское положение.

Он пожал плечами, приподняв брови, как будто не знал ответа, да и сам ответ был ему безразличен:

- Это логично. Дай вам способность летать, где бы вы первым делом оказались?

И тут меня поглотила невыносимая, вязкая, холодная тоска. Я вдруг за секунду перемотал свою жизнь вперёд, как магнитную ленту, и ясно увидел себя, стоящим в этой же самой точке, под этим самым окном, потому что здесь мой дом, и я никуда отсюда не умру. Я сказал незнакомцу:

- Когда она ушла, я не умер только потому, что знал: мы ещё увидимся. Где-то в другой жизни, с другими лицами и именами, в другом городе, при других обстоятельствах, это уже случалось с нами. Я не сумасшедший. Я с детства был убеждён, что узнаю её, когда увижу. Так не бывает – шизофрения не находит подтверждений в реальности, оставляя фантазии плодом больного воображения. А я знал это, я даже вёл дневник в юности, датируя записи в будущем времени. Сначала я жил будущим, теперь – прошлым. Настоящее было очень коротким. Я не могу поверить в то, что всё закончилось. Так не бывает. Этого просто не может быть.

- Только любовь учит нас чему-то, - сказал человек, внимательно меня выслушав.

- А как же боль?

- А что – боль?

- Боль – это не испытание? Например, разве не способна тебя чему-то научить смерть близкого человека?

- Если бы ты не любил этого человека, его смерть ничего бы для тебя не значила. К тому же, смерти нет. Люди просто исчезают из твоего поля зрения.

- у Вас есть любимый человек?

- Конечно, и не один.

Я посмотрел на него внимательно: на лавеласа он не тянул. Вероятно, мы говорили о разных вещах.

- Не один, - повторил он, - я люблю всех людей. Потому что они все заслуживают любви.

- Вы эзотерик?

- Нет, - человек улыбнулся и засветился так, как будто я был трёхлетним ребёнком, сморозившим милую глупость, - я пастор.

- Вы давно за мной наблюдаете?

- Я Вам больше скажу, я Вас тут не первый день вижу. Вы приходите, когда темнеет и стоите на этом месте.

Моего нового знакомого звали Войцех, около пятнадцати лет назад он прибыл в наш город с миссией от общины, и с тех пор служил в местном приходе. Я как-то видел это здание из автобуса. Очень скромное и сдержанное.

Мы прошлись по ночному городу за весьма увлекательной беседой. Мне понравилось отсутствие в нём назидательности и какого-то высокомерия, которым страдают многие священники, коих мне доводилось встречать. Он был обыкновенен, как серый камень. Я даже в какой-то момент позавидовал его уравновешенности.

Миа:

21 июня 2004 года.

Аарон всё более странно себя ведёт. Поводился куда-то ездить по воскресеньям. Мало, судя по всему, устаёт на работе, раз не желает отсыпаться в выходные. Причём, одевается «во всё приличное», в то время как в будни просто натягивает на себя первую попавшуюся одежду. Я думаю, у него завелась новая девушка. Или он состоит в какой-нибудь тайной ложе, кто его знает. Я ничему не удивлюсь. Но то, что мой брат наконец-то начал выглядеть как человек, пусть и раз в неделю, и радует, и настораживает меня одновременно.

Аарон:

28 июня 2004 года.

Лишение себя возможности получать опыт есть нарушение Его замысла. Он отправил нас сюда, на этот полигон, чтобы мы прошли испытания и достигли результатов. Разве разумно отсиживаться в углу, в уверенности, что если ничего не сделаешь – то это меньше шансов сделать что-то неправильно? И уж

тем более вера не измеряется частотой походов в церковь. Я думаю, Он хочет, чтобы мы были более самостоятельными. «По образу и подобию» означает, что мы наделены той же силой и ответственностью, но для безопасности – в сотни раз уменьшенной.

Миа:

30 июля 2004 года.

Какое счастье, выпускные экзамены и защита позади. Я до сих пор не верю, что студенчество закончилось. Мы с девчонками торжественно сожгли в лесу тетрадки по самым ненавистным предметам, а солидную пачку с нашими переписками на всевозможных листочках я собрала в обувную коробку и положила на антресоль, чтобы хорошенько забыть о ней и вспомнить через несколько лет.

Аарон взял академический отпуск ещё зимой. Вся семья пребывала в шоке и ужасе – это же как минимум глупо, брать академ за полгода до диплома! Ну потерпел бы уже каких-то шесть месяцев, ничего бы страшного не случилось. Тем более, состояние Аарона стало куда стабильнее, я уже давно не видела его навеселе. Да и часы безмолвия с созерцанием потолка тоже прекратились.

/Здесь в дневник был вложен как раз такой клетчатый листочек с нашими диалогами, датированный прошлым годом/

Санча: вот возьму и... замуж выйду!

Я: о, круть несусветная! Майка, побежали выбирать костюмы подружек невесты. Чур я Человек-паук!

Майка: а я – Бэтмэн.

Санча: вас в церковь не пустят.

Я: мы замаскируемся и будем на стене висеть.

Санча: а где опять Тыква?

Я: она звонила утром и сказала, что у них в редакции какие-то нововведения в журналистскую кама-сутру. На этот раз свежий материал для завтрашнего номера – на столе, и как-то в этом процессе ещё принимает участие начальство.

Санча: я даже представлять это не хочу...

Майка: я тоже могу им предложить пару поз из своей практики. Например, одна нога – на работе, другая – в универе. Ощущения незабываемые.

Санча: кстати, сенсационная новость из жизни Тыквы. Я вчера была у неё, и она сказала, что Ромео ей больше не нравится. Она его тексты перевела.

Я: и что, оказалось, что этот мерзавец всё ещё любит Джульетту?

Майка: а плакаты сняла?

Санча: нет.

Я: тогда гнусная ложь.

Санча: ох уж эта русская литература...

Я: чего?

Санча: ну просто я, в отличие от вас, ещё лекцию краем уха слушаю. Бакунин подумал: «а как же там народ в полях?» - и уехал в Женеву.

Майка: а Тургенев – в Баден-Баден.

Я: а Пушкин написал ерпигарму «не то беда, что ты в Женеве».

Майка: а Огарёв не умел писать ничего, кроме «Колокола», поэтому просто опубликовал, что Бакунин – подлец.

Я: а Толстой вздохнул: «какой ужас!» и пошёл за хлебом.

Майка: но по дороге заблудился и сел в поезд. И заболел по дороге.

Санча: кажется, мы написали новый учебник.

Аарон:

3 июля 2004 года.

Я всегда думал, почему у меня не получается написать что-то по-настоящему стоящее. Нет, не так. Что-то... впечатляющее? Наверное, этот термин точнее. У меня есть несколько неплохих рукописей. Но всё в них как-то слишком выдуманно. И это такая заметная фальшь, как следы ластика и продавленные карандашом бороздки на выверенном рисунке; как кинематографические условности вроде выбрасывания из канвы повествования бытовых эпизодов. Например, в кино люди никогда не разуваются, входя в помещение. Все знают, что это не правда, но никто не обращает на это внимания.

На самом деле, по-настоящему удивительные истории не выдумываются – они происходят. Потому что фантазия Главного Режиссёра намного богаче, чем у любого из нас. Я впадаю в беспредельное восхищение, когда мне удаётся урвать какую-нибудь сложную, запутанную, но на все сто правдивую историю. Меня удивляет и завораживает эта тонкая, невыразимо точно просчитанная система, в которую мы включены. Всё происходит именно так и именно тогда, когда это необходимо.

Удивительные истории распускаются, как тропические цветы, на залитых росой и солнцем полянах, посреди асфальтированного дорожного полотна, в керамическом горшке с пересохшей землёй, которую уже давно никто не поливает...

Удивительные истории возникают как оправдание тому, что всё есть, всё движется, всё живёт, всё наполнено смыслом. Они появляются, как радуга или ветер, и остаются лишь в памяти тех, кто был им свидетелем, или, если случайному собеседнику посчастливится – проникают и в его память за чашкой травяного чая, в случайном поезде, в момент откровения.

Мне посчастливилось сегодня. И эта история не выходит у меня из головы. Всё началось с моего нудного монолога о том, что моя любовь – это моё наказание, что без неё я мог быть свободным и неуязвимым, но моё сердце исчерпало все свои ресурсы, и поэтому я обречён. Нет, это было не настолько пафосно и трагично, но будем считать, что суть я передал. Войцех, мой недавний знакомый, выслушал меня с таким терпением, как будто времени у нас в запасе было безмерное количество.

А затем он рассказал мне о своей семье. Вернее, о семье, которая была призраком в его жизни. Призраком – потому что сам он не уверен, где заканчиваются его воспоминания и начинаются мамины истории. Все эти образы и сюжеты с чудесным перламутровым звоном рассыпаются в его

памяти витражными осколками, как в калейдоскопе, каждый раз образуя новый орнамент...

Его родители встретились в дверях раскалённого трамвая, раскрывшихся на старой польской улице, в самом сердце августа, чтобы посадить измученных смятых пассажиров. Она спускалась с подножки, босиком, с бисерными браслетами на щиколотках и огромным жёлтым яблоком в руке. Он собирался войти, и замер на миг, чтобы пропустить её. И тут что-то произошло. Что-то, что невозможно назвать словами, потому что оболочка любого слова слишком тесна. В тот момент, когда их взгляды переплелись, мир стал полным, целым, совершенным. Она замерла, так и не ступив на землю – бисерный браслет дрожал в воздухе и разбрызгивал солнечные зайчики по асфальту. Он не мог пошевелиться, и отчётливо слышал, как скрипит время. И тяжеловесный, как переспелая груша, водитель трамвая не спешил трогаться с места, с любопытством поглядывая в зеркало. И ветхий старик, которому тоже нужно было попасть в салон, стоял молча и наблюдал. И пассажиры прилипли к мутноватым раскалённым окнам, чтобы не пропустить развязку.

Они не сказали друг другу ни слова. Они отпустили трамвай со всеми его обитателями, и остановку со всеми, кто ещё не дождался, но не терял надежды, и всю эту солнечную польскую улицу, которая стала для них центром Вселенной, и весь этот мир, в котором до того момента им не хватало только друг друга – и медленно пошли по мощёному тротуару.

Мир был совершенным всего три года. А потом раскололся на две тяжёлые половины, как это и должно было произойти.

Когда в романах пишут “они были созданы друг для друга” - читатель принимает это за чистую монету и всем своим сердцем жаждет найти такое же. Найти, вцепиться изо всех сил и не отпускать. Однако, романисты забыли кое-что упомянуть на полях. Сладкая воздушная фраза “они жили долго и счастливо” - это такая пружина, это выжимка, рекламный слоган идеальной жизни и взаимной любви. В правом верхнем углу этой фразы нужно ставить сноску, а внизу страницы сухим юридическим языком расписывать истинное положение дел. “Жили долго и счастливо” - это не пионовое облако нескончаемой радости, это упорный труд. Каждый день.

Родители Войцеха принадлежали к разным мирам. Она была аборигенкой из джунглей мира, в её венах кипел гранатовый сок вперемешку с закатным солнцем. Она не видела границ и не понимала правил. А у него была заурядная

жизнь, скучная работа, серый пиджак и синий голос. Он любил порядок и знать, что и как произойдёт завтра.

Она плела браслеты и продавала их на ярмарках. Он ругал её за безответственность, он говорил: “кем ты хочешь стать? что ты планируешь делать потом?”, она говорила “но я - уже есть я, почему я должна становиться кем-то другим? Я много чего хочу, но для того чтобы это делать, мне не нужен диплом или чьё-то разрешение!”

Он взывал к её благоразумию, чтобы она опомнилась и привела свою жизнь в порядок. Она взывала ко всем богам, чтобы они явили ему то, что видит она, и он наконец понял, что важно на самом деле.

Она задыхалась в прибранной аккуратной квартире, он сходил с ума в её расписном трейлере. Он был неисправим, как гранит. Она металась от компромисса к компромиссу, как горная река, но как далеко ни выходила из берегов - возвращалась в своё русло, потому что иначе не могло быть.

Он снова приходил за ней в её пропахший корицей и костром фургончик, и они долго сидели на ступеньках, раскладывая слова перед собой, как разноцветные сверкающие бисерные браслетики, в которых таяло уходящее солнце. И небо медленно остывало и вызревало до густого, чёрно-синего, как его голос, цвета. И трава становилась прохладной, а тишина - насыщенной.

А затем всё шло по новому кругу.

Мать Войцеха не была упрямой. Она искренне хотела измениться, она с завистью смотрела на других женщин и изо всех сил подражала им. А потом снова уходила в свой вагончик, как в берлогу, потому что это была её родная среда, и она могла жить только там. Она металась между сердцем и домом, и это были две совершенно несовместимые жизни, бескомпромиссно несовместимые. И она не хотела выбирать себе одну из них — она хотела обе.

Когда родился Войцех, она уже полгода как жила в своём фургоне. Поэтому Войцех не помнит отца. Точнее, он помнит смутную тень его присутствия, как будто воспоминания матери о нём были настолько сильны, что его призрак жил вместе с ними до конца её дней. Она ушла от возлюбленного, но осталась с ним. Это сложно объяснить, но для неё такое положение дел было само собой разумеющимся.

“В один из дней, - рассказывала она, - я поняла, что больше не могу ходить по этому кругу. Я поняла, что так будет всегда, но у меня больше нет сил проходить через это ещё раз. Я так устала терять себя, что от меня не осталось ничего. И я так устала терять его, что больше не хочу любить. Я не могла разорваться на двух разных людей - нельзя одновременно содержать притон и приход, мне нужно было решить раз и навсегда”.

Она показывала мне свой амулет, сплетённый из толстой красной нитки - большой мягкий комочек винного цвета, отдалённо напоминающий сердце. “Это моё сердце, - говорила она, - я завязывала по узелку каждый день, когда он ушёл. А потом положила его в сундук и заперла на замок. Когда он ушёл, я плакала многие дни. Просто лежала на полу и ничего не могла делать. А потом сидела на ступеньках своей хижины и молчала. И ни о чём не думала. У меня внутри не было слов. Потому-то ты и родился таким грустным и молчаливым. Ты смотрел на мир так, как будто ничего от него не ждал”.

Войцех так и не добился вразумительного ответа - кто от кого ушёл, как это произошло и почему на этот раз они действительно оставили друг друга навсегда.

- А почему ты не нашла себе другого мужа? - спросил он её как-то раз.

- Понимаешь, - она долго сосредоточенно подбирала слова, - когда люди вот так встречаются - они встречаются навсегда. Это нельзя ни с чем спутать. Ты просто видишь человека - и знаешь, что он твой, и по-другому не может быть. А когда ваша жизнь закончится - вы пойдёте в другую жизнь.

- Но ведь вы больше не живёте вместе, так же тоже бывает, у него ведь может быть другая жена теперь. А ты можешь встретить другого мужа.

- Понимаешь, - она стала ещё печальнее, - если я встречу другого человека, возможно, я даже полюблю его, и проживу с ним до самой смерти. А потом, когда я умру... кто встретит меня там? С кем я должна буду пойти дальше - с тем, который прожил со мной много лет или с тем, кто должен был прожить? Я так устала выбирать, Войцех.

Боль бродила в ней долго, очень долго, пока не превратилась в тихое, мягкое спокойствие. И она снова обрела равновесие. И мир снова стал целым, уже насовсем.

Миа:

1 августа 2004 года.

А подозрения про тайную ложу были не так уж беспочвенны! В прошлое воскресенье я не поленилась встать пораньше, заранее упомянув вскользь о встрече подруги в аэропорту – чтобы не вызывать подозрений. Я спряталась за гаражами, и когда Аарон вышел из подъезда, в свои ставшие традиционными девять утра, незаметно пошла за ним. Я не бог весть какой конспиратор, но в случае с моим братом профессионализм не требовался. Я смело могла прихватить с собой цыганский табор с медведем – он всё равно бы не заметил, что мы идём за ним. Он вообще мало что замечает вокруг себя.

Так вот, Аарон сел в трамвай до вокзала, я запрыгнула в последний момент и спряталась за небольшой компанией молодёжи. Так мы доехали почти до конца маршрута, и я уже начала волноваться, что вагон пустеет, и я становлюсь всё заметнее.

Затем мы прошли сквозь едва проснувшийся рынок, мимо порта, по мокрой набережной с красно-белым маяком, мимо студии «Пилот», в которую когда-то частенько наведывались, по тропинке сквозь микроскопический парк (где мне пришлось отстать, потому что людей больше не было в нашем поле зрения)... и оказались на небольшой мощёной площади. Точнее, Аарон оказался, а я осталась в тени парковой аллеи. Но дальше можно было уже не идти. Потому что пункт назначения был тут: Аарон замедлил шаг, миновал узорчатую решётку и пушистые кусты роз... и вошёл в костёл.

Я знаю это место; в эпоху моего курьерства я доставляла конверт в соседнее здание, в транспортную компанию. Это был конец декабря, и костёл украсили, как пряничный домик, в преддверии Рождества. Я видела его сквозь окно фойе, а девочка за стойкой говорила другой девочке, что это польский приход, там всё на польском, но очень красиво и есть какие-то бесплатные лингвистические курсы.

Судя по тому, как с разных сторон к заветной двери тянулись разные люди, скоро должна была начаться месса. Нет, я не была удивлена конечным пунктом воскресных путешествий Аарона, вопрос состоял в другом: почему именно польский приход? Ему что, мало церквей, где он может понимать смысл проповеди?

Аарон:

8 сентября 2004 года

Перебирая свои архивы, наткнулся на фильм, который мы с Джерри снимали год назад. Мультимедийный фарш на тему коллективного бессознательного и круговорота идей в природе. Несколько совершенно не связанных между собой персонажей поочерёдно находят блокнот, пишут по фрагменту текста, после чего неосторожной детской рукой произведение народного творчества отправляется в весеннюю лужу. А где-то на отшибе города, среди бутылок и хлама, в гараже, служащем репетиционной базой рок-группе, просыпается терзаемый похмельем патлатый юноша, и под минутным вдохновением (и, само собой, всё ещё под мухой) карябает на сигаретной пачке новый хит. И разумеется, хит и есть тот самый текст, который писали всем миром и так же дружно потеряли.

Забавно было погрузиться в прошлое. Один из эпизодов снимали на вокзале, всего несколько секунд – пока нас не выставила полиция. Другой – в электричке, из которой потом выскакивали всей съёмочной группой за секунду до отправления, едва не потеряв текст по-настоящему. В половине эпизодов, как оказалось, виден какой-нибудь фрагмент Джерри – в основном в роли случайного прохожего или массовки. После просмотра финального варианта нам казалось, что в городе проживает полтора человека, и один из них – Джерри. Жаль, что благодаря моим кривым рукам, первый съёмочный день был безвозвратно утерян, и пришлось всё переснимать.

В любом случае, в первых двух вариантах монтажа наша пафосная философская идея не читалась совсем, половину кадров не вырезали только потому, что было жалко, а теперь я посмотрел на ленту свежим взглядом и понял, что вырезать надо было всё. Кроме одного кадра. Его я снял случайно, отбивая настройки на камере, и он прекрасен. Эпизод, где из окна торчит мясистая рука и соломенным веником смахивает снег с подоконника, а в самом окне на секунду отражается летящая птица.

Миа:

15 сентября 2004 года

Бар – это чудесное место. Своего рода анатомический театр. В эмоциональном плане, разумеется. Если бы я закончила психфак, я бы пошла работать барменом.

Миа:

2 октября 2004 года

Сегодня вычитала удивительную вещь. Человек, который составляет шахматные задачи, называется композитором. Я, конечно, догадываюсь об этимологии этого термина, но чисто на эмоциональном уровне это воспринимается как полноценная метафора.

Для меня в своё время стала сенсационной новостью о взаимосвязи математики и музыки. Первую я терпеть не могу с детства, без второй не могу жить, и при этом обе они живут по одним и тем же законам. Это не помещается в моей голове.

Аарон:

2 октября 2004 года

Меня забавляет формулировка «ты попадёшь в ад». Ад – это не географическая координата, как он может быть где-то снаружи тебя?

Миа:

18 октября 2004 года

Я работаю в ихтиопарке. То есть, для посетителей это – парфюмерная лавка, нарядная комнатка, яркий калейдоскоп из стеклянных полочек, зеркал, витрин и разноцветных флакончиков. На самом же деле, каждый день, с девяти до шести я притворяюсь аккуратной вежливой куклой и изучаю диковинных рыб, заплывающих в этот сверкающий аквариум. Они утыкаются в стекло, внимательно читают бирки, принимают к пунцовым и золотистым бутылочкам, рассматривают изумрудные лампообразные ёмкости

с серебристыми крышками, разбрызгивают вокруг себя пушистые облака ароматов – розовых, бордовых, сиреневых, алых...

Поначалу мне приходилось много наблюдать и старательно интервьюировать каждую рыбину на предмет пристрастий. Сейчас же достаточно несколько секунд посмотреть на очередного визитёра – и по форме чешуи или плавников, цвету глаз или каким-то ещё неведомым параметрам – становится ясно: ему понравится густая лаванда с амброй и тонким древесно-горьким ветром в лепестках – туманное утро позднего сентября, терпкое солнце в холодной траве. А эта дама явно выискивает плотную ваниль – рыхлую, как тёплая булка, увенчанная капризной изюминой. А это вошла корица, или даже герань, возможно – с лёгкой примесью фрезии в качестве компромисса. А на эти смуглые запястья просится густой тягучий сандал, как браслеты из красного дерева, как янтарная смола или пряный мёд. А эта запутавшаяся гуппи думает, что хочет стильный ветивер и сдержанную японскую вишню, но на самом деле её сердце замирает едва почуяв трепещущий аромат розы; оттого у неё грустные суетливые зрачки и платье не по погоде. А этот карась явно не чувствует ничего, кроме тяжёлых, убийственных табачных нот. А эта полупрозрачная русалка мечтает нырнуть в прохладное неоновое облако из малины, лемонграсса и тропических фруктов.

На самом деле, это легко. Это как выучить новый язык – сперва не можешь связать двух слов без словаря, а потом просто смотришь на человека и переводишь его. А затем перевод и вовсе происходит в автоматическом режиме; просто раскрываются стеклянные двери, впуская очередного покупателя – и ты почти не глядя протягиваешь ему ультрамариновый флакон матового стекла, в котором заточён жирный кусок океана, прямо с затонувшим кораблём, в сердце которого цветёт дубовая бочка рома. И непонятно, кто из вас изумлён больше, потому что это чёткое попадание в цель, потому что больше ни один из засоряющих витрины флаконов не вызвал в нём отклика или хотя бы замешательства.

Я привыкла мыслить ароматами, как константами. Они складываются у меня в голове вместо слов. Например, сегодняшнее утро пахло жасмином, свежим хлопком, зелёным чаем. А вчера у меня было какое-то мандариновое настроение. И мне нравится читать и переводить людей, угадывая, что они ищут среди разноцветных стекляшек. За какие ниточки дёргает их тот или иной аромат.

Правда, есть во всём этом некая сложность, связанная скорее с памятью, чем с обонянием. Однажды мы шли с Джерри по торговому центру, где только что начисто вымыли полы, отчего над ними повис рыхлый резкий запах хлорки. И в один момент мы отреагировали на него – каждый по-своему: Джерри втянул его носом с мечтательным «мм, бассейн!», а я сморщилась и перестала дышать, вспомнив больницу. Мы привязываем к аромату эмоции, пережитые в момент его ощущения. И это крайне сложно учесть в диалоге с едва знакомым персонажем. А что взять с рыб – они даже когда открывают рот – молчат.

Арон:

12 ноября 2004 года.

Когда начинает придавливать бетонной плитой, когда со всего вокруг сползает симпатичная шкурка, и остаётся какая-то бесцветная мешанина, когда тает снег, обнажая урбанистический планктон из «бычков» и бумажек – нужно совершать побег. Побег из Солнечной Системы. Нужно бежать с такой скоростью, чтобы обогнать Фореста Гампа, Ахилла, звук и свет.

Миа:

16 ноября 2004 года.

Аарон отколол нечто новенькое. Собрал свой рюкзак и укатил с бродячим цирком. «Мне надо побыть одной, я пошла на базар».

Аарон:

17 ноября 2004 года.

Мы сели в поезд и отчалили. Я давно мечтал покинуть этот город, но на переезд нужны были деньги. И вот мне представилась такая возможность. Со мной ехала Эмма – тётка из деревни, нам выпали соседние города для организации цирковых выступлений. Поэтому сутки в поезде нам было по пути. Эмма торговала пирожками. Мне было весьма сложно объяснить ей, что паспорт и кошелек в поезде не кидают на любом видном месте, отлучаясь за

кипятком, и что в неизвестных населённых пунктах не стоит просить неизвестных людей покараулить сумки.

На соседней полке ехал худощавый смешной парень, ему было 23 года, он был трижды официально женат, дважды разведён, сыну – семь лет. В целом, он был очень похож на тощую дворнягу с откушенным ухом, которая знает, где спереть колбасу, и дружелюбно вертит хвостом каждому прохожему. Всю дорогу развлекал вагон.

В 4 утра поезд прибыл на нашу станцию. Прибыл он на пару минут раньше, и поскольку стоянка предполагалась двухминутная, мы с Эммой выскочили, даже толком не собравшись. Эмма – на ходу записывая свои тряпки в клетчатую челночную сумку и волоча за собой баул на тележке (туристический опыт отсутствует напрочь), я – в накинутой на плечи куртке, с рюкзаком (единственный багаж) и с кружкой дымящегося кофе в руке. Моя вилка, забытая в утреннем «чойсе», отправилась покорять столицу.

До Эмминого городка не ходил никакой общественный транспорт, поэтому я нашёл такси, дал ЦУ, обязал отзвониться, и облегчённо вздохнул, когда машина умчалась по так называемому дорожному полотну. Мой рейсовый автобус приходил в шесть с минутами. Надо сказать, я люблю преимущественно ранние утренние или ночные маршруты. В это время города как будто теряют связь с людьми, и можно почувствовать их вкус.

Я ступил на землю незнакомой мне станции, как Нил Армстронг на поверхность Луны. Правда, Нила Армстронга при этом не выпинывала под зад заспанная проводница.

Мне достался город в три с половиной тысячи человек населения. Когда сходишь с автобуса в таком месте, прохожие начинают здороваться. Знаете почему? Потому что они увидели новое лицо. Я влюбился в это место с первого вдоха. Меня просто завораживают такие городки с мокрым фактурным воздухом и остановившимся временем. Такой город хочется запомнить руками, и обязательно когда-нибудь приехать в одиночку, просто чтобы фланировать и изучать ощущения. Вот он, весь такой – на грани осени. Как будто сейчас навсегда пойдёт тяжёлый дождь, и мир за пределами города исчезнет.

Аарон:

18 ноября 2004 года.

Дети из соседней деревни ходят в школу пешком. Среди этих детей – дочь коменданта гостиницы. Когда-то давно комендант вышла замуж, покинула крупный город и поселилась с мужем в деревне. Потом муж умер, родни не осталось. Раз в два дня она ходит через мост на работу в гостиницу. Растопщик приходит примерно с той же периодичностью, если есть постояльцы. Большую часть времени «замок» пустует, и комендант сидит в комнатке, в ватных штанах и свитере, как полярник, пьёт чай и смотрит бесконечные телепередачи. За ту неделю, что я там провёл, соседи появлялись только однажды, и те в ужасе сбежали. Поэтому пару раз комендант поручала мне чайник, ключи и номер своего мобильного, и оставляла меня единственным обитателем промозглой двухэтажной гостиницы. Надо сказать, она была даже слишком заботливой для коменданта провинциального заведения – стоило мне проснуться (об этом деревянные полы ставили в известность оба этажа), она бежала ставить чайник, как будто это – часть сервиса (хотя, слово «сервис» как-то побрезговало бы войти в обиход местных постояльцев). Однажды, когда я поздно уходил прогуляться, она почти на автомате спросила, не отрываясь от экрана: «ты что так поздно? Когда дома будешь?»

Мне было тепло от этого слова «дома». Спасибо тебе, одинокий человек, подаривший мне минуту тепла на отшибе мира!

Последние дни перед зимой. Когда свет ещё тёплый, а воздух уже холодный и сладковатый. Вокруг города много хвой, во дворах горят пряные костры. Небо наполнено осенним свинцом. А ещё здесь повсюду руины. Я проходил мимо полуразрушенной церкви, когда услышал, что она воет. Причём, это не совсем ЗВУК. То есть, ты СЛЫШИШЬ, но не ушами, а как будто этот вой – в грудной клетке. Но он не твой, это – голос руины. И ещё она была как будто намагничена. Какое-то поле вокруг вязкое, как будто плотность пространства была другой. Позже мне сказали, что этим руинам по 5-6 веков. Слева от церкви - маленький домик, это детский сад. Руина стоит прямо на его территории. Готичные местные дети носятся вокруг пятивековой церкви с лопатками и ведёрками, песочницы и качели врыты также вокруг. Завидую им. Будь я ребёнком из этой группы, я бы постоянно сидел в нише руины, как горгулья, наверное. Я в детстве не любил разговаривать и по большей части держался в стороне от всех.

Арон:

19 ноября 2004 года.

Мы с Мией выдумали в детстве игру. Мы забирались на одну полку шатающегося плацкарта и всматривались в темноту, ритмично озаряемую пробегающими фонарями. Нам казалось, что там есть что-то очень важное, что нельзя упустить. Время от времени наши глаза выхватывали кинематографичную развалину или крошечную, забытую всеми богами, деревню в три дома. Мы пытались представить, как это – жить в таком месте. Или что могло случиться с разрушенным домом.

- Я тут как будто живу, - я ткнул пальцем в прохладное толстое стекло, за которым пронёсся двухэтажный барак, - я сейчас как будто на секунду оказался внутри. Как будто я там живу много лет, но другой я. Как будто сейчас, когда мы проезжали, я послал ему радиосигнал, и он его уловил, я это почувствовал.

Мы снова уставились в мерцающее стекло, как в кинескоп. Через несколько минут поезд миновал небольшое поселение, ничем не примечательное – два с лишним десятка типовых домов, скучный вокзал, унылая школа. Затем снова начался лес. Мы ждали, когда покажутся дома. Разные дома – многоэтажные, избушки, хижины, лачуги, коттеджи, срубы. С резными ставнями и покосившимися заборами, с красивыми палисадниками и черепичными крышами. Мы ныряли во все окна одновременно со скоростью света и ловили радиосигнал – в каком из окон мы как будто живём, в каком из домов есть резонанс.

Миа показала мне бревенчатый дом с припаркованным белым велосипедом: «здесь». Немного погодя, я выловил из мрака, будто серебристую рыбку, блёклый домик: «а я здесь».

Наша память в ночном поезде превращалась в высохшую губку, жадно впитывающую каждую каплю.

Сказал об этом воспоминании Мие по телефону. Миа сказала: «Я помню, что мы долго прыгали в разные дома, а потом начался бесконечный лес, и мы всё не могли дождаться домов. А в стекле я видела твоё отражение, и своё тоже. Ты смотрел на моё отражение, как будто хотел сказать: «здесь», но потом

перевёл взгляд на густой хвойный лес, а у меня от его мелькания закружилась голова».

Аарон:

20 ноября 2004 года.

На третьи сутки мажорство закончилось, и я переехал в шестиместный номер (самый бюджетный вариант). В прайсе был пункт «люкс», так вот, я до сих пор жалею только об одном – что не посмотрел на этот люкс. Наверное, там были шторы и целый стул. Когда въехала труппа, самой ходовой стала шутка про «вытри ботинки, как с подоконника слезешь».

Аарон:

25 ноября 2004 года.

Разместился в одном номере с удавом, двумя королевскими питонами, обезьяной, коати, крокодилом, аргентинскими попугаями, какаду, чрезмерно дружелюбным пуделем и пьяными клоунами. Какаду и змеи в этой компании были самыми тихими и безобидными. Аргентинские попугаи орали на весь город.

Клюв аргентинца способен расколоть грецкий орех и откусить фрагмент пальца водителя по имени Кузя (Кузя вообще на редкость везуч: в процессе мытья клетки коати, эта саблезубая фигня нечаянно распорол ему руку клыком). Кушают аргентинцы обычно варёное мясо или фрукты. Всё, что падает на пол, съедает пудель Аскольд. Ещё аргентинцы очень положительно воспринимают букву «р», в ней им слышится целая палитра позитивных эмоций. Поэтому называть их стараются такими именами, в которых есть чёткое «р». Хвалить попугаев тоже желательно словами с раскатистым «р» - например, «орёл». Правда, благодаря усердию пьяных клоунов, Лора начала возбуждённо раскланиваться на «Лора – курррица».

Крокодила по ночам терзают приступы клаустрофобии, и он пытается вылезти из перевозного террариума. Обычно это происходит громко и экспрессивно, от чего ругаются на несчастную рептилию даже коллеги из соседних клеток. Обезьяна регулярно ворует у Кузи пиво, вследствие чего

нередко сшибает углы и падает с дивана. Кузя подхалтуривает продажей попкорна. Лысый – сладкой ватой. Двухметровый громила с розовым сахарным облачком в руке смотрится просто феерично. Вечерами Лысый долго беседует по телефону с какой-то Зайкой, раз в неделю они расстаются навсегда. В особо скучные вечера труппа подрубается к фейсбуку через вай-фай и шарится по Зайкиной страничке. В самой труппе – пять человек – чета Зименс с попугаями и акробатическими номерами, гей-иллюзионист Мишель, бабник-директор цирка Серж, по совместительству клоун и эквилибрист, и его любовница – истеричная стерва Юлиана с голубями и пуделем.

Аристократ и невротик Мишель не скрывает своей ориентации и лёгкого презрения к остальным членам коллектива. Зименсы поначалу показались мне харизматичными, однако, со временем оказалось, что за этой дорожной потрёпанностью нет никаких потайных дверей, и по стране их гонит не страсть к цирку, а страх остановиться, посмотреть друг на друга и признать неоспоримую несостоятельность своего брака. Это – как раз тот пример супругов, которые жадно вгрызаются в общее дело лишь потому, что оно – единственное оправдание их тандема.

\ тут к странице был приклеен снимок красного попугая, под снимком значилось: «Арчи точит яблоко»\

Когда Юлиане было шестнадцать лет, она закрутила роман с циркачом. Юноша состоял в передвижной труппе, поэтому за две недели до того, как отчалить, он явился к Юлиане с голубями и сказал, что любовь на расстоянии невозможна, а вот тебе голуби, за две недели чтоб был номер. Так Юлиана связала свою жизнь с цирком. Юноша давно пропал, а инерция осталась, и по этой самой инерции Юлиана продолжает катиться с цирком уже за Сержем. Как-то на кухне общежития уже не помню, какого города, Юлиана, вдавливая окурок за окурком в пепельницу, с удивлением рассказывала о своей маме: «нет, ну ты прикинь, она купила два дома! Два! Я спросила её, зачем тебе два? Она говорит, а потому что в одном нет отопления, а в другом есть. Нет, ты прикинь?! Ну вот на фига надо было брать дом, в котором нет отопления?! Звонит мне такая и говорит, доча, ты с лошадьми не выступаешь? Научи меня с лошадьми работать. Я говорю, зачем тебе, ты чо? А она – знаешь чо? Говорит, я куплю ферму и буду объезжать лошадей. И продавать их, говорит, буду».

Пожалуй, это был наш единственный адекватный диалог. Юлиане я почему-то не понравился с первой секунды нашей встречи.

Зачем цирк купил коати – величайшая загадка: дрессировке он не поддаётся, огромные клыки, наводящие на мысли о саблезубой белке, опасны, поэтому живёт он в клетке, и из этой клетки его **ВООБЩЕ** не выпускают, кроме как погулять. Правда, выгул коати порой собирает не меньше зрителей, чем представление.

В местном ресторане (подчёркиваю, это заведение позиционирует себя как ресторан!) подают «бевштекс» и чай в кружках с Микки Маусом. Ресторан работает дважды в сутки – в обед и половину ночи.

Местные первоклашки самостоятельны и организованны – они сами собирают деньги на билеты, сами звонят и назначают встречу, чтобы купить заранее и со скидкой. Весь город можно обойти за пару часов. Усатый свинцовый директор ДК, который, судя по всему, родился в этом самом ДК, и после смерти будет блуждать там печальным призраком, сразу пробубнил, что город у них небольшой, и не надейтесь особо, самое большое сто пятьдесят человек было. Когда из рук билетёрши вырвали трёхсотый билет, а уборщица с гардеробщицей принесли дополнительные скамейки, его челюсть как раз подметала крыльцо. Однако ДК запомнился мне не столько всем этим аншлагом, сколько одним моментом за пару часов до выступления: я отсчитывал билетёрше третью партию контрамарок, которых ну теперь-то должно хватить, у вас же столько жителей нет, сколько вы билетов уже продали. Глас из гардероба сотряс фойе: «Чо-то грязно, а? Чо это, а? Где эта, уборщица? Мария, помой тут!» - и вошла Мария. Я не знаю, кто дал ей швабру, лично я на его месте скорее отправил бы Марию на «Мисс Вселенная», поскольку за всю свою жизнь я лишь дважды видел такое лицо – как будто украденное с фрески, удивительно красивое и излучающее какой-то энергетический мёд. Уже не помню, в каком городе, на тротуаре стояла монахиня с кружкой для пожертвований. И, чёрт возьми, у меня не было с собой ни приемлемых купюр, ни фотоаппарата.

Я люблю интересные лица. Коллекционирую их, как бабочек или марки. При этом моя любовь к красоте абсолютно андрогинна; она никак не связана с отношением к человеку.

Однажды я простоял минут десять у подъезда, зависнув на фрагменте перилл: деревянные такие старые разошедшиеся перилла, изначально, судя по всему, жёлтые, поверх замазанные классической подъездной синей краской, потом – густой красной, и в итоге растрескавшиеся слой за слоем, в чешуйках и

кракелюрах, и наверняка поеденные муравьями. Честное пионерское, это были самые красивые перилла из всех, что мне доводилось видеть. Я смотрел на перилла и провалился в далёкое прошлое. Когда мне было лет 5, папа нас брал с собой в мастерскую. Горелка всегда лежала на толстой доске почти карманного формата, и от температуры эта доска вся была прожжённой, продавленной, в сколах и угле. Так вот, зашедший из соседней мастерской художник, помнится, долго выпрашивал у папы эту деревяшку, потому что не мог оторвать глаз от её рельефа.

Как-то раз я проехал свою остановку, засмотревшись на изумительно интересное лицо пассажирки напротив. У неё был совершенно кукольный профиль – невозможно огромные синие глаза, бледно-розовые губы с цикламеновыми прожилками и аккуратный носик, как рисуют в японских мультиках, как будто в нём не кость и хрящи, а тонкий фарфор. Из-под кирпично-красной шапки крупной вязки выбивались несколько выющихся прядей. И я подумал: интересно, они случайно так живописно выбились, или она долго стояла у зеркала в своей прихожей, уравнивая всю эту красоту. Я смотрел на неё или даже сквозь неё, стараясь увидеть, как выглядит её комната, какие книги стоят на полках её шкафа, какого цвета её любимый свитер... Кажется, она заметила, что я не отрываю от неё глаз, и ей это не очень понравилось. Я очнулся и увидел, что моя остановка была минут семь назад. Я выскочил и пошёл пешком через дворы, по короткой дороге, ведущей к моему корпусу. Я шёл и думал: любопытно. Я встретил удивительно красивую девушку, но мне даже в голову не пришло познакомиться с ней. Даже сейчас, если вернуть меня в недалёкое прошлое и дать мне шанс, скажем, пригласить её на кофе – я ловлю себя на том, что не испытываю такой необходимости. Более того, эта мысль вызывает у меня скуку. Я смотрел на неё с замиранием сердца, как смотришь на неописуемо красивый закат. Как смотришь на море, завораживающее своим простором и переливами. Как смотришь на космос, бездонный и непостижимый. Но разве нужно всё это хватать и тащить к себе в карман или в дом? Это амброзия для глаз, не более того.

Миа:

25 ноября 2004 года.

Позвонил Аарон и с восторгом рассказывал про какую-то местную красавицу. Аарон падок на всё прекрасное, в его ноутбуке лежат гигабайты красивых картинок. Он иногда открывает и смотрит их. Наверняка он и в фотографию-то подался только для того, чтобы снимать красивых людей. В любом случае, я рада, что он начал хоть немного смотреть по сторонам.

Влюбляться очень полезно. По-моему, это шикарный повод к эволюции.

Я как-то на днях делала уборку и нашла свои школьные тетрадки. Надо сказать, почерк у меня всегда был отвратительный. В нашем детстве подготовительные школы ещё не были распространённым явлением, а за полгода до первого класса нас перевели в другой детский ад (нет, это не опечатка), и там как раз такая подготовительная школа имелаась. Все остальные дети уже писали в прописях связные предложения круглыми аккуратными буквами. Я в первый же день явилась к маме в соплях, с прописью, в широких строчках которой красовались кривые угловатые иероглифы. Мне пришлось «догонять» группу, поэтому главное было – просто сделать, а не сделать красиво. Поэтому до средней школы почерк мой позволял обходиться без шифратора. Я без паники оставляла свой дневник на видном месте, потому что разобрать его содержимое всё равно не мог никто.

В первом классе нам задавали кучу упражнений на каллиграфию. Я помню, как папа бесился, глядя на мою клинопись. Он заставлял меня переписывать по многу раз, рисовал параллельные линии, выдирал листы из прописи, мы заводили новую тетрадь, я стояла в углу, потом опять рисовала эти дурацкие буквы, размазывая слёзы с чернилами по линованной бумаге. Я до сих пор чётко помню, как вела верхнюю палочку заглавной «П» и не понимала, почему она получается такой кривой – как будто меня кто-то дёргал за руку, пока я её выводила.

А в седьмом классе наш историк уехал, и его на три недели заменили каким-то другим преподавателем, из другой школы. И ровно три недели у меня был каллиграфический почерк. Без прописей и вырванных листов. Он просто внезапно стал красивым и ровным. Я писала тему урока и не верила своим глазам. Я даже купила цветные ручки для выделения главных фраз и снизошла до того, чтобы прочертить поля.

В пятнадцать мне захотелось в театр. Не «быть актрисой» а именно в театр, в сердцевину этого явления. Я отправилась на прослушивание, но в последний момент струсила и не стала входить в заветную дверь. Чуть позже попытка

повторилась, но у той же двери я встретила одноклассницу, которая ходила на курсы психологии в этом же здании, только этажом ниже. Меня снова подавил необъяснимый страх, и я с радостью нашла в её предложении присоединиться повод уйти от злосчастной двери. Ведь когда одна дверь закрыта, открывается другая. Я пришла с ней на занятие и влюбилась в психолога. Так театр на целых два года исчез из моих грёз. Зато пришло много нового, интересного и «полезного», таким полит-корректным словом они называют подзатыльники судьбы.

Раз в несколько лет в мою жизнь, прямым рейсом с Олимпа, спускается божество, и я превращаюсь в супергероя. Я могу свернуть горы, завоевать мир, встать на шпильки, выучить незнакомый язык. Влюблённость – это ресурсное состояние, это шикарный повод беспричинно чувствовать себя избранным, живым, счастливым. Радоваться мелочам, любить своё отражение в зеркале, улыбаться прохожим. И совершенно не обязательно заморачиваться продолжением истории: эта сказка прекрасна как раз благодаря открытому финалу.

Я влюбляюсь даже не в человека, а в этот букет эмоций и переживаний. Иногда объект обожания просто становится третьим лишним в этой моей идиллии с влюблённостью в него. Я даже временами забываю о его существовании.

Аарон:

28 ноября 2004 года.

Устав от консервированных продуктов и лапши, я решил разнообразить рацион, и поинтересовался у тётки за прилавком, съедобен ли тот салат в банке. Тётка, не задумываясь, на автомате ляпнула: «А фиг его знает, уже полгода не покупали», - и тут же осеклась, прикинув, что, пожалуй, этот салат – нехилый долгожитель. На следующее утро смущённо ткнула пальцем в пирожки: вот эти, говорит, свежие, а эти не кушайте.

Ноябрь: снег и земляничные листья. Из прочих событий сейчас вспоминаются только спасённая от заморозков кошка и толпа подозрительных армян. Кошку я пронёс в гостиницу, в надежде, что она погрееется хотя бы до того момента, как её выгонят обратно. Напоил молоком и два дня ещё прятался от неё: по гулким коридорам готичной гостиницы меня преследовало мурчащее

животное с маниакальной идеей затащить свою тушу на ручки. Армяне же были менее приятны: зачем-то пришли на представление, навязчиво знакомились, задавали много вопросов. Например, когда и каким транспортом я уезжаю. Я сказал, на цирковом крокодиле поеду, когда он будет в настроении. К вечеру я выработал привычку смотреть на все близлежащие предметы как на потенциальное оружие, поскольку за пазухой покоились деньги за все проданные билеты. Тридцать процентов выручки предстояло отдать директору ДК, пятьдесят – трупке. Да и вообще, расставаться с ними и своей жизнью я не планировал.

Миа:

28 ноября 2004 года.

Звонил Аарон, завтра он меняет дислокацию и очередной номер телефона. Судя по рассказам, он там обитает в каких-то клоповниках в обнимку с ехиднами и крокодилами. Вот уж от кого я не ожидала такого резкого поворота. Аарон всегда был аккуратным и рассудительным. Я – лезла во все приключения, которые улавливал мой радар. Я долгое время не могла понять, как мне удаётся находить такое количество идиотских историй, это же прямо интуиция какая-то. А потом поняла, что все эти приключения следовали за мной, куда бы я ни сунулась, как пучок консервных банок, привязанный к кошкиному хвосту. Так вот, стоило мне принять более-менее человеческий образ жизни и ненадолго уравновесить свой хаос – Аарон начал чудить. Видимо, мы связаны, как сообщающиеся сосуды, и если один где-то недобрал, второй отхватит сполна.

Аарон живёт во всех книгах, которые прочёл. Основная часть событий его жизни происходит в его голове. Я – практик. Я пробую мир на вкус (правда, периодически это заканчивается острым отравлением, но в целом, мне вкусно). Аарон – книжный червь, прокопавший тоннель от своего письменного стола до древних миров и пустивший по нему метро.

Аарон – аккуратист и зануда. Однажды в детстве я повергла его в шок на железнодорожной станции. Нам было лет по пять, мы с родителями встречали кого-то с поезда. Было жарко, а в радиусе километра из средств от жары был разве что холодильник с мороженым. Правда, мороженое в нём присутствовало только в одном виде – пломбир на палочке в какой-то жёлтой

глазури. Рядом с холодильником стоял счастливый обладатель спасительного средства и поглощал пломбир, предварительно отковыривая осколки глазури и бросая их под ноги. Воробьи и голуби тут же склёвывали падающие подарки судьбы. Мама сказала: «вы же не будете есть такое, оно с глазурью», но жара заставила пойти на компромисс. Глазурь и правда оказалась отвратительной на вкус (я до сих пор ощущаю мерзкое жирно-приторное послевкусие, когда вспоминаю, как мы ели этот пломбир), поэтому воробьи в тот день налопались до отвала. Пока мы поедали противные, но холодные мороженки, с последнего пути отчалил грузовой состав, и нам открылась небольшая лужайка и три-четыре дерева. На лужайке обосновался цыганский табор. Настоящий, хрестоматийный табор, о которых я думала, что они остались разве что в фильмах. Посреди поляны горел костёр, бегали чумазные дети, стояли деревянные повозки, настоящие повозки, ходили женщины в многоцветных юбках... я замерла и даже не заметила, как мороженое сползло к моим пальцам по деревянной палочке и окончательно превратилось в квашню.

- Ты чего? – спросил Аарон.
- Я хочу к ним, - сказала я.
- Тебя мама не пустит.
- Нет. Я не сейчас хочу. Я хочу родиться и вырасти там. Как они.

К чему я это? К тому, что возможно, это не Аарон удрал в цирк, это я воспользовалась его скафандром. Меня всегда притягивала богемная жизнь. Но не то смелости не хватало стать такой, не то боязнь за светлое будущее, которое передо мной захлопнется, как тяжёлая капризная дверь.

Аарон:

29 ноября 2004 года.

Пустив армян по ложному следу, утром я сел в рейсовый микроавтобус до райцентра. Весь экипаж шесть часов боролся между желанием выйти размяться и идеей развести костёр прямо в салоне. За ночь выпал плотный снег. Я вспомнил о бесценной вещи в рюкзаке – о шерстяных носках. В общем, я решил, что этикет в данных обстоятельствах вряд ли котируется, и стал облачаться в носки. Никогда ещё два десятка глаз не смотрели на меня с

такой завистью. Шерстяные носки шизофренической расцветки, сфабрикованные бабушкой – бесценная вещь в обледеневшем междугороднем автобусе.

Аарон:

1 декабря 2004 года.

Сердцем следующего города оказалась АЭС, поэтому проблем с отоплением жители не испытывали. Численность горожан уже более-менее радовала. Области город не имел: все окружающие его деревни относились к другой области. Но этой автономии показалось мало, поэтому местные школы решили жить по персональному расписанию – пять недель учёбы, затем каникулы, потом снова пять недель учёбы, каникулы... в общем, в этом-то и оказался подвох: я прибыл именно в ту неделю, когда школы закрылись на каникулы, а это значило, что зрителей собрать едва ли получится.

Стены школы были покрыты знаковыми эпизодами из жизни зайчиков и котиков: вот зайчик идёт с портфелем, и рядом стишок про то, как весело и полезно учиться. Вот котик ловит рыбку, стишок про каникулы. Вот зайчик перебинтованный, лежит в больничной койке. Очаровало двестишье «Куда бежал? Зачем спешил? А лапу врач ему пришил». Третий этаж оказался ещё лучше. Я не знаю, что курили в этой школе, но плоды творчества учеников, подрастающих в этом рассаднике сюрреализма, впечатлили. Тут явно были намешаны и ранний Магритт, и Дали, и Миро, и какие-то ещё неведомые мне шизофреники. Учительскую украшали пластмассовые вьюны, форма листьев которых очень уж напоминала марихуану. По-моему, это многое объясняет. В фойе школы красовалась урна с надписью «для незажжённых сигарет». Интересно, а бордель для младших классов у них предусмотрен?

Узнав о том, что образовательные программы соседних деревень менее экстравагантны, я решил собрать хоть немного зрителей там. Утренний автобус приходил около десяти. Встреча с директором заняла не больше часа. Автобус обратно ожидался только в 17.00. А кроме как в ларьке, погреться в селе было больше негде. Взвесив перспективы и узрев город на горизонте, я решил открыть новый путь через поля и леса. В этом плане прекрасно было всё. Кроме одного. Я никак не мог предположить, что в двадцать первом веке города обносят рвом с водой (которая ещё не успела замёрзнуть), и чтобы

обойти этот ров, мне пришлось вернуться примерно на половину пути. Я ужасно устал, промок и замёрз.

Второй подвох ждал меня в общежитии гостиничного типа, когда выяснилось, что все номера автоматически бронируются на неделю под олимпиадников. Самих олимпиадников я так и не увидел, зато комендантша неоднократно пыталась заставить меня оформиться в их негосударственный пенсионный фонд. Перспектива ночевать на улице в минус восемнадцать меня не очень прельщала, но и дарить свои жалкие накопления какому-то фонду тоже не очень хотелось. В общем, каждое утро начиналось с процедуры упрашивания вредной бабы дать мне хоть какой-то номер, при условии что если въедут олимпиадники, я растворюсь в воздухе. В принципе, на случай провала был ещё план «Б» - купить билет до ближайшего города, где есть круглосуточный вокзал, и поспать на вокзале.

Общежитие делилось на 2 блока – гостиничный и жилой. В жилом оказалась свободна комната по соседству с уголовником. Правда, меня больше пугал неоспоримый факт наличия в помещении тараканов. Поскольку это, пожалуй, единственная гадость, которую я панически боюсь. Напротив жил мальчик с матерью-пенсионеркой. Учился в местном техникуме, подрабатывал в автомастерской, мечтал переехать с матерью в более приличное жильё. Спрашивал про животных, радовался, как дитя. У его матери какое-то заболевание ног – они не сгибаются, поэтому ходит она с большим трудом. Как-то она спасла соседского кота, когда сосед уехал в отпуск и закрыл его в комнате. Голодное животное истошно орало, а комендантша согласилась открыть дверь только после намёка на то, что труп кота будет вонять на весь этаж. Теперь кот постоянно вьётся вокруг неё и не прекращает гладиться пушистыми ушами об её войлочные тапки.

Миа:

2 декабря 2004 года.

Аарон прислал бумажное письмо. Судя по дате и описанным событиям, оно шло три недели. И, хотя большую часть содержимого я за это время уже услышала от него по телефону, читать было довольно интересно.

Если бы Аарон вздумал писать автобиографию, у него вышла бы мифология. Он совершенно не умеет воспринимать мир как он есть; его глаза устроены

таким образом, что событие, попадая в зрачок, преломляется, разбивается на целую радугу лучей и отпечатывается в памяти в каком-то олитературенном виде. И абсолютно банальная история обрастает невероятными эпитетами, и в ней обнаруживается философский подтекст и даже какая-то взаимосвязь с десятком других историй...

Однажды Аарон привёз мне ключи в универ (я забыла свою связку дома, а дожидаться меня с учёбы и впустить он не мог). Аарон бывал в нашем корпусе считанные разы – мы принципиально избрали разные вузы, поскольку в старших классах между нами возникло какое-то обратное магнитное поле – каждый испытывал острую потребность в личном пространстве. И хотя друзья у нас оставались общими и жили мы по-прежнему в одной квартире, студенческий период стал своеобразной операцией по разъединению сиамских близнецов.

Так вот, Аарон привёз ключи и написал мне, что ждёт внизу. Я нашла его в конце библиотечного коридора, пристально рассматривающим дверь в подсобку. Я спросила, в адеквате ли он. Аарон сказал: «Забавная дверь... подходишь и видишь на ней надпись «к себе». И не сразу, понимаешь, о чём это. Думаешь, потяни за ручку – и из проёма пробьётся неземной свет, и зазвучит божественная музыка, и на тебя снизойдёт озарение... а на деле там маленький тёмный чулан, швабра и ведро с казённым номером». Я предположила, что не у каждого внутри неземной свет и арфы с лебедями. И внутренний мир тоже нуждается в уборке время от времени. Эта мысль его почти ошарашила.

Аарон:

5 декабря 2004 года.

Особенность дрессировки голубей состоит в том, что это не голубь выполняет номер, а номер построен так, что любое движение голубя выглядит как результат дрессировки. В финале обычно Юлиана берёт по голубю в каждую руку и пускает их в зал. Птицы делают круг и летят «домой» - к своей клетке. Дети визжат, все довольны. Кузя и Лысый во время программы стоят за кулисами «на подхвате» - помочь вынести рептилий, подать или убрать реквизит. Я обычно присоединяюсь к ним, когда заканчиваю рассчитывать с

директором площадки и кассиром. Глядя на Юлиану, швыряющую голубей в зал, Кузя довольно резюмирует: «гляди-ка, опять два «страйка»!»

Два раза мне удалось урвать комнату из гостиничного блока. Там всё вполне цивилизованно, евроремонт, мебель приятная, чистая ванная, общая кухня. На кухне со мной познакомилась пара гастролирующих музыкантов – круглосуточно читающий с сигаретой парень и полная дама, вышедшая из душа в халате, чалме из полотенца, и при полном мейк-апе а-ля Клеопатра. Позже они мне звонили несколько раз, хотели встретиться, но наши графики не совпадали, и мы всегда оказывались в разных городах.

Миа:

5 декабря 2004 года.

Санча потащила нас на какой-то бал. Собралась вся их танцевальная студия. Мне не очень уютно в какой-нибудь общности людей, объединённых, например, общей любовью к фантастике. Или к шахматам. Ну, то есть, это вполне закономерное явление – сбиваться в стаи по принципу общих тем для общения. Но мне кажется странным дружить с людьми только потому что они тоже танцуют. Или бегают по утрам. Это всё равно что завести друзей с таким же цветом глаз или ростом, как у тебя.

В таких компаниях я себя ощущаю как будто в мыльном пузыре; как будто между мною и ними какая-то невидимая прослойка, и они тоже это чувствуют. Улыбаются, но чувствуют. Как будто я принадлежу к другому биологическому виду.

Собираясь на этот Санчин бал, я не то чтобы ждала какой-то феерии или надеялась телепортироваться в средневековье... но было какое-то предчувствие, немного грустное, и в то же время – тонкое, звенящее, переливающееся, какое-то ощущение праздника, что ли. А оказавшись в этой разноцветной толпе, я внезапно утратила способность говорить. Что-то схлопнулось внутри, как раковина, и захотелось домой, или даже не домой – просто куда-то, где уютнее. Я рассеянно бродила среди говорящих столбов, улыбаясь и здороваясь с людьми, которые ничего не прибавляли к моей жизни. Впрочем, как и я – к их жизням. Мне хотелось проснуться куда-нибудь в другое место, и чтобы вся эта толпа осталась во сне.

Так, в поисках менее людного места, я забрела на второй этаж. Оттуда в вестибюль прозрачными урывками спускалась музыка, повторяющимися фрагментами, и как будто повисала над некрасивым затоптанным полом. Я поднялась по каменным ступенькам и незаметно стала осматриваться с полутёмной лестничной площадки. Фойе второго этажа служило залом для танцев: видимо, вечерами люди тут не ходили, и можно было танцевать в огромном пространстве, ни на кого не натыкаясь. Правда, музыка из-за этого самого пространства несколько размазывалась, но исходя из количества повторов, они должны были уже знать её наизусть и видеть в кошмарном сне. «Они» - это пара танцоров, мальчик и девочка, не старше двенадцати лет, и мужчина в чёрном, вносивший коррективы и раздражённо что-то объяснявший, преимущественно мальчику. Несчастный мальчик, судя по всему, в гробу видел все эти танцы – его наверняка заставляли ходить на занятия, такой уж у него был вид, как будто всё происходящее для него – сущая пытка. Мне оставалось только посочувствовать ему. Он двигался машинально и совсем не смотрел на девочку, как будто её вовсе не было. В перерывах между дублями мальчик тут же отходил от поля боевых действий и размахивал руками, запрокинув голову, или пинал какой-то воображаемый мяч, или с тоской смотрел на часы. Тирады тренера он тоже слушал с несчастно-скучающим лицом. Девочка была грустной. Она двигалась по большей части только в танце, а когда наступал перерыв – рассматривала свою туфлю или задумчиво отрабатывала какое-нибудь движение. Как будто закрывалась музыкальная шкатулка, и пружина, заставляющая её фигурку кружиться, замирала. Её глаза постоянно смотрели вниз или даже внутрь, как будто она спала. Её движения были лёгкими и отточенными. Её, как мне показалось, мучили не сами танцы, а необходимость танцевать с бревном. Но она стойчески молчала, не меняя спокойного выражения лица, и в сотый раз повторяла один и тот же фрагмент. Тренер ходил от магнитофона к паре, щёлкая кнопкой, созерцая их усталыми глазами и прижав скульптурные пальцы к губам. Время от времени он прерывал танец и снова что-то объяснял мальчику, жестикулируя и показывая.

Я до ломки хотела танцевать. По дороге в Катманду, я замирала, проходя мимо танцевальной школы, и как бы случайно заглядывала в окна. Я чувствовала, что должна быть там, внутри. Что это – какая-то параллельная жизнь, которую я не прожила, но должна была. Часто, во время приготовления завтрака, я непроизвольно встаю на носочки или кружусь по пути от стола к плите. Это происходит само собой, как будто у меня внутри

включается музыка, как будто я – такая же балерина из музыкальной шкатулки. Когда я слушаю музыку, которая мне нравится – я слышу её всем телом. Я не знаю, как это объяснить, но я слушаю её не ушами, а именно всем телом. Она пробегает до кончиков пальцев и струится, переливаясь и искрясь.

Механический мальчик доконал тренера; он жестом велел ученику отойти в сторону и занял его место, продолжая объяснять и показывая уже «от первого лица» - как надо двигаться и какими ногами куда наступать. Его явно раздражало, что несчастный ребёнок не может управиться со своими конечностями, как будто их пятьдесят. Грустная девочка выпрямилась в струну, чтобы казаться выше, и стала неотразимо стремительной, точёной, торжественной, как будто только сейчас её вывели из сонного режима «автопилот». Она подняла подбородок, и на пару секунд я увидела, какие синие у неё глаза. Чёрный манжет контрастировал на гипсовом платье. Удивительно музыкальные руки обхватывали воплощение музыки. Они были сделаны из одной глины, даже не из глины – из какого-то космического материала, который сам по себе и был музыкой.

Я стояла в тёмном невидимом углу, за кадром этой сцены, и мечтала вернуться в прошлое. Только – в параллельное прошлое, где у меня есть пуанты и расписание тренировок приколото над столом. Где у меня комната с плюшевыми медведями и переливчатыми, как бабочки, платьями. Где одна из стен непременно обклеена любимыми вырезками из газет и увешана медалями и плакатами. Где я прилежно делаю уроки в аккуратных тетрадках и бегу в класс с развевающимся тюлем и гладкими станками, где холодно, и пальцы мёрзнут, и по лопаткам бегают мурашки, и за окнами осень и запах мокрых опавших листьев и льда. А потом я люблюсь своим отражением, распадающимся в зеркальных стенах на десяток изящных копий...

Я смотрела на танцующую пару, которая теперь летела по залу, и не дышала. Я не могла оторвать взгляда от фарфоровой девочки – я как будто провалилась в неё. Я хотела, чтобы у меня были такие же лунно-бледные керамические лодыжки. И хрупкая косточка пересекала декольте по горизонтали. И волосы редкими прядями выбивались из тугой причёски. И была такая же неотразимая линия шеи, такой же молочный округлый позвонок, который хочется потрогать подушечкой пальца. Я смотрела на неё и хотела украсть её тело. Вселиться в неё и лететь по огромному залу, нарушая законы гравитации.

Эпизод с демонстрацией, «как надо», длился не больше минуты. Но время перестало существовать. И я поняла, что эта минута уже насовсем въелась в мою память и никогда не покинет мой внутренний архив. Этот запах штукатурки, этот гул из вестибюля, эта музыка, запутавшаяся в самой себе из-за слишком большого пространства... и монохромная пара, танцующая с непередаваемой лёгкостью, и чёрные панорамные окна с гирляндой мерцающего города на горизонте, и огромные, пушистые хлопья медленно и беззвучно опускающегося снега за подмёрзшим стеклом.

Миа:

6 декабря 2004 года.

Я люблю тяжёлую, вязкую, многослойную музыку. Тяжёлую не в том смысле, что там укуренный барабанщик и солист, которого выперли с первого курса музыкального училища, и теперь он мстит системе пением мимо нот. Тяжёлую – в смысле, сложную, многоплановую, объёмную, чтобы в ней ощущалось пространство. Музыка приводит меня в какой-то первобытный, совершенно магический транс.

Всё началось много лет назад, с того лёгкого, хрусткого щелчка от надавленной рифлёной кнопки «play», когда я вынырнула в мокро-чёрное, лоснящееся, с жёлтыми расплзающимися пятнами света, ноябрьское утро. В своих первых наушниках. Мне было тринадцать, и я вышла в школу пораньше, чтобы послушать новенький, первый в моей жизни кассетный плеер, занимавший весь карман. Нет, я всегда была меломаном – чего только стоят наши с Баксом чемоданные истории. Просто до того момента мне доводилось слышать только плоский, с каким-то сероватым налётом, звук из простенького магнитофона. А это были настоящие стерео наушники, с сочным потоком разнообразных звуковых волн – мягких, маслянистых, ледяных, искрящихся, скользких, жёстких, почти прозрачных... я до сих пор помню, как это стереофоническое цунами проломило моё сердце, заполнило всю улицу, и понесло меня куда-то мимо школы – в медленно редющую темноту. Когда закончилась первая композиция, я оказалась посреди пустыни. Это были наши каньоны, песчаные кратеры на километры вокруг, прикрытые сверху заботливым густым небом с уже подтаявшими звёздами. Это было похоже на выход в открытый космос; в утренней темноте кратеры напоминали поверхность луны, а огромная площадь пустого пространства, без домов,

автомобилей, людей и растительности, дополняла декорации. И мне хотелось вдохнуть этот мир, и чтобы потом не было больше ничего.

Музыка, как кровь мира, была во всём вокруг – в деревьях, в ветре, в пролетающих птицах. И в слоёный утренний воздух откуда-то проник вязкий, сладковатый дым костра. И смешался с запахом льда и прелой травы, и превратился в почти осязаемый коктейль, в терпкий осенний хлороформ. А затем эту влажную, иссиня-чёрную тишину рассекла скрипка, будто наточенными полозьями или горькими упругими ветками с травянистого цвета жёсткими почками. И откуда-то из центра Вселенной медленно растёкся тёмный, можжевеловый орган, с вишнёвыми сочными переливами, густыми массивными волнами. И всё это обволокло меня, пустыню, утренний город... и с того момента за все эти минувшие годы я по пальцам одной руки могу пересчитать, сколько раз, покидая дом в одиночестве, я не брала с собой плеер. Музыка стала моей зависимостью. Я превратилась в рыбу, которая жадно хватает воздух высохшим ртом, едва её извлекают из звуковых волн.

Я люблю слушать музыку на ходу. Пешком, в трамвае или автобусе, в поезде или метро – это не важно. Я люблю холодный, массивный вокал, метаморфозы интонаций, фактурный звук, где в каждой ноте спрессована история. Я люблю слушать на пределе громкости, чтобы в мире не оставалось ничего, кроме музыки. Чтобы улавливать малейшие нюансы, скрытые фонетические рисунки.

Я влюбляюсь в музыку в прямом смысле этого слова. Стоит мне наткнуться на какую-нибудь песню, которая сумела меня зацепить – и сначала я цепенею и ловлю каждый звук, радуясь чудесной находке (а чудесные находки случаются в лучшем случае раз в пару лет, а то и реже; пресыщенность – ужасная вещь). Потом проигрываю её ещё раз. И ещё. И ещё. А потом копирую сокровище в плеер и иду гулять. Никуда. Просто вперёд. У меня учащается пульс и наступает какое-то эйфорическое состояние. И мир вокруг раскрывается, обретая новые оттенки. Мне не хватает воздуха. И я гуляю часами, пока ноги не начнут подкашиваться или пока не сядет батарейка – ровно настолько, чтобы на последнем её издыхании добраться до дома, как будто это кислородный баллон, и я задохнусь, если зелёная лампочка погаснет в квартале от пункта назначения.

Я перестаю есть, я ищу всё, что поёт эта группа, и впадаю в экстаз, обнаружив ещё пару-тройку самородков. Я придумываю себе какие-то дела – сходить в

магазин, в банк, куда-то ещё – лишь бы остаться наедине с объектом своей страсти. Мне тесно в четырёх стенах, я хочу лететь в открытом космосе, где нет ничего, кроме звука.

В прошлом году мне посчастливилось откопать очередную группу, сумевшую синтезировать латынь, металл, орган, гроул, сопрано, Моцарта, средневековые, инопланетян, древний Египет, скандинавскую мифологию и ещё целый ряд компонентов. Весь свой обеденный перерыв на работе я тратила на прогулки в наушниках. Я выпивала чашку кофе залпом, иногда закусывая бутербродом, и летела на улицу, как на свидание.

Наверное, среди моих предков встречались гармонiuмы.

Я как-то давала Аарону послушать пару трэков, но он сказал «выключи, под это хочется пойти вены шинковать».

Мне совсем не хочется «шинковать вены» под германоязычную жесть или симфоготику. Я не ощущаю ни агрессии, ни подавленности, ни депрессии в этой музыке. Я, наверное, совпадаю с ней по частоте. Когда давление изнутри выше, чем снаружи, велик риск получить взрыв черепной коробки. От таких состояний есть чудесное снадобье – хорошие наушники и симфонический девятый вал, который вышибает тебя из тела и делает частью себя. И ты больше не идёшь – ты звучишь.

Я подумала, что не знаю, какую музыку любит Аарон. И не только я; мне довелось быть свидетелем диалога Майки и Тыквы перед витриной с CD-дисками накануне Нового Года:

- А что слушает Миин брат?

- Чёрт его знает... музыку сфер он слушает...

Наши с Баксом музыкальные пристрастия были очень близки, а в детстве мы вообще слушали одно и то же. Но Аарон никогда не говорил о том, что нравится ему. Возможно, просто не предоставлялось такой возможности... но в любом случае, для меня сие обстоятельство стало открытием.

К слову о наших с Баксом пристрастиях. Не так давно мы ехали с ним в машине, и в его плей-листе попала "Sealed with a kiss" Джейсона Донована; эта композиция - своеобразный плюшевый медведь в кладовке моей памяти. Я впервые услышала её в шесть лет, на занятиях по шейпингу в детском саду (да, этот детский сад имел несколько нестандартный подход к формированию воспитательных программ). Я не знаю, чем именно, но она меня заворожала. в

ней было то-то неосязаемое, что-то очень тонкое, ностальгическое. Во второй раз я услышала её спустя лет десять. А спустя ещё пару лет мне удалось выловить её, как рыбку, из радиоволн нашего приёмника и поместить с свою коллекцию, чтобы уже возвращаться к ней в любой момент времени. Я сказала Баксу:

- У меня эта штука всегда вызывала какие-то странные эмоции. Я её очень долго искала, кстати. сложно что-то найти, когда не знаешь ни имени исполнителя, ни названия композиции.
- Я тоже её долго искал. Вообще, это какая-то странная песня - её много кто искал долго и мучительно, не зная ни автора, ни названия. Я однажды после концерта с толпой каких-то чуваков пошёл гулять, и уже под утро мы жгли костёр на берегу и включали друг другу с телефона разные песни. И когда заиграла эта, один из чуваков прямо кинулся ко мне: “кто это?!”. Оказалось, что и он когда-то её услышал, и она запала прямо в душу, и не выходила из головы много лет.

Потом мы долго ехали молча, и мне вспомнился ещё один эпизод про Бакса, меня и музыку. Это было давно, когда впервые пострадало сердце Бакса, и он едва держался, разрываемый чувством несправедливости, беспомощности и отчаянием. Аарон на тот момент уже несколько дней пребывал в Катманду, куда и велел мне привезти брата, потому что больше ничего полезного мы для него сделать не могли. «Видишь ли, - сказал тогда Аарон в трубку каким-то почти хирургическим голосом, - ему сейчас никто и ничто не может помочь. Лучшее, что я могу предложить – это втянуть его в наш табор. Это не поможет и ничего не изменит, но на какое-то время отвлечёт. А потом он снова научится дышать».

И поздно вечером мы с Баксом сели в пустой автобус, промёрзнув на остановке до костей. Мы проехали каньоны, мост через реку, ещё несколько остановок. А я всё не могла подобрать нужных слов. Что можно сказать человеку, которому грудную клетку прострелили из базуки? «Всё наладится»? «Не принимай близко к сердцу»?

И тогда я молча достала свои наушники и отдала Баксу. Он взял их, и мы ехали так до самого Катманду – не говоря ни слова, я просто переключала на те трэки, которые, как мне казалось, он сейчас хотел бы услышать. А у него иногда менялось выражение лица. Совсем чуть-чуть, почти незаметно.

Аарон:

6 декабря 2004 года.

Коммерческая политика цирка устроена весьма хитро: официально это звучит как пятьдесят на пятьдесят. То есть, половину валового заработка забирает труппа, половину – администратор. Де-факто оказывается, что оплата аренды ДК (в среднем от пятнадцати до двадцати процентов вала) высчитывается только из доли администратора. Три процента кассиру – тоже. Минус ещё расходы на жильё, еду, проезд и прочее – в итоге от «половины» у меня осталась совершенно смешная сумма.

В пятницу мне позвонила Эмма, в панике и слезах, сообщила, что её выселили, и на выходных негде жить, а в случаях, когда не удаётся собрать достаточное количество зрителей, цирку надобно отдать минималку. Само собой, в первую очередь происходит расчёт с ДК и кассиром. Если потом остаётся меньше минималки, то администратор оказывается в долгах перед цирком. Добрый Серж занимает какие-то копейки, и бабы едут в следующий город отрабатывать долг во что бы то ни стало. Одна из администраторов, как оказалось, живёт в подвале ДК. Дома её ждёт полуторагодовалый ребёнок, и долг цирку уже составил приличную сумму. Я выбил Эмме койкоместо в своей комнате и объяснил, как добраться до этого колхоза. Эмма приволоклась и с ходу стала жаловаться на кучу нестиранных шмоток по причине отсутствия бельевой верёвки. Я провёл мастер-класс по созданию верёвки из скотча. По ходу мероприятия решил написать книгу «Что делать, если завтра – бал, а ты – на необитаемом острове». Приложением к книге будет брошюрка «1000 полезных вещей из картона и скотча». На написание сего шедевра меня вдохновила сестра; собрать космолёт из подручных материалов - это по её части.

Успокоил Эмму; объяснил, что поскольку мы не подписывали никаких договоров, в экстренном случае можно легко сесть в поезд, и никто никому ничего не должен. Зависимость – вещь добровольная, на самом деле. Оказалось, у Эммы был номер администратора Жанны, у той – ещё чей-то (хотя, Серж старался свести контакты между администраторами к минимуму), таким образом выяснилось, что без долгов только я и та самая Жанна. Остальные поддавались уговорам, занимали деньги, следующий город оказывался ещё хуже, долги росли, в итоге Серж методом займа терял в

общей сложности мелочь, зато получал безотказного и бесплатного трудоголика.

Арон:

8 декабря 2004 года.

Однажды по дороге в школу мы срезали путь, и проходя по двору, я услышал скрипку из окна. В моём воображении тут же возникла солнечная гостиная и мальчик в накрахмаленной рубашке, с тонкими пальцами и аристократическими жестами. Мальчик с совершенно другой жизнью. Позднее я часто думал, кем бы я хотел стать больше всего на свете. Наверное, у каждого человека есть потайной персонаж, которым он мечтает стать. Моим потайным персонажем был накрахмаленный мальчик из светлой гостиной. Мальчик с аккуратной причёсанной жизнью, с разложенными по полочкам событиями, с неоспоримо правильными решениями и чётко очерченной биографией. Когда я воображал себя таким, мне становилось тихо и спокойно. Что может быть лучше? Я действительно не испытывал жгучего желания стать Рокфеллером, например. Или каким-нибудь красавцем с Бродвея. Или героем из Формулы-1. Но стоило мне вообразить себя в шкуре (нет, в премиальной коже) этого бледного аристократичного скрипача – и у меня щемило сердце.

Я представлял его бытность – накрахмаленную, рафинированную, отрепетированную сотни раз и сыгранную без запинки. Я ясно видел его окружение, всех, кто ему сопутствовал. Нет, я не любил их и мне было не близко то, чем он жил. Но несмотря на это, я маниакально желал быть им. Наверное, именно потому, что эта жизнь ничего не будила во мне – никаких переживаний, никаких вспышек эмоций. В ней царил шёлковый штиль, непоколебимое равновесие, абсолютная правильность и невозмутимость. Мой потайной персонаж был неспособен на глубокие душевные переживания – он оттачивал мастерство, не вникая в душу музыки, которую воспроизводил с точностью высококачественного проигрывателя.

Аарон:

10 декабря 2004 года

Дохлае выступление с трудом покрыло расходы, и даже чуть-чуть осталось сверху. Как раз на следующий город. Жанна орала в трубку, что влипла в долги и что после завтрашнего выступления уволится и уедет. Решительность Жанны внушала уважение. А ещё через день Жанна позвонила из автобуса, везущего её в очередной колхоз: «ну я не знаю, как так вышло, он меня уговорил как-то...»

Аарон:

12 декабря 2004 года

Я очень остро нуждался в людях первые пару недель. А потом понял, что больше никогда не буду испытывать необходимость в чём-то присутствии рядом. Видимо, какой-то ресурс был исчерпан; опция отключена за ненадобностью. Поэтому моя добровольная ссылка на край света с непонятной целью совсем не кажется мне ужасной. В целом, мне вполне комфортно. Если бы ещё не все эти заморочки с поисками жилья и отсутствие нормальной еды (серьёзно, я тут как на северном полюсе – готовить не на чем, поэтому кормиться приходится только тем, что продаётся в уже готовом виде в местных магазинчиках)...

Недавно к труппе присоединился ещё один клоун со сценическим именем Дени (реального имени я не запомнил), маленького роста и неопределённого возраста. Он по каким-то причинам отбилсЯ от другой труппы и примкнул к нам. В отличие от всех наших самоучек и недоартистов из труппы, этот маленький невзрачный персонажик, как оказалось, обладает серьёзным опытом работы и умеет делать действительно сложные трюки. Он показывал мне записи своих выступлений, когда труппа в очередной раз удалилась что-то там праздновать.

Его отец был клоуном, и Дени в прямом смысле слова жил в цирке. Вот уж кому обзавидовалась бы Миа; это она всю жизнь бредила какими-то таборами и цирками. Мне даже пару раз подумалось, что я позаимствовал её мечту, непонятно зачем.

Раз в сезон труппа меняла город, и Дени оказывался в новой школе, среди новых людей. С детсадовских лет он участвовал в представлениях, сначала ассистируя, потом – ставя уже свои номера. Он легко запрыгивал на полутораметровый будерброд из цилиндров, которые и без него на вершине

этой конструкции с трудом удерживались от падения. Он знал наизусть номера классиков жанра, он с закрытыми глазами мог проделывать трюки, о которых Серж и на пике своей карьеры даже мечтать не мог.

Я смотрел на него, и мне становилось ещё паршивее от одиночества, потому что он был несчастен до мозга костей, ещё более несчастен, чем я. Потому что для меня все эти путешествия по тараканникам и полуразбитым ДК когда-нибудь закончатся и станут лишь эпизодом долгой и разнообразной жизни, а он – как тележка на рельсах, как маленький грустный паровозик, который уже никогда не изменит своей траектории, до самого списания на склад металлолома.

Итак, дорогая редакция, я сижу посреди своей тоски, рядом с грустным клоуном, и смотрю позапрошлогодние видеозаписи цирковых представлений. За бортом такой мороз, что кажется, в окно вот-вот просунет морду полярный медведь. Мы едим какие-то консервы, которые я уже давно перестал различать на вкус – это просто питательная биомасса, которая не даёт мне умереть с голоду.

Я научился стирать под краном, мыться в холодной воде в промёрзшем помещении, варить суп при помощи одной банки и обычного кипятильника; я научился спать в свитере и джинсах под двумя одеялами, я научился жить в вакууме – без книг, интернета, радио, телевидения – один в комнате, как в одиночной камере, и знаете что? Мне совсем не скучно с самим собой. Не такой уж я нудный, как оказалось. Я научился растягивать минимум денег на максимум времени. Я научился спать со включенным светом (потому как выбор у меня не велик – либо спишь с зажжённым светом, либо мучаешься от бессонницы, гадая, из какого угла вылезут тараканы в ночи). Я научился возить с собой оптимальное количество вещей, потому что таскать весь свой скарб, как улитка, на собственном хребте, это не самое приятное развлечение. В общем, это был полезный фрагмент моих приключений. Я ещё не знаю, как именно мне это пригодится, но ощущение не напрасно потраченного времени закрепилось в моём сознании.

И – да, когда больше приходится думать о выживании, это действительно способствует исцелению от страданий. Как там писал классик... «придётся выехать с дачи за врачебной помощью – и тебе будет не до любви». Примерно так.

Аарон:

20 декабря 2004 года.

Проехав ещё ряд городов, я как-то постепенно начал улавливать закономерности и смотреть на перспективы трезвее. Ночью вышел из поезда в Сан-Донато. Это географическое название прежде встречалось мне только на железной банке с кофейным напитком, и ассоциировалось с каким-то курортным местечком. Дамы и господа, производители напитка обладали немалым чувством юмора. Поскольку назвать продукт в честь этого населённого пункта можно было только ради шутки. Ночью в Сан-Донато не работает абсолютно ничего. Проторчав в подобии зала ожидания пару часов, я дождался своего поезда. Поскольку ничего съестного купить не удалось, сунулся к проводникам за печеньем и лимонадом. Мне протянули бутылку газировки... с клоунами на этикетке.

Я прибыл ранним утром, но не испытал радости от знакомства с новым городом. На каждом столбе красовались афиши цирков, апатичные сотрудники школ посодействовали в анонсе программы лишь ради приличия: никогда не забуду учительницу географии, липким голосом вещавшую на весь класс «ааабизьяааана, папугаааааи, кракадиииилы». За этой интонацией явно крылись годы торговли чебуреками.

А между тем, наступили серьёзные морозы. Скотч при расклейке афиш лопался, клей замерзал. Окно в комнате общежития состояло из трёх фрагментов стекла, склеенных пластырем и, само собой, со свистом пропускало ветер. Я был единственным человеком в общежитии, посещавшим душ: специально для меня с двери снимали амбарный замок. В душевой изо рта шёл пар, а из труб – еле тёплая вода.

Труппа приехала на 2 дня раньше, и выходные я провёл, активно присматриваясь к перспективам. Серж время от времени пролистывал свежие анкеты администраторов, пошли слухи о финансовых махинациях. Кузя и Лысый за сигареткой в полголоса обсуждали возможность увольнения. Поскольку труппа по выходным изрядно налегала на алкоголь, информацию даже не приходилось вытягивать. Во время расклейки афиш я отзванивался остальным администраторам и пересказывал реальные сведения об их «клёвых площадках». Словом, в день выступления мизерное количество зрителей меня не удивило. Нездоровый блеск в очах Сержа явно предвещал разговор на тему «а давай я тебе займу денег, а ты со следующей площадки

вернёшь». Однако на тот момент у меня уже был план «Б», гостиница проплачена до утра, и в номере ожидал собранный рюкзак. Я устал от этого цирка.

Миа:

20 декабря 2004 года.

Аарон позвонил и сообщил дату прибытия. Кажется, его Крокодилиада подошла к финалу.

Аарон:

22 декабря 2004 года.

По зимнему тарифу верхние купейные полки стоят столько же, сколько и плацкарт. Поэтому весь вагон так и ехал – по два предприимчивых пассажира в каждом купе. Первый день я провёл в гордом одиночестве, не переставая улыбаться. Потому что какой-то сложный, но важный период остался позади. Я ехал обратно, я мог спать до обеда, а потом ещё весь день и всю ночь. Причём, в тёплом одеяле и на чистом белье, пахнущем прачечной. Вот уж никогда не думал, что плацкарт однажды вызовет у меня такой восторг. Утром в купе вошёл студентик с мешком еды, представился и сразу же продемонстрировал разодранную руку: «вот, с котом поиграл». Я сказал, что он молодец.

Миа:

24 декабря 2004 года.

Иногда мне кажется, что где-то внутри себя я продолжаю стоять в середине несуществующего пространства, в каком-то невидимом мире, и этот момент длится, длится и длится, потому что времени больше нет. Вот только вернуться в себя я больше не могу. Это как стоять на месте, где когда-то был дом и сад, а теперь магистраль и никаких следов. Вроде бы ты здесь, на этом самом месте. Но место уже в необратимом прошлом, в каком-то *past impossible*. Как будто я шла домой, размахивая ранцем, и уже приготовилась к

ежедневному “мам, я пришла”, но произошёл какой-то сбой в системе, и вместо порога и двери оказалась ледяная пустыня.

Кажется, в меня вселился Аарон с его вечной рефлексией, пора бы ему позвонить. Возможно, звонок уже начался, и мы оба это знаем, осталось только поднять трубку и включить голос, как это делают все нормальные двуногие.

Аарон:

24 декабря 2004 года.

Возвращаясь домой под Новый Год, ещё не можешь оттаять и заговорить с теми, кто тебя ждал; слова ещё звенят и трескаются от перепада температуры. И переходишь на более приемлемый формат диалога – сидеть на чердаке, перебирая артефакты рода и делаясь ностальгическими мыслями скорее с домом вообще, чем с его обитателями.

Чердак – память дома. Здесь хранят то, что уже не используют, но не могут выбросить – а значит, забыть.

Зашёл осмотреться – и вот уже находишь пыльные книги, керосиновую лампу, цветные карандаши, куклу без руки, открытку с кривыми буквами и неизвестным отправителем, сдутый футбольный мяч, связку газет, дешёвую репродукцию «Джоконды»...

Находишь июль десятилетней давности, ощущение сбитых коленей, школьную любовь, голоса из окон, письма изниоткуда, надежды на великое будущее, сны, залитые светом и щебетом, сладкую усталость и прохладную траву в ночном дворе.

Прошное пахнет нафталином, пылью, слежавшейся кожаной курткой, сырыми досками, бензином, тонкой бежевой эскизной бумагой, грустью, щемящей необратимостью. Прикасаешься к вещи – и в памяти запускается маленький видеоролик.

Находишь свалявшегося медведя, какие-то мешки, крошечное платьице (неужели оно когда-то налезало на живого человека, пусть и маленького?), сухие краски, коробку с ёлочными игрушками... вот – ватные древние коты, вот сосновая шишка бронзового цвета, и переливающиеся шары, и звезда с

макушки... а эта была моей любимой, а эту уронили, и вот тут откололся кусочек, но выбросить было жалко... а это – чудесный попугай... а это что за хрень? Какая-то аморфная штука непонятной расцветки. Мишура, потерявшая товарный вид, скомканный «дождик», гирлянды, которые разматывали всей родословной, демонстрируя словарный запас, потому что размотать такие узлы в одиночку просто невозможно...

И все блестящие фрагменты прошлых праздников раскладываются вокруг, рассматриваются, затем так же бережно складываются в коробку – и коты, и мишура, и шары, и шишки, и «это что за хрень», и даже спутанная гирлянда...

Я нашёл более-менее чистый лист в стопке каких-то тетрадей и взял авторучку (которую пришлось долго расписывать на картонке, прежде чем застоявшиеся чернила вернулись к жизни). Я почувствовал непреодолимое желание написать Войцеху. Почему именно ему – я не знаю. Мне хотелось написать книгу, но на книгу мои заметки ещё не тянули. И ещё почему-то мне показалось, что только он сможет услышать меня.

Я писал: «Здравствуйте, Войцех. Я не могу объяснить, почему мне захотелось написать именно Вам. Возможно, потому что сейчас все люди одинаково далеки от меня. Возможно, потому что тогда, в темноте и безысходности, только Вы рассмотрели меня в свете не фонаря, но чего-то иного, и приняли, не пытаясь переделать или переубедить. Ваш путь существенно длиннее моего, и Ваши решения существенно важнее моих. Мне кажется, Вы могли бы дать мне ценный совет. Или, по крайней мере, счесть меня идиотом, и тогда я успокоился бы, приняв то, что я – идиот, и моя сестра права. У меня в голове постоянно какой-то шум. Как будто радио, одновременно принимающее десятки станций, но неспособное их разделить на отдельные потоки. Я слышу одновременно всё. Я так хочу сосредоточиться, но не могу. Я не могу проснуться, я постоянно в каком-то полусне.

Я не говорил Вам, но я пишу роман. Точнее, пытаюсь написать. Но у меня не выходит. По какой-то странной причине. Когда я только начинал, у меня в воображении был сюжет и целый модельный ряд героев. Но со временем они стали слипаться, как если бы я нарезал их из теста и сложил в одну миску – в какой-то момент я обнаружил, что они стали одним цельным комом. Я писал об одном персонаже, и понимал, что вот тут нарушил какую-то грань между ним и другим героем. Вот он говорит голосом третьего и почему-то к нему липнет история четвёртого. Я долго старался выгresti из этого болота, пока

не понял, что все мои герои стали сообщающимися сосудами, и я больше не могу их различить.

Всё вокруг постоянно смешивается и перемещается, и поэтому я не могу сфокусироваться. Я слышал одновременно два текста, потом три, я с трудом улавливал, к кому же относится тот или иной фрагмент. Я записывал синхронно несколько сюжетных линий и не мог заставить голос внутри диктовать хоть немного помедленнее или поочерёдно.

Я запутался в собственном тексте, в собственном сюжете. Всё размазалось и смешалось, и местами даже вылезло в реальный мир, как будто дрожжей оказалось многовато или ёмкость слишком мала. К тому же, если книга не тронула ни одного читателя, она не имеет права на существование».

Я писал ему о своей поездке, о том, что не могу взять себя в руки, что я распался на детали, как механизм. Что я устал и не знаю, что мне делать дальше. Нет, у меня есть этот казённый план – вернуться в институт и закончить учёбу, получить диплом, устроиться на работу и встать на конвейер среднестатистических людей. Но я не верю в то, что мы рождаемся для этого. Иначе нас бы делали бесчувственными болванами, находящими радость лишь в том, что всё идёт по плану.

Я спрашивал Войцеха, как он нашёл своё призвание. Почему он выбрал этот путь, что заставило его. Не то чтобы меня пугала или удивляла его деятельность (точнее, его образ жизни), но мне было интересно, как произошёл этот выбор.

Я смотрел на людей вокруг и старался понять, чем они наполнены. Что ими движет. Что они ценят превыше всего. Без чего не могут жить. Да, я знаю, что нет универсального алгоритма, что у каждого – своё предназначение.

Но я так устал. У меня нет сил даже на то, чтобы сосредоточиться. Как будто батарейки сели, и я ушёл в режим сна, лишь изредка мигает какая-то лампочка, но никто этого не видит.

Аарон:

4 января 2005 года.

Чтобы открыть дверь, нужно дойти до ручки. Ты отправила меня в вип-тур «всё включено» по девяти кругам меня самого и привела не к заветной двери,

а к началу нового пути, потому что каждая дверь есть начало нового пути. Теперь у меня достаточно ключей, чтобы открыть любую дверь.

Когда я тебя утратил, я был астронавтом. Астронавтом, которого отнесло взрывной волной от родного корабля, от родной планеты, и он просто висит в абсолютной тишине, в неизвестной части нескончаемого, беспросветного космоса.

И в тот момент, когда я тебя отпустил, наши пути сошлись.

Я вышел из дома и снова пошёл на рельсы. Я часто приходил и сидел там в тишине. Не для того, чтобы вспоминать. Просто сидел. Однажды мы гуляли по ним, и я сказал: «Интересно, что тут будет лет через двадцать? Надо будет прийти посмотреть». Ты ответила: «Через двадцать лет ты меня уже, скорее всего, не вспомнишь».

Я шёл в сторону реки, и увидел на рельсах тебя. Ты сидела на том месте, где осенью мы закопали ключи. Я подумал: они дали всходы, и ты пришла собрать урожай.

Мы никогда раньше не встречались случайно, хотя наши дома стояли не так уже далеко друг от друга. Это странно, но факт. Практически на всех своих знакомых я как минимум однажды натыкался неожиданно, но с тобой такого не было, мы действительно ни разу не встретились внезапно и незапланированно на своём пяточке. Видимо, наши траектории пересекались, как орбиты планет – раз в тысячу лет.

Я сел рядом. Мне было спокойно. Ты сказала:

- Помнишь ту собаку, которая не давала нам уйти отсюда?

- Да.

- Я думаю, это был ангел.

Мы долго молчали. Потом я достал из кармана раскладной нож и стал копать рыхлый снег, сухую твёрдую землю. Я подумал: ну вот, зиму прокопал, добрался до осени. Ещё час мучений – и покажется Троя. Я копал долго и молча, пока нож не наткнулся на металл.

Мы возвращались домой.

Миа:

3 марта 2005 года.

Когда идиотизм происходящего приближается к критической отметке, у меня в голове загорается индикатор «Внимание! Сейчас будет атомный взрыв!». Лучшее, что можно сделать в этом случае – отключить логику, адекватность, вообще выключить все системы и воспринимать происходящее как сюрреалистическое полотно. Это такая картина. И её автор имеет право на своё законное «я художник – я так вижу».

Аарон:

3 марта 2005 года.

Однажды мы засыпали в детской, а родители в гостиной показывали кому-то семейный альбом, и я услышал, как чужой восторженный голос сказал: «Посмотрите на них, они как две половины чего-то, они так похожи, но совсем разные, как белое и чёрное, день и ночь: Аарон как будто в тени, а Миа просто светится». Я стал мысленно вглядываться в нас с Мией, в наши лица, в наши силуэты в одинаковых рубашках. Но вот что я видел: всё было совсем наоборот. Да, Миа всегда улыбалась и кокетничала с пелёнок, а я избегал людей и жил в самом себе, не испытывая необходимости в проявлении эмоций. Но это я всегда был пронизан светом. Даже в самые отчаянные моменты своей жизни я не мог себе вообразить, что где-то есть конец всему. Я жил светом и был им сам, в то время как Миа была соткана из тьмы. И я страдал, потому что любые трансформации болезненны, любой рост предполагает разрушение старого и приход нового. Миа не страдала, потому что пребывала в гармонии со своей тьмой. Она не понимала, почему должна страдать: даже когда кто-то смотрел на неё с ужасом и восклицал: «Но так же нельзя!» - она с искренним изумлением спрашивала «Почему?».

Говоря «тьма», я не подразумеваю «зло». Ведь речь не о добре и зле, речь о материале, глине, из которой мы созданы.

Пока я брёл в сыром Лабиринте, замирая и седея, сдерживая дыхание и приглушая удары сердца, чтобы выследить своего Минотавра и убить благородным мечом, потому что этим жутким мутантам не место в моём мире, Минотавр Мии приносил ей кофе по утрам в фарфоровой чашечке с

цветочком. И ей не был нужен меч. Когда я жаждал этой встречи в сердцевине Лабиринта, как первооткрыватель на диких землях, когда я трепетал от предчувствия этого знаменательного события, этой минуты прозрения, Миа добавляла всё новых Минотавров в свою коллекцию, как зверушек, коим место в её коробке с игрушками. Я был рыцарем и лез в самое пекло во имя знамени и прекрасной дамы. Я видел романтическое сияние лезвий и почитал за честь пролить кровь за правое дело, и чаще всего потом бродил по выжженному месту эпохального сражения, среди мёртвых соратников и врагов, которых нам удалось одолеть, среди обломков прежней жизни и пепла, израненный, без сил и слов. Миа была неуязвимой за стеной из своих Минотавров, как Клеопатра, избравшая своего врага своим защитником. Ей не был нужен меч. Она не намеревалась воевать. Она была дома.

Когда безумие обрушивалось на меня – я был крошечной лодкой в штормующем океане, и моя задача состояла лишь в том, чтобы выжить, не разбиться и не пойти ко дну. Я вдыхал воздух, каждый раз – как будто это последний глоток. Я вспоминал многочисленных морских тварей из мифов, и мне казалось, они смотрят на меня из-под нефритовой плиты океана. Я вспоминал всех богов и судорожно цеплялся за дорогие мне воспоминания, как будто это могло спасти меня. Меня выбрасывало на какой-нибудь необитаемый берег, разбитого, без сознания, обмотанного тиной и водорослями. Когда же безумие подступало к Мие – она переставала шевелиться. Она погружалась в него и позволяла ему заполнить себя, как диковинный фужер, и когда её лопатки касались дна, а над ней кружились разноцветные рыбки, откуда-то из глубины мира звучал её же собственный голос: «Это происходит. Со мной. Сейчас». И безумие отступало, оставляя её на том же самом месте, с лёгким головокружением, как ребёнка после крепкого сна и резкого пробуждения.

Миа:

18 апреля 2005 года.

Мне всё меньше хочется контактировать с людьми. Я перемещаюсь в пространстве, наблюдаю за ними, но не испытываю ни малейшего желания примыкать к их стае.

Я надеваю наушники – и всё вокруг синхронизируется, всё превращается в звук, во взаимосвязанную систему, в гармоничную структуру. И я плыву по

звуковым волнам, и вписываюсь в нужные повороты, и в нужный момент проскакиваю мимо закрывающейся двери или падающего цветочного горшка. Это такой долгий и сложный танец. И капли дождя врезаются в асфальт в такт, и собака пробегает, двигая лапами в ритме ударных, и ветер входит в резонанс с терминвоксом, меняя направление и интенсивность.

А люди вокруг разбросаны – по одному, по двое, группами, толпами. Они обращены друг к другу, они раскрывают рты, но я не слышу их речи – у меня в ушах сиреневым фонтаном распадается на флуоресцентные ошмётки симфонический оркестр вперемешку с раскалённым металлом и сливочно-смолянистым грегорианским хором. И я улыбаюсь, потому что прохожие – тоже рыбы, даже не подозревающие о том, что плывут в волнах музыки из моего плеера. Они беззвучно раскрывают рты, а я рассматриваю их чешую, разноцветные глаза, красноречиводвигающиеся плавники... и автоматически перевожу их на доступный мне язык, не требующий слов: это – свежий маленький букетик из розмарина, бергамота и цитрусов; это – суховатый бамбук, даже в чём-то зелёный чай, правда, эта улыбка добавляет лёгкий персиковый оттенок. Это – миндально-древесный ликёр, тугой и замкнутый, с ромовым послевкусием. Это – взрыв амбры и брызги шалфея. Это – жасминовая вуаль в грушевых лепестках. А это – пудровая взвесь, с сахарной придуры и земляничной инфантильностью.

Однажды я отчитывала Аарона за то, что он слишком чёрств по отношению к друзьям. Его как будто бы не трогают их проблемы – он никогда не выскажет сочувствия и никогда не подбодрит в тяжёлый момент. Я никогда не понимала этого. Как можно быть таким бревном? Неужели это так сложно – сказать что-нибудь ободряющее, когда тебе близкий человек рассказывает о неудаче, размазавшей его по стене? Аарон злился и пытался мне объяснить, что если он не говорит о чём-то – это ещё не значит, что он не чувствует этого. Просто в его понимании на самом деле расстроенный до крайности человек совсем не хочет слышать что-нибудь вроде «как я тебя понимаю» или «ну, не расстраивайся, всё наладится». Он говорил мне, что видит людей так, как если бы они были сделаны из стекла. «Мы здороваемся, - пояснял Аарон, - и в эту секунду я вижу всю перспективу нашего наивероятнейшего монолога, от «что у тебя нового?» до «ну ладно, мне пора, увидимся ещё, звони». Собеседник открывает рот – и я уже знаю, что он скажет. И что я отвечу. И что он скажет потом. И как яотреагирую, и так далее... и это мгновенная цепная реакция, её уже не остановить – и за две секунды мне становится

скучно, потому что по факту я слышу весь этот диалог уже по второму кругу».

Я думала, он издевается. Но сегодня внезапно поймала себя на том, что ведь я точно так же считываю с людей всю возможную информацию и трансформирую её в метафору, и как формулу, сокращаю до идеи. Всё вокруг держится на миллиардах крошечных предопределённостей. Это – цемент, который не даёт кирпичам развалиться.

Аарон:

30 апреля 2005 года.

- Слушай, Джерри, - сказал я несколько недель назад, - я никогда не был в отпуске. Что ты об этом думаешь?
- Я об это не думаю, - сказал Джерри.
- Я имею в виду, не считаешь ли ты, что это - достойный повод таки устроить его себе?
- Каникулы Бонифация, - резюмировал Джерри и отложил очередной фэнтезийный фолиант, - куда поедем?

Я не успел ничего ответить - Джерри молниеносно парировал мой вопросительный взгляд:

- Ты же не собираешься там отрываться без меня?
- Ну, я не думаю, что эту поездку можно классифицировать как отрыв... я немного не в Лас-Вегас.
- И даже проездом не мимо него?
- Неа, даже не в ту сторону.
- Чёрт, куда же мне надеть свой смокинг? Такое добро пропадает...
- В общем, я не то чтобы против твоей компании, просто это будет очень скучная поездка.
- Если ты намылился в Шао-Линь, я буду бежать впереди самолёта.

- И даже не на самолёте, - добил я, - это чуть больше суток поездом. Город, в котором я не был десять лет.
- И что ты там забыл, в этом городе?
- Вот как раз это я и хочу выяснить.

Мы набили рюкзаки провизией и самым необходимым.

- Смотри, у меня даже трубка есть, - сказал я, извлекая из коробки тёмную лакированную трубку и пачку вишнёвого табака.
- Ты прямо капитан корабля дураков, - сказал Джерри, - а я купил настоящую бумажную карту.
- Это карта мира, Джерри.
- И что? Откуда ты знаешь, где закончится наше путешествие?
- Ты бы ещё карту звёздного неба купил.

На вечернем поезде мы отчалили в прошлое.

Когда мы были детьми, родители возили нас сюда каждое лето. И в числе семейных традиций обязательно значилось посещение парка аттракционов. Я сказал Джерри, что сейчас покажу ему этот парк. Мы долго шли, по большей части наугад - я почему-то знал, где и куда нужно свернуть, как будто уехал отсюда буквально вчера. Но когда мы достигли пункта назначения, нас встретил не сверкающий огнями детский рай с музыкой и сладкой ватой, а ржавый забор и огромная свалка металлолома с бурьяном в человеческий рост.

- Это точно здесь? - усомнился Джерри.
- Да, - сказал я, когда уже разглядел в мёртвых железных глыбах останки аттракционов, - только, судя по всему, здесь закрыто. И уже навсегда.

Мы постояли ещё. Я не знал, куда идти дальше. Я не ожидал такого поворота событий.

- Как там сказали твои мушкетёры? - спросил Джерри уже откуда-то сверху, с двухметрового забора, - “эти ворота для нас всегда открыты”?

Я огляделся и не обнаружил сторожа или собак. Прохожих было ещё мало, да и вряд ли они кинулись бы вызывать полицию, увидев, как два злоумышленника ломятся в заброшенный парк.

Мы пролезли сквозь полусухой репей и осмотрелись.

- Офигеть. Это какая-то детская Припять, - сказал Джерри и расположился в чугунной ванне, стоявшей прямо посреди площади, - мне нравится.

Я вручил ему сломанную лопату вместо весла и прошёлся по периметру, изучая ландшафт. Мои радужные воспоминания о детских прогулках никак не увязывались с этим жутковатым местом. В зарослях сорняков утопали железные монстры с облезлыми солнышками и клоунами на верхушках. Часть рельсов была разобрана, часть - заросла мхом. Робот с разбитой фарой и ржавым боком поднимал обломанную руку, регулируя остановившееся много лет назад движение.

Мы прошли чуть дальше, мимо останков трассы электромобильчиков.

- По всему городу такие стояли раньше, - я показал Джерри затерявшуюся в зарослях скамейку-качелю, голубую и тяжёлую, висящую на чёрных цепях.

Мы сели, и скамейка выдала что-то измученное, с интонацией “понаехали тут”.

- Пошли, посмотрим, что тут ещё есть, - Джерри соскочил и уже выискивал новый объект для изучения, - по-моему, тут очень круто!

Мы вышли в центр парка, к сломанному фонтанчику. Здесь сохранился невысокий замшелый павильон с картинкой во всю стену. На картинке были изображены близнецы. Юноша и девушка, с совершенно одинаковыми лицами, в абсолютно идентичных белых туниках. Различались герои фрески только длиной волос. Вероятно, построек на территории парка изначально было много, и скорее всего, каждая из них содержала рисунок из зодиакального круга. Но сейчас эта была единственной, и она стояла в самом центре разрушенного парка аттракционов, как обломок моей персональной античности.

- Странно, - сказал я, - стараюсь сейчас понять, видел ли раньше этот арт-объект, и совсем не могу его вспомнить. Удивительно, что мы не обратили на

него внимания в детстве. Обычно всё, что хоть как-то связано с тобой - бросается в глаза и запоминается.

Джерри влез на крышу, уже начиная страдать от того, что этаж всего один. А я не мог оторвать глаз от картинки. Её левый нижний угол был завален обломками чёрного рояля. Сквозь деревянный скелет уже пророс куст с круглыми волчьими ягодами, лакированный и изрядно облезший корпус напоминал мёртвого кита, выброшенного на асфальт из океана времени. В правом верхнем углу стены с изображением парил зодиакальный знак близнецов, напоминающий римскую II. Фон в голубых и синих пятнах, судя по всему, символизировал космос.

- Давай сюда, хорош стрит-артами любоваться, - позвал Джерри с крыши, и я залез к нему, - не вершина мира, конечно, но тоже сойдёт. Смотри, - и указал на какую-то пирамидку на горизонте, - ну, ты уже понял, куда мы идём?

Дорога заняла весь день. А на финишной прямой, когда до горы оставалось уже рукой подать, нас ждала западня - настоящий лабиринт из огородов. Любая из тропинок, по которым мы тщетно пытались выйти, вела либо в сторону, либо сначала прямо, а потом снова в сторону.

- Кажется, мы тут застряли, - сказал Джерри, забравшись на корпус сгоревшего автомобиля и оглядываясь по сторонам (а я воспользовался моментом, чтобы оторвать от свисающей над тропинкой ветки несколько продолговатых ягод жимолости), - о! Какой-то мужик с тяпкой прямо по курсу, давай у него спросим, как отсюда выбраться.

Мужику с тяпкой мы показались как минимум подозрительными, а наш маршрут вообще вызвал на его лице какую-то смесь недоумения и сочувствия. Через несколько километров, у подножия этого местного Эвереста, мы поняли причину столь странной реакции: Эверест оказался горой искусственного происхождения. Ещё точнее - горой строительного мусора - грунта, щебня, досок, кирпичей, цемента...

- Да что за день сегодня такой, - сказал я, но Джерри, кажется, был в восторге:

- Да ладно тебе! Ну, да, мы весь день шли к куче мусора, но это же такая харизматичная куча мусора! Когда ещё у нас случался пикник на вершине свалки, я бы даже сказал, на вершине обломков цивилизации? Что мы тут ещё собирались посмотреть? Мне нравится этот город.

- Ну, есть ещё пара мест... дом, например, в который мы сюда приезжали каждое лето. Его, правда, продали, там уже другие люди живут. но из-за забора попятиться можно.

- А дома напротив там есть?
- Есть, но на крышу мы не полезем, им миллиард лет, мы съедем вниз вместе с шифером.
- Ух ты, сёрфинг!

Мы шли, снова по большей части наугад, но это было совсем близко. Память тела - удивительная вещь. Столько лет не ходить по улицам, но чётко помнить, где повернуть свой корпус в нужную сторону, чтобы попасть на нужную тропинку... это какое-то фантастическое явление. Мы шли, и я рассказывал Джерри про каждый угол, где что было раньше. И это удивительно, но над площадью играла всё та же музыка, что и тогда. Как будто десять лет прошли не здесь, а там, где я жил теперь. Я рассказывал про сад, в котором было так много яблонь, что солнечный свет почти не проникал сквозь их кроны. Про удивительные сорта плодов, доставшиеся бабушке ещё от прошлого хозяина-селекционера. Про смешные цветы в палисаднике, напоминающие собачьи мордочки. Про толпу пацанов, которых папа однажды согнал с деревьев, потому что стволы не выдерживали такого веса; яблок было много, очень много, и папа сказал им, что если они хотят яблок - можно просто постучать в дверь и попросить, а не ломать деревья. Про огромную розовую клубнику какого-то странного сорта, который больше не встречался мне нигде. Про музыку, доносившуюся с соседского участка – Миа с Баксом постоянно паслись в закутке сада, где слышимость достигала максимума. Про маленькую крышу дровяного склада, откуда открывался вид на весь частный сектор, на закате похожий на чайные поля.

И вот, спустя полчаса, мы оказались у нужного нам забора - коричневого, деревянного, с гладкой прорезью для писем. Забор был точно таким же, как я его помнил. И видимая стена дома - тоже, разве что побелена заново. Но вместо палисадника торчал просто тонкий реечный часток и клочок земли за ним, а из-за забора не выглядывало ни одного дерева. Дом был на месте. Точнее, стены, крыша и забор. И больше не осталось ничего. Ни одного куста от пушистого сада. вместо зелени на всей территории двора строилась голубовато-серая, перемазанная цементом, шлакоблочная стена.

Я поставил рюкзак на асфальт. Даже нецензурных слов у меня не осталось. Я до сих пор не понимал, зачем этот город звал меня. Что я должен был извлечь из всего этого?

- Ты хочешь спать? – спросил я Джерри вечером.

- Не особо, - сказал Джерри

И мы купили наугад билеты на электричку в какое-то место, которое случайно обнаружили на карте. Интуиция не подвела; за километром тайги открылось окаймлённое мраморными блоками озеро зеркально-чистой воды. Джерри проскакал по камням к его центру и наклонился, что-то рассматривая:

- О, смотри! Кажись, моя принцесса меня тут заждалась!

Я разулся, чтобы не намочить ботинки и осторожно подошёл; на остывающем вечернем камне, залитом розовым солнцем, сидела бурая жаба с ладонь.

- Отстань от барышни, пусть принимает солнечные ванны.

- Как ты смотришь на перспективу ночевать в лесу? – предложил Джерри вариант времяпровождения.

- Как минимум – без энтузиазма. У нас нет ни спальников, ни даже пледов.

- Господи, как же с тобой скучно! С книгой на диване приключений больше, чем с тобой на болоте. Надо было брать с собой твою сестру, её хоть жабой поугаить можно было.

Ночь застала нас на пустом полустанке, на необитаемом клочке необъятной Родины, в неизвестной удалённости от цивилизации.

- Кажется, я нашёл неплохую гостиницу, - сказал Джерри и бодрым шагом направился к стоящему на запасных путях товарняку. Вагоны, на наше счастье, были приоткрыты, а внутри кем-то предусмотрительно оставлены мешки с сеном. Мы сели и закурили.

- В детстве, - вспомнил я, - мы с Баксом играли в товарняк.

- Мечты сбываются, как видишь.

- Суть игры была в том, чтобы насыпать в разные мешочки сушёных бобов и сухофруктов, налить в бутылку воды, организовать под столом декорации вагона и долго ехать по воображаемым прериям, поедая запасы.

- Вот запасы бы нам сейчас не помешали.

И тут свершилось чудо: громко, но невнятно объявили электричку до города. На вторые сутки мы наскребли денег на бюджетненькие койкоместа в общей комнате отдыха местного вокзала. Эта роскошная возможность поспать в настоящей кровати тарифицировалась по часам. Ноги гудели, ужинать уже не было сил. Мы бросили рюкзаки в угол и упали в свои усыпальницы, как обозвал их Джерри, уже почти видя сны.

В следующие два дня город показался нам куда более дружелюбным. На этот раз обошлось без мусорных вояжей. Нам удалось поплавать в пруду, поужинать в крошечной тьме на обрыве, созерцая речной трамвайчик, раскурить трубку на главной горе города, оттащить Джерри от раритетного, уже не работающего завода высотой с небоскрёб... поспать на вокзале по очереди – на цивилизованные ночёвки денег уже не оставалось. И даже сходить в музей. Неделя закончилась быстро.

Миа:

1 июля 2005 года.

Видела А. на улице. У нас друг для друга обычно по тонне свежих новостей, но на этот раз я предоставила ей роль первой скрипки, и предельно лаконично изложила положение своих дел только после того, как она закончила солировать. Она снисходительно улыбнулась.

У меня всё больше работы и всё меньше событий.

Аарон:

/Без даты/

Мы с Мией делились воспоминаниями: кто что запоминает из прошлого и какие ассоциативные цепочки возникают, когда что-то вызывает из внутреннего архива определённое воспоминание. Выясняли, потом что,

например, когда ранним зимним утром видишь свежий сверкающий снег и вдыхаешь его запах, вспоминаешь не прошлую зиму, и не позапрошлую, и не пятилетней давности. Первым делом вспоминаешь, как тебя везут на санках в детский сад, закутанного в многослойную одежду, и ещё хочется спать, и время от времени опускаешь руку в варежке в снег, и за ней остаётся рыхлый след, а варежка пахнет мокрой шерстью.

Память Мии не выбрасывает ничего. Миа с педантичностью мерчендайзера расставляет по полкам все воспоминания, как в лавке диковинок. И даже если какой-то экспонат режет ей глаз, она смотрит на него ещё пристальнее и ещё старательнее сдувает с него пыль, как будто от этого эмоция выгорит быстрее, и объект беспокойства станет просто коробочкой безразличия на полке.

Я бы хотел помнить все свои воплощения. Однажды в августе, в ночном автобусе, пересекающем границу страны, я внезапно понял, что это – именно то, чего бы мне хотелось больше всего на свете. Я читал, что можно вызвать какие-то воспоминания с помощью разных техник, о чём-то можно догадаться. Но знать - не значит пережить. То есть, можно знать, что ты жил, например, в хижине на берегу моря, ловил рыбу и воспитывал 10 детей. Но это не то же самое, что на самом деле вырасти на берегу моря, выучиться ловить рыбу, воспитать детей, и помнить это в рамках текущей жизни. Можно представлять, что ты виртуозно играешь на фортепиано, но так никогда и не почувствовать, как это, от первого лица. Твои пальцы никогда не переживут этого.

Миа говорит, что помнит абсолютно все танцевальные классы, которые ей доводилось видеть. Потому что они дёргали её за живое, потому что это – то несбыточное, что уже поздно начинать. Потому что нельзя снова стать ребёнком и явиться в балетный класс. Но если ты помнишь, кем ты был во всех своих воплощениях – в каком-то из них может оказаться, что это уже было с тобой, ты это уже пережил. Это – часть твоего вполне реального прошлого. Возможно, если в памяти есть реальные воспоминания, то не испытываешь такого острого недостатка в этом теперь.

Аарон:

4 августа 2005 года.

Я решил снять артхаусный фильм о бессмысленности жизни. Он будет называться «Дневник трупа». На протяжении всей ленты в кадре будет скандинавский пейзаж; высокие тихие горы, синеватый воздух и река трупов. Ничего не должно происходить. Никаких диалогов, никакого развития сюжета – тела просто сплавляются по реке, как брёвна, и периодически задевают друг друга, цепляются друг за друга, ранят друг друга...

Аарон:

5 сентября 2005 года.

Вслед за книгой «Что делать, если завтра – бал, а Вы – на необитаемом острове» я, пожалуй, издам серию рассказов, объединённую в общий цикл с названием «Трудовая книжка недодипломированного специалиста с шилом в нижней чакре». Я даже начал вживаться в новую роль. В смысле, нашёл очередную неадекватную работу.

В объявлении значилось, что некой книжной компании требуется курьер. Не распознав подвоха в столь заурядной вакансии и прельстившись благородной перспективой работать с книгами, я не замедлил явиться на собеседование. И по ходу пьесы выяснилось, что «доставка» книг – это даже не доставка, а прямая продажа на месте; причём, людям, которым это вообще, вероятнее всего, не нужно. Однако, пиастры в карманах иссякли, к работе «с 9 до 18» я всегда питал отвращение, нужно было что-то с этим всем делать. И я решил рискнуть.

Аарон:

24 октября 2005 года.

Всё оказалось несколько сложнее, чем я рассчитывал. Во всяком случае, я никак не ожидал, что эта чёртова работа будет сжирать абсолютно всё моё время. Вот уже месяц как я умею спать стоя прямо в автобусе, потому что просыпаюсь в половине шестого утра и возвращаюсь с работы почти в полночь. Нет, мы не впариваем книги ночами – у нас тут не культурная столица (хотя, помнится, в каком-то из городов подобного масштаба мне посчастливилось наблюдать люмпена, читающего огромный драный фолиант в свете вывески «Бар – варьете» в четвёртом часу ночи). По утрам (когда я

проезжаю через весь город, досыпая свой законный час) в офисе идут занятия – нас учат входить в контакт с незнакомыми людьми и рассказывать, какие это крутые книги и как они им нужны. Потом мы рассыпаемся по городу и до самого вечера применяем полученные бесценные знания. А после закрытия всех нормальных фирм нас снова собирают в офисе, в подвальном этаже небольшого здания, и проводят дополнительные тренинги.

Здесь своя терминология (в первые дни я вообще не понимал, о чём они все говорят). Вот, к примеру, термин «стереться» обозначает «внезапно передумать тут работать», и употребляется в основном по отношению к новичкам (дистрибьюторам или «диберам», как их презрительно называют инструктора). Например: «кто вчера сказал моему диберу, что мы тут по утрам молимся богу продаж? Дебилы, он после этого стёрся!!!»

Здесь какой-то свой мир вообще. Что не удивительно, учитывая то обстоятельство, что абсолютно всё своё время мы проводим тут. Люди из внешнего мира постепенно отваливаются, да и сил ни на что не остаётся.

Аарон:

30 декабря 2005 года.

- Вообще-то, главный офис у нас находится на Линиях, ну знаете, большое такое здание, - с серьёзным лицом говорит Кумар на утреннем построении, подразумевая под «большим зданием» психиатрическую лечебницу.

Мне понадобилось около месяца, чтобы привыкнуть к тому, что с таким вот серьёзным лицом здесь говорят всё, абсолютно всё, включая полный бред. Так обычно начинается запугивание новичков, чтобы сразу отсеять слабонервных. Стоя в рядах сообщников, уже с трудом вспоминаешь, как сам был в кругу будущих коллег и смотрел на весь этот дурдом квадратными глазами. И вот теперь в кругу совсем другие люди, очередная партия «свежего мяса», два коня без признаков интеллекта на лице и гламурная барышня весьма распространённой блондинистой породы.

- Видал фифу? – шипит мне стоящий рядом Куст.

- Угу. Не представляю её с баулами.

- Дык!... У неё собачка 30 косарей стоит!

- Сотрётся...

- А чё ты в куртке? – Кумар дёргает одного из «коней» за рукав, - сними её, повесь вон туда, у нас уже третий день не воруют.

- На тачке сюда приехала, – продолжает информировать меня наблюдательный Куст, - понтов немерено.

- Ты, наверно, качок? – продолжает знакомство с «конём» Кумар.

- Да не, не качок.

- Да чо «не», я вижу, вон у тебя мышцы какие!

- Да не качок я!

- Да качок!

- Да не качок.

- Ну ладно, не качок, – смирился Кумар и перешёл к даме с собачкой, – а тебя как зовут?

- Качок! – по инерции выдала барышня, видимо, продолжая диалог за стоящего рядом новобранца, – ой! – и захихикала, прикрывая лицо полуметровым маникюром.

Дама с собачкой – не единственная гламурная блондинка в офисе на моей памяти (хотя, тут это довольно редкое явление). Помнится, была ещё одна, миловидная девушка, она пришла устраиваться на работу вместе со своим парнем, забитым страшеньким задохликом. Ей явно хотелось произвести на нас всех впечатление, и внешних данных ей для этого показалось мало; она решила использовать весь свой арсенал и блеснуть эрудицией. Когда Кумар во время перекура выдал очередную мотивирующую сентенцию дабы настроить своих солдат на рабочий лад, блондинка картинно выпустила дым вишнёвыми губами и снисходительно изрекла:

- Да ты философ! Прямо Эммануэль Кант!

Правда, сложились от смеха при этом только три человека (и она, готов поспорить, так и не поняла причины веселья), и ещё пятеро присоединились неуверенным хихиканьем, смутно догадываясь, что в этот момент надо посмеяться.

Чудесное имя, кстати, несмотря на адресованность Кумару, приросло намертво к автору изречения. Поэтому реальное имя девочки выветрилось из моей памяти.

Через несколько недель задохлик стёрся, а Эммануэль Кант завоевала симпатию мужской и ненависть женской половины компании. Она неимоверно бесила музу офиса – авантюрную худосочную Анну, влюблённую в старшего менеджера Артура. Собственно, из-за последнего и зародился конфликт – новенькая положила глаз на жертву Анны, а этого Анна никак не могла допустить.

- Да я её сотру!

- Только попробуй! Я тебя удавлю! – запротестовали сразу несколько мужских голосов.

Невзирая на старания Анны, Эммануэль Кант осталась ещё надолго. Однако несмотря и на старания мужчин, в итоге она, всё же, ушла.

«Качок» сразу же после утреннего тренинга умчалась вдаль на своей сверкающей машине, в обнимку с собачкой, и сие обстоятельство никого не удивило.

Попав сюда, я остался даже не ради денег (которые, безусловно, были мне необходимы, но не так уж просто доставались и в существенно меньших объёмах, чем обещало злополучное объявление). И не ради радужных перспектив (которых тоже не предвиделось, на самом деле). Сначала мне было интересно, что будет дальше: у меня включился «взгляд со стороны», когда я будто не живу, а слежу за событиями собственной жизни, иногда внося режиссёрские поправки, но по большому счёту просто актёрствуя. Потом я решил ещё раз испытать себя – на сколько меня хватит с таким режимом.

Я долго не вёл записи, но кое-что фиксировал в блокноте – зарисовки про каждого из коллег. Они были настолько харизматичны, все до единого, прямо готовые персонажи. Они вдохновляли меня, я хотел написать по главе про каждого. Но за время моего пребывания в компании сменилось такое количество людей, что стало ясно: зафиксировать даже десятую часть этого круговорота невозможно. Поэтому осталось просто вести блокнот и собирать частички офисно-полевой жизни в пазл.

Это даже не эмигранты; это переселенцы, которые высаживаются на новые земли из поезда, как из «Мэйфлауэра», и начинают обживать их с нуля. Так, проведя полгода в родном городе, наша команда во главе с Корлеоне решила пройти аттестацию и передислоцироваться в другой город, уже в качестве самостоятельного филиала. На момент моего прихода в команде Корлеоне было шесть человек: Изя (имя это было ему выдано коллегами по какому-то торжественному поводу; реального имени мне так и не удалось узнать), Косяк (на которого, сколько я его помню, постоянно налагался сухой закон), Француз (на мой вопрос «а почему – Француз» дали просто гениальный ответ: «потому что казах»; позже выяснилось, что в юности казах служил во французском легионе), та самая Анна (крутившая роман с Артуром и ещё парой-тройкой юношей, о чём знал весь офис, разумеется, за исключением этой пары-тройки юношей), Сиёжа (донжуан, не выговаривающий букву «р»; вместо неё получался либо твёрдый знак, либо мягкий – по ситуации) и Мария (она пришла в офис чуть позже меня, и на почве новичковой отчуждённости мы немного сдружились). Вся эта шайка потихоньку рассматривала карту бескрайней Родины, прикидывая, в каком месте неплохо смотрелся бы новый офис. Косяк бредил каким-нибудь городом на побережье моря. Анна бредила любым городом, где её ещё не было, поскольку всё новое пробуждало в ней неукротимый энтузиазм. Корлеоне бредил неизвестно чем; своих козырей он никому не открывал, но они явно были в наличии. Француз бредил по жизни.

Это была эмигрантская община, коммуна маргиналов, уже утративших привязку к Родине, но так и не приставших к новой земле, а только наблюдавших её в подзорную трубу и верящих, что скоро они её достигнут.

Словом, я достаточно долго метался между вариантами «не ехать никуда и уволиться с отъездом команды» (поскольку переходить в другую команду мне не хотелось) и «съездить с ними на месяц, попробовать, что это такое – когда скромная группа в абсолютно неизвестном городе, поднимает на ноги новый офис». Чаши весов, до краёв наполненные аргументами, попеременно поднимались и опускались, ни на миг не оставаясь в одном положении. С одной стороны, меня манила перспектива новых приключений и хотелось хоть немного что-то поменять в обстановке. Мне периодически нужна встряска, чтобы напомнить себе, что я ещё жив, что я управляю собой, а не сплавляюсь в потоке, наравне с другими брёвнами. С другой стороны, что-то изнутри подсказывало мне, что «цирк дубль два» - это не самая хорошая идея.

В очередное рабочее утро народ плавно подтягивался к крыльцу. Корлеоне декламировал другим командам новую историю про своих подопечных:

- Этот мне звонит, - под «этим» подразумевался Сисьожа, которого уже изрядно вымотали издёвки над его дикцией, - я вообще ни фигя не понял! Утро, беру трубку, там просто набор звуков: «аыущщыффья ыыыа фъ». Я говорю, чё? Он повторяет. Я говорю, кто это? В трубке опять фигня какая-то. Смотрю на номер, говорю, Серж, ты что ли? Эта падла, нет чтобы ответить, да или нет, выдаёт монолог минуты на 3. Я говорю, тебе чё, денег надо? Этот сразу бодро так, чётко: «Да!». Мы по субботе на ярмарку ездили, а там как раз праздник был. Ну, и детишкам лица расписывали под зверюшек разных. Я смотрю, идут, блин, эти во главе с Сисьожей, и у Сисьожи всё рыло в чёрно-оранжевой краске! Я говорю, чё у тебя с рожей? Он – «я тигъёнок!» - Корлеоне посмотрел на негодующего Сисьожу, восстанавливая в памяти увиденное, - извъащенец ты, а не тигъёнок!!!

Сисьожа долго вынашивал план мести. Здесь я позволю себе небольшое лирическое отступление, чтобы из предстоящего рассказа было понятно, что происходит.

Чтобы разнообразить тренинги, руководство придумало целый ряд правил, по их мнению, служащих более качественному тим-билдингу. Например, внезапно можно вызвать любого инструктора в круг и устроить ему спонтанный экзамен. Вопросы, как правило, лёгкие – все эти принципы продаж мы хоть во сне повторим без запинки, нас дрессируют качественно и старательно. Суть не в этом. Суть в том, что если инструктор ошибается или слишком долго думает – его непосредственное начальство (в нашем случае это Корлеоне) несёт ответственность за некачественное обучение сотрудника. И выполняет какие-то штрафные действия. Чаше всего их заставляют отжиматься, например. Ну, это такая пародия на армию с её придурью и муштрой.

Так вот, оказавшись в кругу на спонтанном экзамене, наша мечта логопеда внезапно подверглась приступу маразма и никак не могла вспомнить правильный ответ.

- Так как же называются люди, которые совершают по шесть сделок в день? – Кумар не без удовольствия в честь такого события заставил Корлеоне отжиматься до тех пор, пока к Сисьоже не вернётся память.

- Инструкторы, навечно, - в очередной раз пожал плечами Сисьжа, наслаждаясь видом из последних сил отжимающегося начальства.

- Инструкторы, говорит, - со своей традиционно серьёзной миной повторил Кумар, с разочарованием и неодобрением глядя на багровую рожу Корлеоне.

- Хай-роллеры, я те сказал!!! ХАЙ-РОЛЛЕРЫ!!!!!! – Корлеоне старался переорать гогочущую толпу.

- Бьольеры какие-то, говоьит, - Сисьжин восторг достиг апогея, по физиономии расплылась экстатическая улыбка.

- Бройлеры? Ну какие же это бройлеры... Что, совсем не помнишь? – в голос Кумара закрались нотки сочувствия, когда стало очевидно, что ещё немного – и силы покинут Корлеоне. Во всяком случае, содержимое его нагрудного кармана уже его покинуло, и валялось под ним, на полу.

- Говори, ссссука!!! – прорычал Корлеоне, и Сисьжа, снисходительно вякнув «хай-ьоллеры», поплёлся на место.

- Слышь, Корлеоне! – Изя указал на выпавшую из кармана рубашки карточку инструктора, - у тебя пенсионное удостоверение упало!!!

Перед выходом «в поле» меня догнал Куст; сегодня он стоял в другом углу зала и не имел возможности делиться сплетнями:

- Говорят, Артур нашу Аннушку спалил в объятиях нового Апполона. Которого позавчера приняли. Устроил показательное увольнение за связь с инструктором. Она же у нас инструктор, а он не дорос ещё, это же ай-ай-ай.

Отношения между инструкторами и их подопечными строго воспрещались по уставу. По мнению гениального начальства, это должно было стимулировать инструкторов быстрее и эффективнее выращивать из дистрибьюторов равных себе.

Куст поплёлся со мной на остановку, где мы вскоре настигли Анну и Сисьжу. Анна как раз жаловалась на то, что Артур стёр очередного её любовника.

Отношения Анны и Сисьжи – это отдельная история. Это – парочка из разряда тех, что постоянно ссорятся, но друг без друга жить уже не могут. С одной стороны, зачастую их разборки доходят до угроз вроде «я те кадык вырву», и даже до попыток осуществить эти угрозы. Но с другой – долгое

время, проведённое бок о бок, в одной квартире (иногородние сотрудники живут, как гасторбайтеры, по пятнадцать человек в облезлой двушке недалеко от офиса), как говорится, в беде и радости, делает эту садомазохистскую дружбу весьма прочной. Их общение очень напоминало возню котят в картонной коробке на рынке. Котят, которым и места мало, и деваться некуда, и что дальше будет – непонятно, но пока они в одной коробке, можно и погреться друг о друга, и покусать друг друга тоже можно. Когда-то Анна и Сьюжа пытались построить романтические отношения, но надолго их не хватило, и возникла эта котёночья дружба. «А забавная получилась бы семейка», - не без сарказма отмечают ветераны компании, и с притворной слезой в умилённом голосе добавляют: «высокие, высокие отношения!»...

Они даже делили диван в корпоративной квартире – спальных мест было мало, многие довольствовались матрасами. Засыпая, Анна складывала конечности на Сьюжу за неимением лишней подушки. Сьюжа, взрощенный отчимом и лишённый материнской заботы, находил в Анне источник ну хоть какой-то нежности. Временами они скидывались и готовили общий ужин. Однако, отношения их редко надолго застывали в какой-то одной фазе – всё время в них возникали новые повороты, это была даже не извилистая дорога, это был серпантин.

Однажды в ночи Сьюже приспичило постирать. Не обнаружив в своих запасах ни одного средства, пригодного для этой цели, он разбудил Анну. И после долгих торгов КУПИЛ у неё горсть стирального порошка.

Получив печальные известия об одном из своих любовников, Анна долго и самозабвенно рыдала Сьюже в жилетку. Сьюжа сочувственно хлопал её по плечу, кося глазом в декольте.

Однажды субботним утром мы сидели за столиком на ещё пустой ярмарке. Анна с Сьюжей поминутно орали друг на друга, кидаясь пластиковыми стаканчиками и другим подручным мусором. Я философски смотрел в сторону, отодвинувшись со своим невкусным растворимым кофе подальше – на случай, если в ход пойдут стулья и столы.

- Не обращайтесь внимания, - успокоил я встревоженного разборками прохожего, - они только вчера поженились.

Два месяца работы, на первый взгляд – небольшой срок. Но по количеству событий это время спокойно можно было бы растянуть на год. Стоило мне

пропустить один день, и я ощутил, с какой скоростью всё меняется. Утром после отгула меня поймала Мария и минут двадцать пересказывала новости. Самой шокирующей было увольнение лидера второй команды – Яны. Янину команду расформировали, сама она вскоре появилась, чтобы забрать документы.

Яна вошла, бледная и спокойная, в духе героинь античной драмы. Протянула Изе ниточку воздушного шарика в форме сердца – поддержать, поскольку входить к директору с этим атрибутом было бы совсем комично. На Янином лице жирным курсивом читался некролог всех её планов на будущее. Изя оглядел шарик и обнаружил в нём крошечную дырочку, через которую просачивался воздух:

- Он пропускает, надо заклеить.

Изина забота о резиновом сердечке выбесила Яну, она выхватила шарик из его рук и положила в урну. Изя изобразил скорбь; шарик был почти целый, его можно было заклеить.

На тренингах очень многое повторяется, поэтому когда становится скучно, мы начинаем перешёптываться с Кустом, обычно стоящим слева от меня. Выглядим мы при этом как два рядовых, сквозь зубы комментирующих реплики сержанта.

- Сегодня, дамы и господа, вторник! – сообщил офису Кумар, как будто без него день недели установить ну никак не удалось бы, - а вторник – это бонус для менеджера! Возрадуемся, братья и сёстры!!! И так, дистрибьюторы, приходящие вечером с результатом ниже 40 единиц, приносят в офис кусок мыла!!! А инструктора, не сделавшие норму – верёвку!!!

- Мне так кажется, - я меланхолично ткнул Куста локтем, - или сегодня руководство встало не с той конечности?

К этому моменту меня, на самом деле, уже мало волновало происходящее в компании – силы совсем иссякли, я приходил домой, когда все уже спали, и уходил – когда все ещё не проснулись. Я не знал, о чём говорить с друзьями, не мог найти время хоть на что-то приятное. Я выдохся.

Аттестация подходила к концу; мы не дотягивали до нормы. Однажды нам даже пришлось работать ночью. Надо сказать, мероприятие было сомнительным уже в своей сути – попробуйте ночью прохожему продать

книгу. Офис располагался недалеко от вокзала, и это могло спасти ситуацию: Француз с Изей пробежались по поездам, пока их не выгнали. Анна и Мария, сгибаясь пополам от хохота, возвращались со стороны казино – им хватило ума и смелости предложить книжки там. Мясистые мужики на «хаммерах» долго их разглядывали, пытаясь понять, что это – шоу «скрытая камера» или какой-то новый шифр. Уже под утро, замёрзшие и уставшие, мы все рассредоточились по залу ожидания в надежде пристать к пассажирам. Какая-то старушка испуганно косилась на нас, заподозрив в незаконной деятельности, судя по всему. Мне повезло с соседом по креслу – скучающий дядька с энтузиазмом кинулся рассматривать книгу рецептов с яркими картинками и круглыми карточками-вкладышами. Корлеоне, оккупировавший пожилую пару на несколько рядов впереди меня, обернулся и громким шёпотом спросил: «у тебя «душа» есть?». Речь шла о подарочном издании под названием «Душа Отечества», которое существовало в двух вариантах. Мы набрали максимально разнообразных книг, чтобы в случае необходимости предоставить покупателю выбор. Я уточнил: «тебе мою или Изину?». Бабка слева от меня перекрестилась, и до нас с Корлеоне дошло, как этот диалог прозвучал для посторонних.

Ехать на другой конец города на такси было неприемлемо – у меня не было лишних денег. К тому же, я за последнюю неделю сам у себя выкупил несколько книг, чтобы поехать домой поспать и сделать вид, что я их продал. Анна жалобно посмотрела на Корлеоне и спросила: «можно он у нас переночует?». Это прозвучало как «папа, можно мы заведём котёночка?». Корлеоне не возражал.

Сдав остатки книг и кассу, мы впятером отправились на корпоративную квартиру – я, Анна, Косяк, Француз и Сиёжа.

- Мы просто великолепная пятёрка, - сказал Француз с такой интонацией, что это прозвучало как мат.
- Как денег уже хочется, ребятки! – мечтательно протянула Анна и закурила ароматизированную сигаретку – они недавно появились в продаже и, как и всё новое, завораживали Анну, - мы в казино заглянули сегодня. Там так красиво... Когда у меня будет свой офис и куча денег – обязательно пойду в казино. В красивом платье. И буду играть, играть. И пить мартини из таких бокалов на ножке. С оливкой.

- Угу, - Француз уныло поддакнул, как будто оценил вероятность осуществления этой мечты и пришёл к печальным выводам.
- Сиёжа, ты же поспишь сегодня на матрасике, правда? – состроила Анна мило-стервозную мордочку своему питомцу и тут же обратилась ко мне, - если я буду закидывать на тебя руки или ноги во сне – не обращай внимания, я всегда так делаю.
- О Боже! – простонал Сиёжа устало.

Я сказал:

- Так может тогда я посплю сегодня на матрасике, чтобы не нарушать привычный ход событий?
- Не парься! – Анна гостеприимным всеобъемлющим жестом отмахнулась от этого предложения.

Квартира была действительно ободранная и печальная. По утрам её обитатели буквально дрались в очереди в душ, толкались на кухне, в облаке дыма, потому что и ели, и курили на кухне. В первой комнате спали мужчины. В той, что подальше – девушки. В обеих комнатах было по одному окну. Кто-то недовольно подал голос – обитатели квартиры уже давно спали. Сиёжа налил чай, и мы сели на табуретки. Спать почему-то не хотелось. Сиёжа внимательно на меня посмотрел, как будто что-то хотел спросить, но не решился. Мы молча курили. Я спросил:

- Ты веришь вообще в перспективы, о которых нам тут говорят?
- Уйти решил? – ответил Сиёжа вопросом на вопрос.
- Давно уже.
- Почему не ушёл?
- Аттестация. Вам нужно было шесть человек, если бы я ушёл – пришлось бы искать кого-то на замену.
- Коълеоне уже сказал?
- Нет.

Сиёжа снисходительно ухмыльнулся и пустился в исторический экскурс:

- Он привёз нас с Анной сюда ещё три года назад. Мы с ней тогда были вместе ещё. Он о нас заботился первое время. Да и сейчас как к родным относится. Мы даже жили у него когда-то. Ты видел их в клубу? У них жесты одинаковые. Анна верит в то, что он вытащит нас из этой нищеты на новый уровень.

- А ты?

Сизожа пожал плечом и вдавил окурок в кофейную банку. Он не очень хотел поддерживать этот разговор. Я попробовал объяснить:

- Я сначала думал, что он врёт абсолютно обо всём. Что нет у него никакой стратегии, что его мифический талант – это фикция, что легенду из него сделали, чтобы дилеров мотивировать. А потом он меня вытащил на ретейн.
- Не знал об этом.
- В общем-то, это был не совсем ретейн – просто так получилось. Он попросил проникнуть в пару зданий, куда его охранники не пускали – они его в лицо знают, а там сидят клиенты на «кожу».

«Кожей» и «медью» мы сокращённо именовали дорогие издания в кожаных и медных обложках. Одна такая книга стоила как пятьдесят обычных. Все дилеры облизывались на них, но продавать их могли только материальные инструктора. Корлеоне тогда догнал меня на остановке и попросил съездить с ним в центр – предложить пару кожаных изданий нескольким клиентам в бизнес-центре и от его имени доставить подарок какой-то леди в другом бизнес-центре.

- Это был официальный вестейн? – Сизожа не отставал со своими формальностями.
- Нет, спонтанный, можно сказать. Да и рейтингом это с натяжкой назвать можно. Просто он попросил помочь за процент от сделки, и чтобы как-то скрасить досуг – делился опытом по дороге. А потом мы пошли в какой-то офис, и там я посмотрел, как он ведёт переговоры.
- Он тебя на переговоры взял?
- Я сам, своими глазами видел, как человек, выгоняющий его с порога, купил у него эту чёртову «кожу» через двадцать минут. Я не знаю,

гипнотизировал он его, что ли. Потом он остался в кафе, а я должен был передать иллюстрированную «Историю» даме на мерседесе. Я поймал её, когда она уже собиралась уезжать.

- И что?
- Отдал ей книгу, как он просил. Сказал, это подарок от него. Она задумчиво взяла, поблагодарила и скрылась в своём мерседесе. Солидная молодая женщина, очень ухоженная, в дорогом костюме.
- Он подавал ей книгу?
- Да. Я тоже не понял манёвра. Он сказал, так надо. А через два часа она ему перезвонила и сказала, что хотела бы купить ещё несколько подобных книг в подарок компаньонам. Корлеоне сказал, это одна из его стратегий. Он раскачивает дорогого клиента, например, таким образом. Дарит ему приличное издание, и у человека просыпается чувство благодарности – он испытывает необходимость как-то ответить.
- Да ладно?
- В итоге Корлеоне зовут на чай или бизнес-ланч, и там он применяет свою магию – клиент в итоге покупает ещё несколько дорогих книг.
- А в чём выгода-то?
- Наценка. Стоимость «подарка» он потом накидывает на покупку.
- Хитёр.
- Он так и сказал: «В моей тактике нет ничего секретного – я могу хоть со всеми вами поделиться своими секретами. Но вы этого просто не повторите».

Сиюю что-то усердно обдумывал.

- Я думал, что он псих, что все его истории – это имиджевые байки. Но потом мы дошли до центра города. И он сказал: выбирай любое здание. Я выбрал. Он сказал: «записывай» - и начал диктовать, в каком офисе кто работает. Имена, возраст, состав семьи, что покупали в прошлый раз, чем интересовались, какие-то мелочи – дни рождения ближайшие,

например. Там было штук двадцать клиентов. Я думал, он меня разыгрывает.

- Он слил тебе список своих клиентов?
- Нет, он просто дал распоряжения, к кому и с чем нужно зайти. Я думаю, он знал, что я даже пытаться их переманивать не стану. Я шёл по этому списку и проверял. Всё сошлось. Я входил в офис, представлялся его курьером, передавал то, что он просил – меня встречали радушно, передавали ответные приветы, покупали переданные книги. Я попал в другой мир. Я не знаю, где он этих клиентов берёт. Я таких не встречал в своей практике.
- А в чём разочарование-то?
- Ну смотри, нас дрессируют, что все мы станем крутыми менеджерами и откроем свои офисы. Мы то же самое говорим диберам, как попугаи. Но ты же понимаешь, что все мы своих офисов не откроем. Мы просто ретранслируем какую-то зомби-программу.
- Ну так это везде так. Ты думаешь, все выпускники Гаьваьда становятся кьутыми дядьками и тётками в «ьолексах» и на кьутых тачках? Везде есть отбоь.
- Нет, конечно. Но есть статистика и здравый смысл... пойми, я не критикую эту систему. Просто я не уверен, что хочу тратить на это свою жизнь. Я вижу неплохих инструкторов, которые тут уже по три года вкалывают. Но ни намёка на какое-то развитие сюжета в их карьере я не наблюдаю. Это всё равно что рыть шахту в кромешной тьме, не зная, сколько ещё породы нужно изрубить.
- Но в метье от тебя может оказаться золотая жила,- заступился Сиьожа за подвергнутую сомнениям мифологию компании.

Дверь ванной щёлкнула, и в кухню заглянула Анна:

- Вы спать будете?

Мы кивнули. Сиьожа потянулся и поплёлся в мужскую комнату. Я остался допивать чай в тишине и одиночестве. Я посидел ещё минут десять и понял, что до утра так не досижу в любом случае, это глупо. Я прокрался в девчоночью комнату (Француз с Косяком на этот счёт уже огрызнулись, что

мне повезло с локацией). В углу горел торшер, прикрытый сбоку листом картона – чтобы не светило в лицо соседке. Это была кровать Ники, она не спала – что-то читала. Ника выглядела как подросток, я бы подумал, что ей лет четырнадцать – маленькая, хрупкая, без косметики, с грустными серыми глазами, тихая, похожая на щенка хаски. Ника помахала мне рукой, и я спросил шёпотом, не помешаю ли я. Она пригласила меня жестом в свой угол.

- Чего не спишь?
- А чего вы орёте?
- Прости, я думал, мы не громко разговаривали.
- Да ладно, - она отложила книгу, - я тут ремонт делала сегодня.

Я посмотрел наверх и в мутном свете торшера обнаружил, что над её кроватью наклеен кусок обоев другого цвета.

- А хозяева не против?
- Аарон, тут пятнадцать человек в двух комнатах живут, курят и грызут друг друга. Да хозяевам вообще плевать, тут до нас наркоманы жили. Мы с девчонками уборку делали при заселении – полведра шприцов вымели из ящиков.
- Что это? – я показал на торчащие из книги углы каких-то открыток или карточек.

Ника нерешительно посмотрела на книгу, потом потянулась к ней, как будто решая, показывать мне или нет, и всё-таки показала. Это были открытки религиозного содержания. Три штуки.

- Нам такие дарили в приюте, - Ника перешла на ещё более тихий шёпот.
- В приюте?
- Ну да, когда мне было тринадцать, нас забрали в приют. Меня и двух братьев младших. Они всё ещё там.

Мне было интересно, но я не решался задать вопрос. Это неприлично – лезть в чужую жизнь, когда речь идёт о таких вещах. Я в подобных случаях жду, что человек сам расскажет. Или не расскажет – это будет его выбор. Я кивнул. Я не знаю, что говорить в таких случаях. Все реплики звучат искусственно.

Когда люди говорят «мне жаль» - это звучит убого. Лучше промолчать, чем сыпать шаблонами.

Я замечал, что Ника не любит, когда люди подходят к ней близко. Не любит, когда к ней лезут с вопросами. И злится, когда шутят на религиозные темы. Эти открытки многое объясняли. Однажды на утреннем тренинге ведущим выступал скользкий тип из Яниной команды. Он мне и до этого не нравился, а после того тренинга вообще стал вызывать отвращение. Он где-то услышал шутку про то, как мы по утрам молимся богу продаж – диберов пугают такими вещами, чтобы посмотреть на реакцию. Там много вариантов – и про то, что мы секта, и про то, что у нас все девушки общие. Янин недоумок решил инсценировать поклонение богу продаж на утреннем тренинге – такой цирк для новичков. Он призвал всех молитвенно сложить руки и закрыть глаза. Ника сунула руки в карманы и сжала зубы. Он подошел к ней и, схватив её запястья, сложил её ладони «как надо». Ника отвернулась, стараясь подавить ненависть и не заплакать. Позже до меня дошли слухи, что этот кретин соблазнил её, когда помогал обустраивать разрушенный домик. Когда у Ники не было денег, чтобы оплатить койкоместо в корпоративной квартире, она нашла сгоревший дом в цыганском квартале и привела его в более-менее пригодное для ночёвки состояние. Я был в ужасе – девушка, совсем одна, поселилась в сгоревшем доме, посреди самого криминального района в городе. Я вспомнил, как от безысходности и не имея другой возможности помыться, стоял по утрам в еле тёплом душе и чувствовал, как подошвы сланцев примерзают к полу. Я вспомнил это и подумал: до какой степени бесстрашия довела её жизнь. А этот козёл поехал якобы помочь ей с обустройством, и вот как всё закончилось. Я даже как-то увидел, как она просияла на секунду, увидев его в офисе... а потом был тот дурацкий тренинг. Я смотрел открытки и жалел о том, что не знал всего этого раньше. Я бы вышиб ему челюсть не задумываясь.

- А это наши воспитатели, - Ника показала фотографию, с которой смотрели три по-голливудски улыбающиеся физиономии, как сошедшие с экранов из телепередач двадцатилетней давности про то, как Бог изменил нашу жизнь и как мы все должны уверовать, - На самом деле, только пастор Джим улыбается по-настоящему. А эти двое прикидываются.
- Понятно, - сказал я, - у меня тоже есть знакомый пастор. Мы несколько раз разговаривали обо всяком. Он интересный человек.

Ника на меня поглядывала, всё ещё сомневаясь, не зря ли она показала свои сокровища. Мы были как два ребёнка в песочнице, она показывала мне закопанные фантики в стёклышках, потому что я никому не расскажу про них. Ника сказала:

- В пятом классе я как-то убежала кататься автостопом.
- И тебя подбирали на дороге?
- Да, подбирали. Я ехала три дня. А потом меня какая-то семейная пара сдала в участок. Вообще, они правильно сделали, мало ли чем это могло закончиться. Но тогда я обиделась.
- Тебя искали?
- Я после школы часто шла не домой, а к брату. Тогда ещё с родителями жила. Брат думал, что я дома, а родители – что я у брата. А на третьи сутки позвонили из школы и спросили, почему я не хожу на занятия. Так и заметили, что меня нет.
- Понятно.

Мы посидели ещё немного. Поговорили о работе. Потом я услышал знакомый звон с улицы – такой же, какой будил меня в Катманду.

- Это трамвай?
- Да, уже шесть утра.
- Закроешь за мной дверь?

Город был до краёв наполнен свежестью и тоской. Мой город, которого я не видел долгие месяцы – просто потому, что у меня не было времени остановиться и посмотреть по сторонам.

Здесь я позволю себе сократить цитирование своих записей; поскольку Аарон за один заход изложил события почти целого сезона – я не стану приводить дословные выдержки из своего дневника этого периода и перейду в режим пересказа.

Новая работа Аарона досталась ему почти одновременно с очередной передислокацией, но на этот раз марш-бросок мы совершили вместе. Джерри решил, что ему скучно в одиночестве, и мы можем какое-то время пожить у него. Это был любопытный эксперимент. Мы катались на роликах и готовили кабачокбургеры – это такие гамбургеры, где вместо булок – ломтики кабачка, и всё это запекается в духовке; вкусно невероятно. Друзья приходили и уходили целыми табунами, оставались на сутки, на неделю. Приехала Майка погостить, забегали всей ордой Бакс и его друзья; приходили какие-то новые люди. Конечно, до Катманду мы не дотягивали уровнем неадекватности происходящего, но это было не менее весёлое пространство, доверху наполненное историями и приключениями.

Это был старый кирпичный дом с парком под окнами, с престарелыми любопытными соседями и аутентичным импровизированным рынком на углу. Аарон и Джерри курили на кухне и строили шизофренические планы на будущее.

- Я хочу сторожить слона, - сказал Аарон.
- Круто, - сказал Джерри, - а я хочу дизайннить проездные. Серьёзно, почему они такие страшные? Кто их вообще делает?
- Миа, а кем ты хочешь стать, когда вырастешь?
- Глядя на вас - санитаром.
- А ты будешь приносить нам вкусные таблетки?
- Я посмотрю на ваше поведение.

Это была такая традиция - при каждом удобном случае намекать друг другу на чокнутость. Если Аарон с утра у зеркала спрашивал, какая рубашка ему подходит больше, я отвечала, что смиренная. Если Джерри терял очередной паспорт или телефон - мы рисовали ему бейджик Президента Общества Потерявших Всё, а потом Джерри терял и бейджик. Если я готовила, вывернув переключатель громкости на максимум и подпевая, Аарон приходил на кухню и интересовался:

- Миа, зачем ты орёшь на грибы? Они же отравят нас! Вон уже и соседи стучат в стену. Или лбом об неё бьются.
- Это тараканы в твоей голове танцуют фламенко.

Если градус безумия в доме падал, Джерри пинал нас под филейную часть в парк, кататься на роликах или лазить по крышам и мостам. И пока серый телевизор монотонно бубнил про упадок качества жизни и безработицу, мы как-то вообще не думали о выживании или о насущных проблемах; просто в нашем лексиконе слово “проблема” автоматически заменялось на термин “приключение”.

- Ребята, вы как Шляпник с Зайцем. Я как будто осталась жить в этом перманентном чаепитии.

- Ага, - сказали они, - только вместо чая у нас... не чай.

К тому времени как Аарон нашёл очередную неадекватную работу (и где он их только находит!), мой ихтиопарк дал трещину. Нет, рыбы по-прежнему приплывали стаями. Но теперь сквозь образовавшийся разлом снаружи маячил совсем другой мир. Вернее, это была просто полоска света, но именно в смутном пятне ты почему-то всегда видишь намного больше, чем в чёткой картинке. Вероятно, потому, что когда чего-то ждёшь - это несоизмеримо больше того, что получаешь в итоге. Это как Новый Год - за две недели до него город переполняет праздник. Люди улыбаются витринам, друг другу, снегу, украшенным до игрушечности кварталам. За несколько часов ожидание перетекает в трепет. За несколько минут до полуночи мир наполняется магией. А уже в половине первого от всего этого не остаётся и следа.

Пока я мучительно старалась найти себе более увлекательное применение, проваливая одно собеседование за другим, Аарон набегался по офисам с книжками, смертельно устал от людей, отсиделся несколько месяцев в вакууме, ограничиваясь только нашим с Джерри обществом, ещё пару раз успел потерять и вернуть свою загадочную любовь, растратить последние гроши и устроиться сторожем в заброшенный корпус цирка.

- Сторожить слона, говоришь... - припомнил ему Джерри.

- Слона там, увы, нет. Есть сторожевая кошка, - поделился подробностями Аарон, - а ещё там нет оружия и фонаря, который, к слову, пригодился бы в заколоченном холле. Потому что электричество в нём закончилось ещё в прошлом веке, окон больше нет, а сигнализация срабатывает по два раза за ночь. В ночи, в непроглядной темноте, там и грабителей не надо – можно убиться без посторонней помощи.

- И что, тебе даже шокера не дали какого-нибудь?

- Какой шокер? Я фонарь купил на свои кровные. Там парадный вход закрывается изнутри на лопату. Сменщик сказал, если я обнаружу признаки взлома, чтобы через ближайшее окно десантировался оттуда и перебежками двигал к дежурному пункту полиции; всё имеющееся имущество списали ещё до моего рождения, красть там нечего, сторожим мы по большому счёту стены, а вот наркоманы дебоширят в окрестностях частенько. Сменщик, к слову, забавный дядька – рисует там подсолнухи маслом и варит кофе в медной турке.

Я удивлялась тому, что несмотря на все мои дипломы и усилия, меня нигде не принимали хотя бы на какую-нибудь средненькую должность. Я писала тонны резюме и ездила на десятки собеседований. Аарон же, бросивший вуз и наплевавший на своё будущее, получал удовольствие от самой дурацкой работы, которую можно было только вообразить. Он хвастался шоколадными бицепсами, полученными в качестве бонуса в эпоху расклейки объявлений – ещё бы, по восемь часов в день бегать от подъезда к подъезду с тяжёлым рюкзаком, ни спортзал уже не требуется, ни солярий. Он разносил газеты по утрам, а всю оставшуюся часть дня тратил на разрисовывание стен и походы по друзьям. Он с неописуемым вдохновением рассказывал нам про целый социальный зоопарк, заселяющий подвал с книжным складом. А как можно было так романтизировать работу сторожем? Что ты, по сути, делаешь? Приезжаешь, отмечаешься в журнале, присутствуешь до утра, дожидаясь сменщика и покидаешь рабочее место. Всё. Ну, то есть, совершенно ничего увлекательного. Аарон умудрился увидеть в этом процессе какие-то забавные детали, наблюдал и коллекционировал сценки из жизни людей, которых видел по пятнадцать минут пару раз в неделю. Он даже в журнале присутствия откопал целую историю за пластиковой чашкой паршивого кофе.

Журнал присутствия представлял собой серую амбарную тетрадь, гордо возлежащую на столе в сторожевой камере. Все страницы тетради были расчерчены таблицей, в которой каждый сторож должен был внести дату и время, фразу «смену принял» или «смену сдал», свою фамилию и роспись. Это, в принципе, всё содержимое нескольких сотен страниц. Аарон листал журнал от нечего делать, страницу за страницей, с самого форзаца, с начала позапрошлого года. Рассматривал почерки своих предшественников, читал фамилии. Встречались смешные. Первые полгода чередовались только двое – видимо, претендентов на роль третьего сменщика не было. Затем появилась ещё одна фамилия, но исчезла спустя две недели. Не прижился парень, судя

по всему. Несколько месяцев не происходило ничего – появлялись новички, но никто надолго не задерживался. А затем и один из первых сторожей исчез, оставив жирный восклицательный знак в конце своего последнего «смену сдал». И тут не то остальные почуяли какую-то канцелярскую свободу, не то перед ними внезапно открылись прежде не обозреваемые горизонты, не то скучно им было ещё больше, чем Аарону, читающему журнал присутствия... но оставшиеся два товарища, Веймар и Гаусс, внезапно ощутили в себе прилив творчества. Сначала по обе стороны от фамилии Гаусса появилось по три горизонтальные чёрточки, почти кошачьи усы, чернильная чеширская улыбка. Затем Веймар принял смену вместе с настроением коллеги и пририсовал своей фамилии такие же. Третий сторож появился в списке всего пару дней назад, поэтому не рискнул повторить этот подвиг. А вот Гаусс и Веймар, судя по всему, ещё больше вдохновились безнаказанностью за хулиганство в отчётном документе, потому что усики до самого Нового Года стали неотъемлемой частью их фамилий в журнале. Скучный третий вскоре испарился, и на его место пришёл какой-то Ли. Ли быстро просёк тренд или решил не выделяться – этого уже не узнать, но уже на третий день он заступил на смену при параде: лаконичная стрелчатая фамилия гордо красовалась между горизонтальными чёрточками. «Ага!» - наверняка подумали Веймар и Гаусс, и начали импровизировать. Теперь почти каждый день вокруг фамилий красовались всё более увлекательные вензеля и фигуры. Летом, вероятно, Ли ушёл в отпуск, потому что на его месте возник какой-то скучный малый с ушастой фамилией, которой не запомнил ни Аарон, ни я. За четыре недели, несмотря на графический цирк на казённых страницах, он ни разу не улыбнулся хоть какой-нибудь закорючкой. Потом куда-то пропал Веймар, и Гаусс приуныл; этот вывод Аарон сделал исходя из преобладания ниспадающих элементов и менее экстравагантных траекторий. Ушастый зануда и какой-то новенький карябали свои фамилии без выкрутасов. В сентябре страница озарилась размашистым «Веймар» в компании двух загогулин, и Гаусс отозвался двойными зигзагами, устремлёнными вверх. Ушастый канул в небытие, а новенький скромничал и переминался со строчки на строчку, всё ещё не решаясь. Учётная книга, как-никак, всё серьёзно. Два месяца Гаусс с Веймаром изощрялись в каллиграфии, изобретали экслибрисы и орнаменты, выводили ажурные виньетки. И наконец, фамилия третьего сменщика явилась в одно прекрасное утро в осторожной волнистой рамочке. «Сломался!» - наверняка подумали Веймар и Гаусс и возликовали пушистыми чернильными лучами во все стороны. Третий отозвался веточками с какими-

то иголками. Веймар изобразил довольно-таки детализированный фейерверк. Гаусс вычертил угловатые астры, хотя не исключено, что это были пентаграммы – Гаусс работал по большей части в абстрактно-футуристической манере, когда Веймар склонялся к плавным природным элементам и линиям. Третий не на шутку разошёлся; над его фамилией красовался закат, и даже с лёгкими вкраплениями красного карандаша. «Осади» - видимо, придержали его коллеги неожиданно скромными иероглифами – и, вероятно, не зря. В последующие три недели никаких художеств в журнале не наблюдалось. Аарон предположил, что ребята достигли серьёзного уровня в своём искусстве, и начальство посетило их выставку, после чего фантазию пришлось померить.

Спустя три листа фамилия новенького сменилась на фамилию уже знакомого Аарону Ван Гога с медной туркой, а ещё через полторы страницы Гаусс возобновил попытки разукрасить серые трудовые будни; справа от фамилии аккуратно улеглась звёздочка. Веймар пририсовал в начале своей фамилии буквицу с виноградным листом. Ван Гог включился моментально – жажда рисования была ему свойственна по натуре. Вторая волна сторож-арта была уже не такой интенсивной, здесь преобладал постмодернизм – во всём сквозили уже знакомые зрителю образы и мотивы. Веймар ушёл в сторону флористики, теперь в его графике часто можно было встретить листья или цветочки. Гаусс временами пропускал свой ход, зато Ван Гог отдувался за всех – он ещё не пресытился искусством. Зимой уволился Веймар, и журнал постепенно начал принимать стандартный канцелярский вид. Гаусса Аарон тоже не застал, о чём очень сожалел. Хотя, готова поспорить, такой вариант развития событий был наиболее выигрышным: наверняка Аарон вообразил себе каких-нибудь колоритных дядек с закрученными усами и басистым смехом, а на деле всё могло оказаться куда скучнее.

Аарон мечтал украсть журнал, но природная законопослушность помешала воплотить это преступление века.

На тот момент мы уже разъехались по разным квартирам и виделись крайне редко. Аарон каким-то чудом пережил ещё одно эпическое расставание со своим бумерангом, звонил Майке по межгороду, жаловался на свою тяжкую жизнь запутанными формулировками типа «Майка, ты же мой друг, ты читала надгробную речь на моих похоронах, скажи, что мне теперь делать?» Спустя ещё полгода он снова был счастлив и любим, и Джерри даже предложил организовать тотализатор, на сколько их хватит в этот раз.

У нас появилась уйма новых забот, и записывать вехи своей судьбы уже не очень хотелось. Не то чтобы нас поглотила рутина, просто многие вещи стали незначительными, и всё больше времени тратилось на то, что необходимо делать, а не на то, чего нам хотелось бы.

От обитателей Катманду на наших орбитах почти никого не осталось. Друзья разъезжались по городам или просто постепенно отдалялись. И расстраивал не сам факт их исчезновения, а какое-то ощущение незавершённости. Как будто мы упустили что-то очень важное, не сделали то, что должны были. И момент уже упущен. Мы должны были создать что-то значимое – снять фильм, например, написать песню или устроить революцию.

Мы стали чаще навещать родителей, и в какой-то момент их дом стал единственным местом, где мы видели друг друга. Когда мы были маленькими, таким местом был бабушкин дом; там собиралось всё наше племя на целое лето. Однажды за семейным обедом я подумала: скоро нашим родовым гнездом станет уже дом родителей, и мы будем свозить сюда свои выводки дикарей. И это немного страшно – кто их знает, чем они будут заниматься, пока мы не видим. Скакать по руинам, рискуя переломать конечности? Писать песни на выдуманном языке? Бродить в одиночку по заброшенным песчаным каньонам? Перебираться через реку по хрустящему льду? Любить до потери пульса и разума? Ехать в ночном автобусе неизвестно куда, обмениваясь наушниками? И ведь нам наверняка ничего не расскажут! Немного страшно уже за тех, кто ещё не появился на свет... как им повезёт, если в их жизни будет хотя бы один человек, которому можно позвонить среди ночи и сказать «забери меня отсюда» или хотя бы один человек, который умеет молчать рядом так, что от этого рассеивается боль. Как им повезёт, если они научатся ценить всё, что с ними происходит, всех, кто им встречается, всё, что задевает их за живое...

Миа:

7 апреля 2007 года.

Как было бы здорово, если бы можно было на время становиться кем-то другим. Просто представь: ты можешь как бы свернуть с главной дороги в подворотню, посмотреть, какие там дома, какие люди ходят, какие таблички с названиями улиц, какой там свет по вечерам и что видно в окнах. А потом ты

просто возвращаешься на свой маршрут в той же самой точке, в которой свернул – и просто продолжаешь идти.

Миа:

11 апреля 2007 года.

Когда со мной случается депрессия, я играю в телепортацию. Я телепортируюсь в Аарона, и моя депрессия становится не моей, а его. Когда меня придавливает тоска, необъяснимая, беспричинная и плотная, как песчаная буря, я почему-то сразу «включаю Аарона» - непроизвольно эмигрирую в оболочку своего близнеца, проживаю какое-то время и спокойно покидаю кокон вместе со всеми своими страданиями, забывая их прихватить, как сумочку или зонтик. Я спрашивала у Аарона, не бывает ли с ним чего-то похожего, и он ответил «да Боже упаси меня хоть на час переселиться в твой дурдом!»

Хотя, кто бы говорил о дурдоме – сам Аарон периодически перекипает и внезапно чешет из города на всех парах, хоть в ближайший колхоз – лишь бы совершить ритуал – сесть в поезд с рюкзаком и выйти на какой-нибудь незнакомой станции. Там он отсиживается, пока не отпустит – фланирует по улицам, иногда что-то фотографирует или пишет. Кстати, рюкзак - это такой перманентный атрибут Аарона. Даже выходя в соседний магазин, Аарон не может без него обойтись. Вероятно, в одной из своих прошлых жизней он был парашютистом, и непростительная забывчивость сыграла с ним роковую шутку. Поэтому теперь он всегда готов к прыжку - в его рюкзаке помещается всё необходимое для того, чтобы в любой момент выскочить из сюжетной канвы и десантироваться в новом измерении. Чего, к слову, не скажешь обо мне - для меня даже элементарные перемены в привычном потоке событий - это повод к очередной попытке прогнуть мир под себя. Готовность к переменам у Аарона граничит с безразличием, он как-то удивительно спокойно принимает любые повороты судьбы. Сначала он удивляется и слегка нервничает, потому что его потревожили, а уже через пару минут с беспредельным любопытством изучает новые условия взаимодействия с пространством. А если повороты судьбы оказываются чересчур резкими - его заносит и выкидывает с трассы в Катманду, где любые душевные травмы лечатся чудесными снадобьями и невероятными приключениями.

Миа:

27 марта 2008 года.

Лет 7 назад, когда деревья были большими, мы – юными, а город ещё не блистал разнородными заведениями, в районах максимальной проходимости открылась первая сеть фастфуда «Курица».

В университете мы дружили вчетвером – Майка, Санча, Тыква и я. Майка и Санча были отличницы и медалистки, мы с Тыквой – два девиантных инопланетянина, вспоминавшие об учёбе за сутки до сессии. Тыква периодически жила у нас. У нас был один комплект учебников на двоих, мы шарахались по вокзалам и другим странным местам. У меня имелась тетрадь, в которой половина лекций была написана моим почерком, половина – Тыквиным. Когда родители засыпали, мы закрывались в ванной, точнее, она держала дверь, потому что крючка в то время у нас по загадочным причинам не было, а я, стоя на краю ванной, курила в вентиляцию. Потом мы включали горячую воду, наливали на дно ванны шампунь и ждали, когда помещение наполнится его ароматом. Наш уровень интеллекта позволял считать, что два человека, закрывшиеся в ванной ночью – это несколько не подозрительно.

По утрам я тащила Тыкву за ногу по коридору, потому что разбудить её иным способом было просто невозможно. Пока она наводила марафет в ванной, я успевала собраться, одеться и приготовить завтрак в расчёте на то, что сейчас она выйдет в укомплектованном виде, мы на ходу заточим по бутерброду и поскачем грызть пресловутый академический гранит. Тыква ватной улиткой выползала из ванной, всё ещё лохматая и в одеяле, и интересовалась, где её кофе. На протяжении сессии мы питались коктейлем из колы и кофе и походили на двух зомби.

Майка и Санча проводили достаточно времени в библиотеках в отведённое на это время, поэтому сессии не были их кошмаром. Мы были идеальной четвёркой. Мы никогда не ссорились, никогда не врали друг другу, никогда не завидовали и не делили мальчиков. Санча говорила на английском и французском, занималась историческими танцами и умопомрачительно шила. В ходе просмотра какого-нибудь фильма из тряпочек и ленточек в её руках так мимоходом возникал барочный рукав. Майка своеобразно рисовала, причём имела свой стиль, а на мой взгляд, это важнее, чем уметь точно

воспроизводить гипсовые конечности. Мы с ней обменивались книгами в сумасшедших количествах. Мы пытались читать классику в оригинале (если речь шла об англоязычных авторах, разумеется – куда уж нам до Санчиных лингвистических достижений). Мы были совсем разными, совсем. И сложились в идеальный пазл. Когда я вспоминаю, какие мы были в самом начале – только закончившие школу и твёрдо уверенные в будущем, - мне становится смешно. Мне кажется, что с тех пор прошло лет 20, не меньше.

Мы ходили на все фестивали авторского кино, на все проходящие выставки и мероприятия, мы собирались у кого-нибудь в гостях, пекли слойки и читали «Иностранную литературу» за 82й год, смотрели фильмы и обсуждали книги. Мы были четырьмя мушкетёрами (все, наверное, когда-то ими были, это, наверное, как ген, который передаётся из поколения в поколение): Санча на правах главного эрудита, а так же самого благовоспитанного и хладнокровного представителя нашей четвёрки, получила роль Атоса. Я в те времена была Арамисом, оставим это без комментариев и просто примем как данность. Майка, не помню по каким признакам, оказалась Д'Артаньяном, а Тыква, поскольку пахала с утра до ночи и обедала исключительно на ходу, создавала впечатление, что кормится постоянно, посему и была наречена Портосом. Хотя, конечно же, бурно сопротивлялась. Ну какая же девочка захочет быть Портосом!

Тыква жила по квартирам друзей, работала где попало, содержала себя сама с 14 лет и постоянно ругалась с семьёй.

Однажды мы вчетвером попали на показ мюзикла «Ромео и Джульетта», был тогда период повышенного интереса к французским мюзиклам. И Тыква без памяти влюбилась в Ромео. Поначалу мы думали, что это по большей части шутка, мы же взрослые, самодостаточные 18-летние женщины, что за детсадовские замашки! Но Тыква обклеила стены своей комнаты в общежитии его портретами и записалась на курсы французского.

Нет, я тогда, конечно, трепетно вздыхала по священнику из «Нотр-Дама», Санча наверняка втихушку восхищалась каким-нибудь сэром Рочестером, а Майка металась между Бандеросом и Брюсом Уиллисом, но мы как-то отдавали себе отчёт в том, что все эти прекрасные мужчины живут «в телевизере». Тыква же разве что в обморок не падала, слыша этот голос. И чем бы вы думали, всё это кончилось? В итоге Тыква встретила парня, похожего на Ромео настолько, что его собственная мать путала их на фото.

Разница была только в причёске: Тыквин студент физфака носил короткий ёжик, а Ромео подметал улицы Парижа длинной шевелюрой.

А на пятом курсе Тыква написала нам всем, что больше не хочет нас видеть. До самой защиты диплома она пролетала мимо, даже не здороваясь. А потом исчезла. Через год после окончания универа мне пришла повестка из полиции, и выяснилось, что вот уже полгода Тыква числится пропавшей без вести. Мы больше не видели её.

Двадцать пятого марта, будучи студентами-первокурсниками, мы собрались в центральной «Курице», сейчас там какой-то павильон сотовой связи, а тогда, 7 лет назад, была «Курица». Мы по-студенчески отмечали Тыквин день рожденья, и Тыкве пришло в голову написать себе и друг другу письма в будущее, на пять лет вперёд. И мы написали. Написали на вырванных из конспектов листочках, среди пластиковых стаканчиков. Каждый – по письму самому себе, и по письму всем остальным. Мы вынесли из ныне не существующей «Курицы» по четыре капсулы с надписью «не вскрывать до...»

В указанный срок я не сразу вспомнила о письмах. Это так всегда происходит – сначала мучительно хочется подглядеть. Потом кажется, что эти пять лет никогда не пройдут, потом вспоминаешь всё реже, и в итоге в один прекрасный день затеваешь внезапную уборку – и вот оно, выпадает из книжки, и оказывается, что пять лет истекли как раз на днях. По идее, мы должны были вскрыть конверты РОВНО через пять лет, в Тыквин день рождения. Но вскрыли – каждый в свой момент. Потому что четвёрка, само собой, распалась на четыре единицы. Это не грустно, это нормально. У каждого ведь свой путь.

История Майкиного отъезда логична: ей стало тесно. Майка позвала меня в «Курицу», мы пили светлое пиво под тогдашнюю модную попсу, которая не нравилась нам обоим. Когда ей позвонили, я отошла за порцией картошки фри, а когда вернулась, Майка сказала, что ей ответили на резюме, и она уезжает. Майка паниковала, но выбор между паникой и тоской – это, наверное, даже не выбор.

Тыква исчезла. Внезапно. Да, именно так – исчезла, испарилась, самоликвидировалась – как вам будет угодно. Я не знаю, где она и что с ней.

Санча никуда не уехала, но её я вижу не часто. У нас разный круг общения. Несколько дней назад она написала, что соскучилась. После этого мне в

очередной раз попались на глаза эти наши письма. Я посмотрела на календарь и поняла, что всё работает как часы. Опять Тыквин день рождения. Какая-то у нас коллективная интуиция. Вот я сидела и перечитывала их, третий год подряд они возникают в поле зрения именно в районе 25 марта. Я их перечитала, там было столько наивностей и недальновидных пророчеств, как, например, упоминание людей, о которых я уже даже не помню. И сначала я подумала: какие милые, глупые, бесполезные письма, а потом поняла, что именно благодаря им я так ясно увидела, как катастрофически много времени прошло, как всё изменилось, как мы изменились. У нас выросли когти и клыки, мы повзрослели и озаботились совсем другими вещами, мы разъехались и почти потеряли контакт, и только раз в год, в районе 25 марта, случается какая-то телепатическая конференция. Я не знаю, что тогда хотела сделать Тыква этими письмами – до неё уже не дозвониться и не спросить, но по-моему, получилось что-то сверхъестественное. Я держала эти письма в руках, и мне казалось, что я сейчас могу одеться, пройти до угла дома, проехать дюжину остановок, а там, на том самом месте, стоит та самая «Курица». И я встану спиной к дороге, потому что мы сидели у этого окна, и меня будет не видно, потому что снаружи темно, а внутри светло, а мне будет отлично видно, как мы все сидим там. И откуда-то слева подойдёт Майка, ныне живущая во второй столице, а откуда-то справа – Санча, ныне обитающая в своём, параллельном городе, и откуда-то извне материализуется Тыква, ныне икающая где-нибудь в Зимбабве. И мы все будем смотреть, как там, по-ибсеновски внутри – Тыква в блузке, которую сшила Санча, Майка в какой-то модной тряпочке из трёх лямок, Санча в свитере и я, увешанная феньками, побросали рюкзаки, разгребли пластиковые стаканчики и пишем письма себе в будущее. Пишем, даже не догадываясь о том, что вот они, будущие мы, стоим тут и дышим в окно. Это было такое странное ощущение, такое реальное, что я чуть не побежала туда. Но потом увидела, что на улице сильный снегопад, да и поздно уже. Вот так, мы повзрослели, отрастили когти и клыки, стали бояться снега и лениться бежать куда-то ночью в поисках временного портала.

Наткнувшись на временную капсулу, я впечатлилась настолько, что предложила Аарону повторить эксперимент – написать письма в будущее себе и друг другу. Но у нас вышло совсем не весело. Мы взяли по листу бумаги и разошлись по углам. Я пыталась шутить, пророча Аарону карьеру капитана космического корабля или, на худой конец, переворачивателя пингвинов (говорят, есть такая профессия – пингвин, падая на спину, не может

самостоятельно подняться, а отважные переворачиватели ставят его на ноги, спасая от неминуемой гибели; мне кажется, Аарон подошёл бы на роль соискателя такой должности). А Аарон что-то долго скрёб на листе с сосредоточенным видом, потом зачеркнул, ещё накарябал, взял другой лист, повторил все махенации уже над ним, и в итоге со злостью смял оба листа и бросил это гиблое дело:

- Я не знаю, Миа. Я понятия не имею, где и кем ты будешь через пять лет. Ты можешь быть кем угодно, я не медиум.

Аарон:

27 марта 2008 года

Это очень странно, но я не вижу себя в будущем времени. Я совершенно не представляю, что будет даже через какой-то короткий промежуток времени в год или два...

Аарон:

29 марта 2008 года

Позвонила Миа – как ни странно, именно в тот момент, когда я о ней вспомнил. Я вообще стал замечать, что события стали уведомлять меня прежде чем случиться. По-моему, началось что-то мощное, что-то страшное и необходимое. Как будто мир сместился со своей орбиты. Я чувствую, как воздух хрустит, сминаемый чем-то незримым и массивным. Но у меня внутри на редкость тихо и спокойно.

Миа

15 апреля 2008 года

Я мыла посуду. Да, это – повод потратить ещё пару страниц дневника и час своего драгоценного времени.

Я мыла посуду. Это было вчера. Я просто пришла с работы, поужинала и мыла посуду.

И вдруг всё остановилось

Время

Гравитация

Звуки

Всё

Остановилось

И настала какая-то плотная, ватная тишина. Тарелка выскользнула из намыленных пальцев и медленно, как в невесомости, полетела вниз... и, беззвучно ударившись о кафельный пол, раскололась на несколько белых клиньев. Белая пыль, керамический порошок, осколки глазури разнородным облаком разлетелись вокруг эпицентра, как после Большого Взрыва, всё так же медленно и беззвучно – мне даже показалось, что в этом облаке промелькнуло подобие Млечного Пути.

И времени не стало. И я как будто отразилась в сотне зеркал, но каждое из отражений было другим. Я стояла здесь и одновременно была сотней разных людей. Само понятие «Я» стало чем-то другим; я чувствовала все эти тела, обволакивающие меня, как капустные листья, как оболочки матрёшки. И мантра «это происходит со мной сейчас» больше не работала: это происходило сейчас и когда-то ещё. Так, наверное, происходит парад планет – раз в тысячи лет все они встают в одну линию, и с определённой точки выглядят как один крошечный шарик. Это был мой дом, другой мой дом, все мои дома. Я закрыла глаза, но продолжала видеть комнату и осколки тарелки, которые всё никак не могли приземлиться. Свет, разбрызганный по полу сквозь ажурную занавеску. Всё это было на месте, но сквозь это просвечивало что-то ещё. И ещё. И ещё. Как будто киноплёнку нарезали на кадры и сложили пачкой, чтобы посмотреть на этот калейдоскоп в свете лампы.

Я открыла глаза и разрыдалась. Не могу сказать, что мне было грустно, страшно или плохо. И уж тем более не жаль разбитой посуды – не

настолько я сентиментальна. Мне никак не было. Но я не могла остановиться, как под действием какого-то препарата. Что-то тяжёлое ударило в грудную клетку изнутри. В самом центре, как молот бьёт по колоколу, только вместо гула – невесомость и тишина.

Я стояла одна, посреди кухни, над разбитой тарелкой, с намыленными руками, и не могла успокоиться.

А потом наступила пустота. Точнее, опустошение.

Потом я собрала осколки, домыла посуду, вымыла пол с воздушным ароматным гелем «морозная свежесть», сделала уборку на кухне. И в зале. И в кладовке. И на всех полочках в ванной. И во всех ящичках письменного стола. Я постирала всю скопившуюся в корзине одежду. Выбросила чашки и блюда с отколотыми краешками. И все ненужные журналы и рекламные листовки. Начистила обувь. Оттёрла красный лак со столешницы. И отскребла окаменелости жвачки из-под той же злосчастной столешницы. Протёрла окна и зеркала. И заснула на диване, в джинсах и свитере. Укрывшись углом пледа.

Нет, я не позвонила ему. Я не стала звонить. Я не хотела этого понимать, но понимала, что произошло, как будто читала какую-то книгу на страницу вперёд – ещё не видя букв, но уже угадывая повороты сюжета.

Я проснулась в сумерках, не понимая, сегодня это или уже завтра. Я проснулась и почувствовала жуткий холод: забыла закрыть окно. Но сил встать не было. Мне казалось, меня заматает снегом посреди белого поля, белого поля сладкой ваты, ледяной сладкой ваты, стеклянной крошки, микроскопических осколков... Я вспомнила свой детский кошмарный сон – как мы всей семьёй завтракаем, а по коридору ползёт ртуть, и мы залезаем на табуретки, чтобы она не затопила нас. Мама рассказывала мне, что ртуть ядовитая – видимо, это обстоятельство настолько меня впечатлило, что продолжало пугать и во сне.

И этой ночью, в полувменяемом состоянии, я кожей чувствовала, что она настигла меня; под моим озябшим и затёкшим телом – запотевшее зеркало, переливающаяся серебряная масса, хрустящая корка льда, сквозь которую просвечивает моё мутное, неузнаваемое отражение – одно блёклое пятно, свежемороженая Офелия, выброшенная не на берег, а сразу на прилавок со склизкой рыбой в бурых подтёках. Я ещё не сплю, но уже где-то на грани сна

– и вижу, как моё размытое отражение отклеивается от поверхности льда и медленно уходит на глубину. И тонет в рыхлой темноте, озаряемой слабыми вспышками, как в толстом скруглённом окне ночного поезда. Я чуть шевелю плечом – и лёд хрустит. «Тебя могло запечатать...» Мне снова одиннадцать. И вот я впервые встаю на коньки, это коньки Бакса, вся дворовая шпана сглатывала слюну и смущённо прикрывала свои ноги в фигурных коньках – такие стоили дешевле. Я осторожно плыву по периметру катка, недалеко от бортов, потом начинаю разгоняться – и улыбаюсь от того, как ловко получается держать равновесие. И чья-то клюшка внезапно цепляет меня за полозья – он это специально сделал, я слышала, как они смеялись... и я падаю на лёд. И рассыпаюсь на тысячу фарфоровых балерин в зеркальной корке, исполосованной лезвиями многочисленных коньков. Совершенная тишина и плавное движение руки, как в калейдоскопе, повторяется тысячу раз. «*Demi plie, grand plie*» - откуда-то из глубокого чужого детства с пуантами и большими окнами в осень. Облачко дыхания над ртутным зеркалом – и я вспоминаю, как совсем маленькими мы с Баксом и Аароном, затаив дыхание, смотрели клип с замёрзшим лесом, где вокруг пушистого дерева скользили на коньках фигуристы, а по заиндеветшим веткам ползали какие-то мифологизированные персонажи. Шуршащий звук полозьев, шелест совсем не зимних крон над головой – и крупным планом на мои пальцы приземляются снежинки, но не тают, потому что это лепестки...

Я слегка шевелю пальцами и почти просыпаюсь в своей квартире – и запах снега на миг превращается в запах моющего средства: пол ещё не высох – а я уже облетела вокруг жизни, переплыла временной океан. Мыльный лунный отсвет размазался по полу неравномерным слоем и снова стал коростой мутного льда. Подростками, весной мы ходили к разлившейся реке. Глина оседала, мусор прибывало к рваному чавкающему берегу, но можно было пройти по сваленным стволам деревьев – и там, чуть дальше, мелкие рыбки плавали среди полыни. Мы сидели на брёвнах, курили, слушали любимые песни на разболтанном кассетнике. И было по-майски свежо, и вся жизнь была впереди, и всё вокруг дышало свободой. Мама, на полу ртуть – надо залезть на табуретки. Мне снова четыре, и я до ужаса напугана ползущей серебристой массой. Напугана и заморожена, потому что меня хочет поглотить жидкое зеркало. Оно ползёт и издевательски корёжит моё отражение... и я боюсь себя.

Я сжалась в клубок, насколько позволяла далеко не гимнастическая гибкость, и снова заснула, уже до утра. И утро настало. Я знала, что оно настанет, но когда поняла, что это произошло, ещё долго старалась уснуть обратно. Как будто это могло откинуть меня в прошлый день. Однажды мне не хотелось идти в школу, и я изобразила недомогание. Мама вручила мне градусник и убежала в комнату Бакса, одевать его в детский сад. Арон ещё чистил зубы, а я была одна на кухне. Я решила нагреть градусник, но не придумала ничего лучше, чем сделать это зажжённой спичкой. Через две секунды резервуар лопнул, и металлические шарики ртути рассыпались по полу. Я стояла, изо всех сил стараясь обратить время, но ничего не вышло.

Лёжа на диване в позе эмбриона, под воображаемым снегом и в воспоминаниях о ртути, я не могла заставить себя пошевелиться; моё тело было неподъёмным. Глаза опухли после вчерашней истерики, спину ломило. А вокруг нависала прибранная до мельчайших деталей квартира. Вымытая и пахнущая морозной свежестью, и уже не расслаивающаяся на десятки незнакомых мне мест.

Так я родилась в этот холодный стерильный мир.

Сердце Арона остановилось на краю ночи. Нет, он не отравился таблетками, не выпил лишнего, не получил травму и не свёл счёты с утомившей его жизнью. Просто его часы отсчитали всё, что ему было отмерено. Срок вышел, и сердце перестало работать.

Я

Никогда

Не чувствовала

Такой

Пустоты

На этой записи наши дневники заканчиваются. Точнее, мой продолжается спустя несколько дней тишины, но это всё уже не имеет отношения к сюжету.

В блокноте Аарона оставалось ещё много чистых листов. Смерть всегда оставляет много ещё незаполненных страниц, даже если свято верить в гипотезу о том, что всему свой час и свой срок. Смерть оставляет множество вещей в несовершенном времени и множество событий в условном наклонении.

Между последней страницей и форзацем были вложены какие-то бумаги: несколько железнодорожных билетов эпохи цирковых странствий, два письма, буклет органной летней школы, облезлая коллекционная марка, репродукция "Сада земных наслаждений" с подписью почерком Аарона: "Иероним Босх. Катманду", фотоснимок незнакомой мне улицы, ракурс с такой точки, что кресты на куполах церкви, цирковой шатёр и антенны на крыше двухэтажного жилого дома - всё смешалось в единый графический узор наподобие мачт... когда мы были маленькими, между домами во дворе виднелся вокзал, и специфическая форма крыши в сочетании с антеннами и проводами точно так же воспроизводила над зданием силуэт мачтового судна с определённой точки. Иллюзия была настолько явной, что хотелось верить скорее глазам, чем здравому смыслу. Корабль-призрак на снимке не мог быть тем самым; вероятно, он явился Аарону в каком-то другом городе в период его разъездов. Я подумала, как это забавно: то, что много лет мозолило глаза на самом видном месте, в один прекрасный момент является как откровение где-то в сотнях километров и в десятке лет отсюда... видимо, нужно отойти на достаточное расстояние, выбрать один-единственный нужный ракурс, чтобы увидеть. Аарон как-то сказал: "почему-то одна и та же мысль из уст героя эпической картины звучит куда правдоподобнее, чем из уст твоего брата за завтраком".

Ещё одной находкой, таившейся между форзацем и последней страницей, был альбомный лист, где рукой Аарона было нацарапано несколько абзацев текста:

*«Путевые заметки Всадника с купированной головой
(зачёркнуто) Всадника Без Чувства Юмора.*

Эпизод один.

*Осознание того, что теперь я, согласно номеру эпизода,
один. Эпоха Великого Безразличия. Пространство вокруг*

меня разломилось, как мандарин, на липкие бессмысленные дольки. Я смотрел на свой корпус со стороны, как призрак, и констатировал отсутствие каких бы то ни было эмоций и желаний. Я был патологоанатомом над собственным телом. Бесстрастным, немым, равнодушно пьющим кофе через десять минут после того как вскрыл и заштопал самого себя.

Эпизод два.

Два. Цифра, больше похожая на миф. Пространство без тебя кровоточило, как десна, из которой с хрустом выкорчевали зуб. Но в то же время, осознав то, что ты ушла, я понял, что ты всегда будешь со мной. Ты никогда не уходила, потому что мы изначально пришли в этот мир, чтобы навесить друг друга. И обязательно встретимся ещё, это только вопрос времени.

Эпизод три.

Я гнил заживо под твоими окнами, в дождь и солнце. Я старался понять, почему всё происходит так, как происходит. Но жизнь мало похожа на учебник по логике. И правильный вопрос – “зачем?”, а не “почему?”. Я был вкопан, как столб, под твоими окнами. Как хрупкий соляной столб, обращённый в невозвратимое прошлое. И вот что удивительно: я сомневался в том, что ты вообще когда-либо существовала в реальном мире, но меня совершенно невозможно было разубедить в том, что мы завязаны прочным узлом на многие века вперёд. Я просто знал это, как то, что завтра снова взойдёт солнце и наступит новый день.

Эпизод четыре.

Четыре – это и крест, и круг. Это четыре стихии и четыре стороны света. Это четыре времени года и четыре времени суток. Это полный цикл метаморфоз и возвращение в точку отсчёта. Я был свободен идти на все четыре стороны. Все дороги были моими. И я выбрал ту, о которой не знал ничего.

Эпизод пять.

Каждый переплывает свой океан в одиночку. Мой океан сперва был монстром, старающимся меня поглотить, потом, со временем, плотность воды возрастала, мешая мне двигаться вперёд. И я увяз в собственной уязвимости, и вопреки притче о лягушке, взбил себе болото.

Эпизод шесть.

Я бродил высохшим, опустошённым призраком среди людей, не чувствуя себя причастным к ним, к миру вокруг, ко всему этому сюжету. Я стал вместилищем роящегося страха и ожидания, когда, когда уже всё это закончится... я ходил, как колокол, наполненный гулом и холодом. Но никто не слышал меня, потому что я перестал существовать, я выпал из мира, как из переполненного вагона метро, как из гнезда.

Эпизод семь.

Я бродил по Лабиринту в поисках своего врага. Но Лабиринт был как дом на холме из “Алисы в стране чудес” – чем ближе к цели я был, тем дальше слышалось дыхание монстра. По сути, Минотавр в глубине Лабиринта – и есть Тезей, жаждущий встречи с Минотавром. Тезей участвует в воображаемом сражении, поскольку в самом центре своей Вселенной он яростно убивает свою проекцию. Это замкнутая система, запутанный механизм самоуничтожения. Исполосовав лезвием своего Минотавра, я замер в серой сердцевине Лабиринта и отчётливо услышал, как где-то вдали сомкнулись стены. Ариадна у выхода, затянувшегося, как рана, забыла о предназначении нити, и вязала носок. Постаревшая и утратившая память Ариадна. А я пустил корни в центре своей тоски, и кожа моя стала бесчувственной корой.

Эпизод восемь.

И в поисках покоя я пересёк галактику. Но всё, что я оставил, по-прежнему было со мной, потому что сердце моё – как рюкзак, в котором всё так же помещается всё необходимое для высадки хоть на Луне. Я был улиткой, ползущей целую вечность по раскалённому острому песку, мечтающей

оставить свой дом в далёком прошлом, но ещё не понимающей, что этот дом – её единственное спасение от смертоносного солнца и единственная причина, по которой она ещё жива.

Преодоление пути и есть единственная правильная дорога к тому настоящему, что необходимо разглядеть. Без преодоления это не путь, а увеселительная прогулка, завершающаяся исключительно скукой.

Я полз невыразимо медленно, я был выпотрошен и измучен, но теперь во мне не было ничего лишнего. Я был совершенен, как в тот первый день, когда попал в этот мир.

Эпизод девять.

Я подошёл к зеркалу: всё, что мнилось концом пути, оказалось центром и отразилось в ледяной корке того, что я сперва счёл тупиком. И я стал кристаллом льда, вмёрзшим в лёд, из которого был сделан. И тем самым, сделался частью необъятного механизма, непостижимой системы, нескончаемой и невыразимо сложной кристаллической решётки, не имеющей пределов.

Тупик – это дверь для того, кто больше не видит стен. Если на твоём пути встаёт стена, нужно идти по вертикали.

Ноль. Не “Эпизод ноль” – просто ноль.

Нулевой меридиан мира. Ты была молнией, расколовшей меня: я спускался всё глубже и глубже по всем уровням ада, и в то же время карабкался по древу жизни. По тем же самым этажам, только в зеркальном направлении. И достигнув дна, я достиг вершины. И все счётчики обнулились. Вечного ада нет, потому что душа устаёт болеть. Душа сбрасывает ороговевшие клетки и снова делает первый вдох».

Первое письмо (точнее, черновик письма, судя по многочисленным исправлениям и отсутствию конверта) было от самого Арона.

«Мы должны поехать с тобой в Париж. Снимем квартиру с лепниной под пятиметровым потолком и роскошной облезлой рассохшейся дверью. А ещё

лучше – мансарду. Надо будет обязательно подкупить консьержку, или оставить в журнале чужие имена. Слева от нас будет жить глухая старушка, она будет долго смотреть нам вслед каждый раз, когда мы её встретим в парадной.

В доме будет гулкий старый лифт, с решётками вместо разъезжающихся дверей. И широченная лестница с удивительным эхом. И когда я буду ждать тебя внизу, твои туфли будут мелькать между прутьями перилл красными тревожными флажками.

И каждый вечер, около восьми, как по часам, откуда-то сверху будет доноситься одна и та же музыка. Вероятно, там живёт какой-то параноик, который без неё и дня прожить не может. А с утра, прямо на рассвете, в глубине дворов будут звенеть просыпающиеся трамваи. И этажом ниже будет скрипеть несмазанная входная дверь.

И однажды мы убежим из этой квартиры на целую ночь. Убежим из своего убежища, чтобы сидеть в бордовом баре и слушать саксофониста, который так старается быть похожим на Чарли Паркера. Чтобы идти под бесконечными арками с бутылкой красного полусладкого и читать друг другу названия улиц. И фотографировать каштаны в свете фонаря. А потом – в пятом часу утра – кормить сонных голубей крошками багета в парке Монсо. И они будут чуть взлетать, но очень лениво, и садиться на памятник Мопассану. Нет, возле памятника фотографироваться не будем.

И ветер идеальной температуры будет развеивать полупрозрачный шарфик на твоей шее. И ещё надо будет купить платье цвета маринованных устриц».

Второе письмо было от знакомого пастора Аарона, с которым он впервые встретился под какой-то берёзой в каком-то дворе, судя по записи в дневнике. Войцех писал:

«Вы спрашиваете меня, почему я избрал себе такой путь. Что двигало мной, что заставило уйти от всего и служить Богу. Я не знаю, как ответить на этот вопрос, потому что Вы просите продемонстрировать вам причины. Я же не представляю, как можно их не видеть.

Одна женщина сказала как-то: «Я провела два года в монастыре, но не приблизилась к Богу ни на шаг. Но это помогло мне понять, что в каждом

фонарном столбе достаточно Бога, и совершенно незачем запира́ть себя в келье, чтобы Его найти – он никуда от нас не прятался». Это была моя мать.

Большую часть своей жизни моя мама жила среди хиппи. Она самозабвенно готовила индийские блюда, её пальцы пахли корицей. Когда я вспоминаю её, перед моими глазами полыхает какая-то мягкая лоскутная птица, в бесконечно пёстрых юбках, глухо брякающих бусах, среди шафрана, миндаля, молока и солнечного света. Она была счастливой каждую секунду своей жизни. Я не помню её без улыбки. Даже когда её губы не улыбались – её глаза смеялись мелкими морщинками.

Она ходила босиком и никогда не замирала на месте. Во всех её движениях была какая-то музыка – она постоянно танцевала. Она говорила рубленными неправильными фразами, как индейская скво. Я спрашивал её: «почему ты сейчас так сказала? Это же неправильно, так не говорят». Она говорила: «потому что в том, что я хотела сказать, нужно именно это слово». Позднее, в каком-то парфюмерном магазине, я случайно подслушал небольшой диалог иностранца и продавца. Я ещё по виду его спины понял, что он не отсюда, но в нём есть что-то родное – удивительное дело: не видишь лица, не слышишь голоса, но ощущаешь принадлежность человека к какой-то другой общности. Когда он заговорил, я узнал польский акцент. Поляк выбирал духи, но жара мешала ему различать ароматы; он хотел сказать, что вернулся бы ещё раз, когда будет прохладнее, чтобы повнимательнее познакомиться со всеми этими флаконами. Но чужой язык сделал его реплику какой-то индейской. Он сказал: «я вернусь в холодный день». Это прозвучало как «через восемь лун». Кстати, после обеда жара внезапно сменилась ледяным ливнем, небо затянуло, и до ночи уже не потеплело. Видимо, кто-то очень хотел, чтобы холодный день настал быстрее.

Мы с матерью жили в вагончике, в хиппи-коммуне. Я больше никогда не встречал настолько счастливого человека. Она была самодостаточной и бесстрашной, в её груди билось какое-то первобытное сердце. Она говорила, что мир и есть Бог, что все люди прекрасны, что всё происходит так, как должно быть. Я до сих пор не знаю, о каком Боге она говорила – я никогда не видел у неё богословских книг. Где бы мы ни появлялись – она заходила и в буддийские, и в православные, и в католические храмы. Она вела себя так, как будто её дом был везде.

Это странно прозвучит, но её уход был чудесным. Я до сих пор не уверен в том, что она умерла, а не переместилась куда-то в другой мир, прямо со своего пёстрого гамака. Мне было восемь лет. Накануне в холмах разлилась река. Несколько соседних деревень смыло и разнесло по щепкам. Люди спасались в редких лодках, на дрейфующих досках, влезали на крыши самых высоких построек. Мы знали, что река идёт к нам, но времени уходить уже не было.

Мы стояли на холме со своими пожитками в надежде, что вода не достанет нас или, по крайней мере, ударит не с такой силой, как по первым препятствиям на своём пути. Мы видели, как вода заполняет долину и подбирается к нашему лагерю мутной массой. Мама смотрела на приближающуюся воду, но в её глазах не было страха. В них было восхищение и восторг. Я видел, как поток отражается в её глазах – как будто две стихии неслись навстречу друг к другу, но в замедленном темпе. Так где-то в глубине неба перемещаются туманности и галактики. Это была какая-то плавная, космическая мощь. Мама, не отрывая взгляда от долины, сказала мне: «Запомни, Войцех. Когда вода придёт, не бойся её. Не сопротивляйся. Этой реке тысячи лет, она не вынесет тебя на неправильный берег. Закрой глаза и посмотри воде в душу. Мы тоже сделаны из воды. Из воды и глины. Из дерева, огня и ветра. Посмотри в душу воды и скажи ей своим сердцем, что ты любишь и принимаешь её. И она не тронет тебя». «А если мы умрём?» - спросил я. «Если мы умрём, Бог заберёт нас отсюда и придумает нам новую жизнь». Я помню, как с ужасом представил себя в этом мутном потоке, среди обломков чужих домов, мёртвых тел, осколков и ошмётков. Я почувствовал, как вода сносит меня с холма, всех нас, со всеми нашими вагончиками и вещами, и несёт, перемешивая, дальше, к лесу в низине. Я зажмурился и вдохнул как можно глубже, хотя вдохнуть было ещё рано – поток ещё не подступил. Я стоял, вцепившись в мамину руку, и изо всех сил старался не бояться. Я вспоминал детские стишки и считалочки, я пел про себя... а потом пришло осознание того, что от моих песен ничего не изменится. И с закрытыми глазами я как бы сквозь веки посмотрел на долину и поток мутной воды. Я внезапно успокоился и выдохнул. Я сказал потоку внутренним голосом: «здравствуй». И не знал, что говорить дальше. Я стоял так долго, очень долго. А когда открыл глаза, вода стояла в низине, не скрывая холма даже наполовину. Она обошла холм с нашим лагерем по впадине и двинулась дальше. Мама продолжала смотреть в воду, но уже с каким-то новым выражением глаз – как будто перед ней лежал успокоившийся зверь, и она

гладила его по горячей шерсти. Я не мог поверить тому, что вижу. А она смотрела так, как будто по-другому не могло быть.

Ночью я долго не мог заснуть. Я лежал, свернувшись в своей кровати, под лоскутным одеялом, и думал обо всём этом. О том, что она сказала мне – «если мы умрём, Бог заберёт нас отсюда и придумает нам новую жизнь». Раньше я не предполагал, что бывает какая-то жизнь ещё. Я думал, что смерть – это сон, только ты спишь так крепко, что не видишь снов. А теперь выходило, что сны есть. Более того, потом ты просыпаешься, но ты – уже не ты, уже кто-то другой. Я думал, как это происходит и кто этот Бог – алхимик, маг? Как он берёт человека и превращает его в другого человека? И потом, в мире так много людей, а он всего один – как он может уследить за нами всеми? В трейлере на краю холма жила Дора с пятью детьми, они постоянно разбегались и шкодили, она никак не могла заставить их слушаться. А ведь их всего пять. Это в миллионы раз меньше, чем людей на земле. Я спросил громким шёпотом: «мам?», она тоже ещё не спала и отозвалась. «Мам, а кто такой Бог? Как он всё это делает? Как он успевает?». Мама приподнялась на локте, недолго на меня посмотрела, потом вдруг соскочила и сказала мне одеваться. Я натянул шорты и шлёпанцы. Рубашку надевать не стал – половина нашей коммуны вообще не утруждала себя ношением одежды, поэтому можно было выходить хоть в чём мать родила.

Мы вышли из вагончика и пошли по холодной мокрой траве вниз – туда, где всё ещё стояла вода. Мы подошли совсем близко, к самому её краю.

«Смотри, - сказала она, - смотри всё это в один момент». И я стал смотреть. Мы сидели долго, но она не давала мне подсказок. Она вообще имела странную манеру изъясняться. Когда я был совсем маленьким, я никак не хотел говорить. Все дети моего возраста трещали без умолку, а я молчал или выражал свои мысли односложными репликами. Мать не кинулась водить меня по логопедам и психологам. Она сшила игрушечного крота. Вручила мне его и сказала: «Это крот. Ты можешь назвать его как хочешь. Он теперь твой и ты за него отвечаешь. Ему будет сложно жить, потому что он слепой. Он не знает, как выглядит небо или солнце или человек. Он никогда этого не видел. Но если ты ему расскажешь, какие они – он сможет представить это. И не забудь: он не видел НИЧЕГО. То есть, если ты ему скажешь «это круглое и жёлтое» - тебе для начала придётся пояснить, что такое «круглое» и что такое «жёлтое». Трудно тебе с ним придётся». Я взял крота и посмотрел на его грустную мордочку и крошечные глазки-бусинки. И мне стало безумно

жаль его. И я начал рассказывать. Я ломал голову, какими словами объяснить цвет. Я сравнивал его со звуками и вкусами. Я придумывал точнейшие описания предметов и явлений. Меня научил говорить слепой игрушечный крот.

Стоя в ночь потопа у разлившейся реки, я старательно ловил ощущения. «Это всё, - сказала моя мать, - ночь, река, рыбы, мы с тобой, другие люди, города, звери – всё это Бог. Он всё успевает потому, что это всё и есть Он. Ты всегда знаешь, что делают твои руки и ноги и чем занята твоя голова, потому что это всё – части тебя». И тут я увидел. Каким-то внутренним взором. Я в один момент увидел всё это – день и ночь на разных континентах, дождь и снег, миллионы людей, реки и океаны, полные рыб и растений, фотосинтез, растущие кристаллы – я не знал названий этих явлений, но видел, как это происходит. Я стоял посреди мира, и сквозь меня дул ветер. Мои артерии соединялись с реками, я своей кожей ощущал, как растёт трава, в этот самый момент. И все звери и птицы мира смотрели мне в глаза и понимали, что я люблю их. С каждым моим вдохом меня становилось всё больше. Я был одновременно везде. Я понимал все языки, но не слова, а их суть. Я был в центре мира и в то же время весь мир был внутри меня.

В ту ночь я спал так крепко, что не видел снов. А наутро Бог забрал мою маму и придумал ей другую жизнь.

Мы, как древнее племя, соорудили плот, положили на него тело, подожгли солому и оттолкнули его от берега. Благо, что река сама пришла к нашему холму, как будто специально ради этого.

Коммуна взяла на себя заботу обо мне – мы всегда помогали друг другу. Если один не справлялся, ему не нужно было просить о помощи – все понемногу помогали, это было естественно. Первое время спать в пустом вагончике было невыносимо. Я постоянно хотел позвать её. И когда вспоминал, что её нет – не мог в это поверить.

Потом я привык.

Я всё время думал, какую же жизнь Бог придумает для моей мамы. Я подсказывал ему возможные варианты на случай, если он устал или не в настроении долго что-то выдумывать. Я просил Его сделать мою маму такой же счастливой, какой она была здесь. И чтобы я мог когда-нибудь увидеть её хотя бы издалека. Просто чтобы посмотреть, какая она теперь.

Я начал задумываться о том, что находится в других местах – там, за пределами нашей долины. Несколько раз меня брали с собой в город, когда нужно было закупить продуктов. Я смотрел на этот чужой мир, на новых людей, и ощущал безграничную тоску. Понимаете, я никогда не хотел себе другого ремесла. Да, я умел плотничать, готовить, шить – это были необходимые навыки в нашем поселении. Но я не видел себя ни в одной из существующих профессий. Будь на то моя воля, я бы остался просто человеком, который может о себе позаботиться.

Видите ли, в мире не существует ничего, кроме Бога; я просто не представляю, кому или чему ещё можно служить. Это не важно - читаешь ли ты проповедь, печёшь пироги или чинишь ботинки. Ты - тот, кем тебя задумали, и ты делаешь своё дело. Этим ты поддерживаешь баланс. Я думаю, именно в это верила моя мама.

Мне сложно объяснить некоторые вещи. Не потому, что они доступны для понимания лишь избранным. А потому, что мы с Вами смотрим на события и явления с размах ракурсов, с разной степенью вовлечённости. Вам кажется, что Вы не причастны ко всему вокруг, что это не относится к Вам, что Вас забыли пригласить на этот праздник. Я Вас удивлю; абсолютно всё, что происходит - происходит с Вами. И я не могу ответить на Ваши вопросы, никто не может. Но когда Вы поймёте, что Вы - неотъемлемая часть всего вокруг, что все события Вашей жизни были избраны Вами, и именно они привели Вас в ту точку, где Вы находитесь в данный момент, с моим письмом в руках, у Вас больше не останется вопросов. Потому что ответы станут очевидными. Они уже есть. Просто Вы ещё не слышите их».

У меня долго не возникало желания говорить. Мне вообще не хотелось покидать помещение и что-то предпринимать. А когда слова появились – я позволила себе вырвать из блокнота Аарона один из оставшихся чистых листов. Я сорвала его, как с дерева, как будто он был живым, как будто где-то в глубине его шершавой кожи струился хлорофилл, и как будто рано или поздно – когда придёт время – он начнёт высыхать от краёв к середине, трескаться и сжиматься, пока не превратится в труху, но пока он ещё свежий и прохладный, и если он оказался в этом блокноте – значит, он предназначен для того, чтобы на нём написали какие-то слова.

«Я пишу Вам это письмо, без цели и какой бы то ни было ценности. Потому что он говорил с Вами в тот период жизни, который проскользнул мимо нас всех. Потому что вернувшись из своей одиссеи, промёрзший до самых затерянных закоулков своего внутреннего мира, он написал Вам. И потому, что Вы вряд ли станете плакать, едва услышав его имя; а я так устала от плачущих людей, что нет сил поднимать на них глаза. И ещё потому, что однажды ранним воскресным утром я ехала в автобусе на другой конец города, чтобы увидеть человека, которого я ещё не знаю и задать вопрос, которого ещё не было в моей голове. И этот удивительный анахронизм – не единственная причина, по которой у меня разламывается голова.

Вы много говорите о душе; выходит, это по Вашей части.

Мне сложно справиться с мыслями – поток куда-то спешит, и я просто не успеваю ничего зафиксировать. А время вокруг плывёт, и я не могу двигаться быстрее – это как во сне, когда бежишь, а ноги вязнут в воздухе.

Я не могу упаковать в слова всё, что хочу сказать. Наверное, мне нужно уехать куда-нибудь, чтобы собрать себя, как конструктор. И чтобы все детали оказались на своих местах. Вы не знаете этого, но я была в эпицентре какого-то невидимого взрыва, и меня разметало по миру.

Понимаете, пастор, мы были как две половины механизма, который теперь сломан. Нет, не так. Я полагала, что он сломается. Но он функционирует. Выходит, я ничего не знала об этом механизме. Поэтому я не могу его починить. Он ведь даже не сломан, вот в чём штука. Но что-то не так. Не могу понять, где, но что-то не так. И я не знаю ответов, которые нашёл Аарон; я даже не знаю вопросов, которые он задавал.

Я родилась позавчера. В прямом смысле слова. Я вышла из пены – пусть не морской, а вполне современной пены – из бутылочки с этикеткой «морозная свежесть». Я ничего не знаю о мире, в который попала. Трава зелёная. Небо голубое. Сахар сладкий. Но это ничего не значит.

А ещё он был прав, и Вы были правы (простите, я прочла Вашу с ним переписку – я должна была прочесть её, чтобы понять, что происходило с ним все эти годы). Смерти нет. Я никогда не увижу его. Не дотронусь до него. Но я не потеряла его. Я не знаю, как сказать это... как будто одновременно он всегда будет и его никогда не было.

Я хожу по дому, наливаю чай, переставляю предметы, и ловлю себя на том, что мой внутренний диалог обращён не в пустоту. Я говорю со всеми, кто исчез из моего поля видимости, и они отвечают. Я совсем не про те истории, когда в доме после чьей-то смерти начинают хлопать дверцы серванта и падать фотографии. Это совсем по-другому. Это как будто все люди одновременно находятся в одной точке и замкнуты в единую систему, в самый сложный фрактал, в нечто наподобие кровеносной системы...

Нам всем что-то не договорили о душе. Или мы не в состоянии понять этого.

У меня постоянно шумит в голове, я не могу сформулировать мысль до конца. Я стараюсь сфокусировать взгляд, чтобы увидеть что-то важное, но у меня не получается.

До недавнего времени всё вокруг было понятным, всё поддавалось логике и укладывалось в красивые коробочки. А теперь картинка расплылась, точнее, расслоилась, и оказалось, что это не одна картинка, а много-много различных её вариаций, и все они существуют на равных правах. И мне всегда казалось, что я знаю, как поступать. А теперь оказывается, что все решения – верные. Что любая дорога – твоя. Что в природе нет никаких оценок, нет хорошего и плохого, нет добра и зла. И всё вокруг – это какая-то удивительно тонкая, изящная структура, непостижимой сложности многоуровневый автоматизированный механизм, в котором просчитаны миллиарды вероятностей каждой секунды существования человечества...

Смерти нет. Ничего не заканчивается. Не существует никаких границ. Потому что мы все слеплены из одного куска теста.

Что мне теперь делать с этим?»